M 66/75

43.116.118.143

[118]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. Д. МЕНШИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

М 66
75 [4 вкл]

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Д. Порозовской

801-86
14302-0

Съ портретомъ Меншикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТАНА ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяческая, 39.

1895

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Г. Т. Бокля. Переводъ *Буйницкаго*. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 руб.

Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Французская литература: *Г. Брандеса*. Перев. съ нѣм. *Эл. Зауэръ*. Съ 12 портретами и вступительной статьей *Е. А. Соловьева*. Ц. 2 р.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ портретомъ автора и вступит. статьей *Е. А. Соловьева* Ц. каждаго тома 1 руб.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.—До 1-го апрѣля 1895 г. вышли восемь томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ. 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8) Мартинъ Чеззльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. Томъ 9 печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова Полное собраніе въ 1-мъ и 4-хъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками. Ц. 1 томнаго и 4 томнаго изданія одна и та-же 1 р. За переплеты: для 1 томнаго 40 к. и 1 руб. Для 4 томнаго—50 к. и 1 руб.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. 8 томовъ. Ц. каждаго—1 р. Пер. для 2 томовъ вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. 2-е изд., въ 2 томахъ. Ц. 3 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художеств. альбомъ *М. Е. Малышева*. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Ц. 80 к.

Конецъ міра. Астрономическій романъ. *К. Фламмаріона*. Съ краткой біографіей автора и 4-мя его портретами. Ц. 60 к.

Въ небесахъ *(Uranie)*. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера*. Перев. съ англ. *Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. 2-е изд. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a*. Переведъ *В. Рапцова*. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Беллами*. 3-е изд., дополн. научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: „Куда мы идемъ?". Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. Социал. борьба съ экономич. язвами современ. общества. *Бутса*. Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. Съ 188 рисунками Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер 1 р.

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна*. Съ норвежск. Ц. 60 к.

Забота. Ром. *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Цвѣткова*. Книга для домашняго чтенія. Съ 72 портр. Ц. 3 р.

Исторія новѣйшей русск. литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*, 2-е изд. Ц. 2 р.

Очерки исторіи русской цензуры. *А. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. 75 к.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау*. Большой томъ, 585 столб. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Пер. съ нѣмецкаго, съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками и портретами. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ.) Романъ *З. Постери*. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портрет. И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго* Ц 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ нѣмец. *З. Зауэръ*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіеническ. романъ *Мантегацца*. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Ц. 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Ром. изъ исторіи нашего времени. *Вологдина* (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

А. Д. Меньшиковъ.

[118]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

А. Д. МЕНШИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Д. Порозовской.

Съ портретомъ Меншикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

ПУБЛИЧ. РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, Гороховая, д. № 12.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Цетербургъ, 10 Іюня 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 5

I. Вопросъ о происхожденіи Меншикова. — Мальчикъ-пирожникъ.—Любимый денщикъ Петра Великаго.—Поѣздка заграницу.—Образованіе Меншикова.—Фаворитъ Алексашка и его первые шаги.—Его вліяніе на царя.—„Дитя сердца“ Петра Великаго 9

II. Великая Сѣверная война.—Возвышеніе Меншикова.—Меншиковъ-губернаторъ Петербурга.—Награды и милости.—Меншиковъ въ Литвѣ.—Побѣда при Калишѣ.—Меншиковъ—свѣтлѣйшій князь.—Побѣда подъ Лѣснымъ; взятіе Батурина; Опошня, Полтава, Переволочная.—Меншиковъ—фельдмаршалъ.—Воейныя заслуги Меншикова.—Отзывы о немъ современниковъ; ихъ пристрастность.—Общая ненависть къ фавориту . 19

III. Семейныя дѣла Петра Великаго и Меншикова.—Дружба Меншикова съ сестрами Арсеньевыми.—Ливонская плѣнница.—Отношенія ея къ Меншикову.—Женитьба Меншикова.—Дружба съ Петромъ.—Переписка Петра и Меншикова . . 31

IV. 1710-й годъ.—Встрѣча у Краснаго Кабачка.—Внутренняя и внѣшняя перемѣна въ Меншиковѣ.—Его образъ жизни.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Темныя стороны въ характерѣ Меншикова.—Злоупотребленія князя.—Первыя разоблаченія. — Курбатово-Соловьевское дѣло.—Первая царская немилость.—Новый фаворъ.—Столкновеніе съ сенатомъ.—Слѣдственныя комиссіи надъ Меншиковымъ и ихъ результаты.—Причины снисходительности Петра.—Общій уровень нравственности въ петровскую эпоху 37

V. Дѣло царевича Алексѣя.—Роль Меншикова въ этомъ дѣлѣ.—Столкновеніе съ Шафировымъ.—Отнятіе у Меншикова военной коллегіи.—Смерть Петра Великаго и ея значеніе для Меншикова.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Дѣятельность Меншикова и его партіи. Вступленіе на престолъ Екатерины. 54

VI. Характеристика Екатерины. — Меншиковъ — фактическій преемникъ Петра Великаго.—Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Дѣятельность правительства при Екатеринѣ.—Курляндскій вопросъ.—Кандидатура Меншикова и его неудача.—Новый фазисъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи — Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра.—Борьба съ противниками.—Торжество Меншикова. 65

VII. Меншиковъ—генералиссимусъ и нареченный тесть императора.—Его самовластіе.—Интриги враговъ.—Неосторожность и безпечность Меншикова.—Болѣзнь его.—Его паденіе.—Меншиковъ въ Раненбургѣ.—Его богатства.—Новыя обвиненія.—Подметное письмо.—Ссылка въ Березовъ.—Меншиковъ —плотникъ.—Смерть Меншикова.—Судьба его семейства . 79

Источники и пособія.

1) *Записки Юста Юля* (Рус. Архивъ 1892 г.).

2) *Записки Бассевича* (Рус. Архивъ 1865 г.).

3) *Корбъ*. Diarium itineris in Moscoviam. Рус. перев. М. И. Семевскаго.

4) *Дневникъ генерала Гордона*. (Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей 1891 г.).

5) *Записки Манштейна о Россіи* (Прил. къ Рус. Старинѣ 1875 г.).

6) *Фокеродъ*. Россія при Петрѣ Великомъ (Рус. Архивъ 1875 г.).

7) *Записки герцога де-Лирія* (Сборникъ Бартенева „Восемнадцатый вѣкъ“, кн. 2 и 3).

8) Донесенія французскихъ, англійскихъ, прусскихъ и др. пословъ въ Сборникѣ Императорскаго Истор. Общества, (тт. III, XV, XX, XXXIV, XXXIX, XL, XLIX, L, LII, LVIII, LXI, LXIV, LXVI).

9) Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта, тамъ же (т. LV—LVI, LXIII).

10) *Нартовъ*. Достопамятныя повѣствованія (Москвитянинъ 1842 г.).

11) *Голиковъ*. Дѣянія Петра Великаго.

12) *Бантышъ-Каменскій*. Біографіи рус. генераловъ и фельдмаршаловъ 1840, 4 т.).

13) *Minzloff*. Menschikoffs Herkunft, (Baltische Monatschrift. Juni, 1866 г.).

14) *Гротъ*. Неизвѣстное сочиненіе о Россіи при Петрѣ I (Рус. Вѣст. 1882 г., № 2).

15) *Лазаревскій*. Описаніе Старой Малороссіи. Стародубскій полкъ.

16) *Brückner*, Zarevitsch Alexei.

17) *Погодинъ*. Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельствамъ вновь открытымъ. (Чтенія въ Моск. Обществѣ Ист. и Древн. Россіи. 1861 г., № 3).

18) *Его же*. Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. (Рус. Бесѣда 1860, № 1).

19) *М. И. Семевскій*. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Рус. Слово, 1860, № 1 и 2).

20) *Галлеръ*. Die Thronbesteigung Katharina's (Russische Revue, 1890).

21) *А. Брикнеръ*. Императрица Екатерина (1727—1727 г.). (Вѣстникъ Европы 1894 г. № 1).

22) *Арсеньевъ*. Царствованіе Екатерины I. (Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева).

23) *Щебальскій*. Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій. (Рус. Вѣст. 1860 г., № 1 и 2).

24) *Карновичъ*. Вмѣшательство рус. политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ. (Древняя и Новая Россія. 1875, № 9 и 19).

25) *Шубинскій*. Березовскіе ссыльные (въ „Историч. разсказахъ“, его же).

26) *Есиповъ*. Жизнеописаніе А. Д. Меншикова (Рус. Архивъ 1875 г.).

27) *Его же*. Ссылка Меншикова въ Березовъ. (Отеч. Зап. 1860 № 8 и 1861 № 1 и 3).

28) *Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XIV—XIX.

29) *Устряловъ*. Ист. Петра Великаго, т. IV, VI.

30) *Карновичъ*. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

...Счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ...
Пушкинъ.

Изъ всѣхъ фаворитовъ и временщиковъ, которыми такъ изобилуетъ у насъ XVIII вѣкъ, изъ всѣхъ «баловней счастья», поражающихъ воображеніе необычайностью своихъ судебъ,—самымъ замѣчательнымъ, самымъ блестящимъ и популярнымъ является безспорно знаменитый любимецъ и сподвижникъ Петра Великаго — Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Это, можно сказать, прототипъ всѣхъ послѣдующихъ русскихъ временщиковъ. Остерманы, Бироны, Разумовскіе, Потемкины—всѣ эти «случайные» люди, болѣе или менѣе продолжительное время хозяйничавшіе въ Россіи, по сравненію съ нимъ кажутся только копіями, далеко не достигающими блеска оригинала. Никто изъ нихъ не обладалъ такимъ могуществомъ, никто не поднимался на такую головокружительную высоту и... ничье паденіе не было такъ глубоко и трагично.

Біографія Меншикова въ ея крупныхъ, наиболѣе эффектныхъ деталяхъ болѣе или менѣе общеизвѣстна. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ людей, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ отечественной исторіей, при воспоминаніи о великой эпохѣ преобразованій, рядомъ съ фигурой самого Преобразователя, не представляется фигура его друга и сподвижника, любимѣйшаго изъ его «птенцовъ»; кому хоть въ главныхъ чертахъ не извѣстна замѣчательная, полная самыхъ рѣзкихъ превратностей судьба этого человѣка — его низкое происхожденіе и необыкновенно быстрое возвышеніе, его безпримѣрное могущество, безграничное честолюбіе, злоупотребленія властью и страшное неожиданное паденіе? Изъ всѣхъ анекдотически-интересныхъ эпизодовъ исторіи, попадающихъ даже въ элементарные учебники и, именно

благодаря этой анекдотичности, запечатлѣвающихся въ памяти, исторія мальчика-пирожника, ставшаго «полудержавнымъ властелиномъ», особенно популярна и извѣстна чуть-ли не всякому грамотному человѣку.

Но Меншиковъ замѣчателенъ не только по романическому характеру своихъ судебъ. Это не только интересная въ анекдотическомъ и психологическомъ отношеніяхъ личность,—въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ историческимъ дѣятелемъ, имя котораго впродолженіе цѣлой четверти столѣтія мелькаетъ передъ нами на большинствѣ страницъ отечественной исторіи. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра, болѣе всѣхъ другихъ усвоившій его преобразовательныя идеи, «полудержавный властелинъ» еще при жизни великаго государя, онъ становится почти полновластнымъ правителемъ послѣ его смерти. Екатерина I, обязанная ему тономъ, является послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ; въ малолѣтство Петра II, Меншиковъ, будущій тесть императора, распоряжается еще болѣе безконтрольно, хотя и короткое время. Хорошо-ли, дурно-ли онъ пользовался своей властью—это особый вопросъ. Фактъ тотъ, что послѣ смерти Петра Великаго дальнѣйшая участь его реформъ, дальнѣйшее развитіе того, что было начато или только намѣчено геніальнымъ преобразователемъ, всецѣло зависѣли отъ способностей и энергіи тѣхъ, къ кому перешла власть, а слѣдовательно, на первомъ планѣ, отъ А. Д. Меншикова. И *этотъ* Меншиковъ,—Меншиковъ, главный исполнитель замысловъ Петра при его жизни и его фактическій преемникъ, безъ сомнѣнія заслуживаетъ нашего вниманія въ гораздо большей степени, чѣмъ тотъ временщикъ, неслыханно блестящая карьера котораго завершилась такъ печально въ отдаленномъ уголкѣ Сибири.

Къ сожалѣнію, несмотря на популярность Меншикова, именно эта сторона его біографіи наименѣе разработана. Въ общемъ, жизнь любимца Петра Великаго несравненно чаще служила предметомъ поэтически-литературной обработки, чѣмъ серьезнаго историческаго изслѣдованія. Оно и неудивительно. Необыкновенныя превратности въ судьбѣ этого дѣятеля сами по себѣ такъ интересны, такъ способны дѣйствовать на воображеніе и чувство, что историческая роль его какъ-то нечувствительно отступаетъ передъ нами на

задній планъ, и ярко-очерченная историческая фигура переходитъ въ разрядъ тѣхъ героевъ, которые особенно охотно утилизируются поставщиками сенсаціонныхъ романовъ или назидательныхъ повѣстей въ духѣ ходячей прописной морали.

Такого именно, за немногими исключеніями, характера вся литература о Меншиковѣ. Романовъ, повѣстей, драмъ—прибавимъ, очень посредственныхъ—мы можемъ насчитать массу, какъ у насъ, такъ и—главнымъ образомъ—въ западноевропейской литературѣ. Но болѣе или менѣе полной научно-обработанной монографіи, посвященной Меншикову, у насъ нѣтъ еще по настоящее время. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему въ общихъ трудахъ Соловьева, Устрялова и Брикнера, да нѣсколько журнальныхъ статей, касающихся отдѣльныхъ моментовъ въ его дѣятельности—вотъ и вся наша историческая литература о Меншиковѣ. Такія біографіи, какія мы находимъ въ «Жизнеописаніяхъ русскихъ генераловъ» Бантышъ-Каменскаго, въ настоящее время являются совершенно устарѣлыми. То же можно сказать о краткой, совершенно безцвѣтной біографіи Меншикова, помѣщенной въ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей» Костомарова. Единственная работа, заслуживающая серьезнаго вниманія—«Жизнеописаніе А. Д. Меншикова» Есипова—представляющая къ тому-же не столько литературно-обработанную біографію, сколько собраніе разныхъ по большей части еще неизданныхъ матеріаловъ для этой біографіи, осталась, къ сожалѣнію, неоконченной и доведена только до 1710 г. Несмотря на обиліе источниковъ, относящихся къ Петровской эпохѣ, многіе моменты и даже періоды въ жизни человѣка, привлекавшаго всеобщее вниманіе современниковъ, остаются до сихъ поръ невыясненными. Меншиковъ еще ждетъ своего біографа, которому предстоитъ далеко нелегкая задача — окончательно разобраться въ огромной кучѣ архивнаго матеріала, провѣрить многочисленные, подчасъ совершенно противорѣчивые иностранные источники и на основаніи добытыхъ результатовъ всесторонне освѣтить какъ личность этого дѣятеля, такъ и его роль въ великой эпохѣ преобразованій.

Въ ожиданіи-же такого капитальнаго труда все, къ чему мы можемъ стремиться въ предѣлахъ нашего краткаго очер-

ка, составленнаго на основаніи однихъ только печатныхъ матеріаловъ — это представить хоть въ общихъ чертахъ картину жизни и дѣятельности этой высоко-интересной личности. При этомъ мы будемъ по возможности держаться однихъ только признанныхъ безспорными фактовъ, такъ какъ популярный характеръ очерка не позволяетъ загромождать его ссылками и критическимъ разборомъ источниковъ.

ГЛАВА I.

Вопросъ о происхожденіи Меншикова. — Мальчикъ-пирожникъ. — Любимый денщикъ Петра Великаго. — Поѣздка заграницу. — Образованіе Меншикова. — Фаворитъ Алексашка и его первые шаги. — Его вліяніе на царя. — „Дитя сердца“ Петра Великаго.

Уже съ первыхъ шаговъ при составленіи біографіи Меншикова мы наталкиваемся на серьезныя и, по всей вѣроятности, даже непреодолимыя трудности. Обычный пріемъ біографовъ—прослѣживать жизнь изображаемаго лица чуть не съ момента его рожденія, искать объясненія уже сложившагося характера въ условіяхъ его воспитанія, во вліяніи наслѣдственности и т. п.—оказывается въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимымъ. Дѣло въ томъ, что у насъ не только не имѣется достовѣрныхъ извѣстій о родителяхъ Меншикова, о годѣ и мѣстѣ его рожденія, но и все дѣтство и юность человѣка, имя котораго впослѣдствіи гремѣло даже на западѣ, время его появленія при дворѣ, обстоятельства, при которыхъ онъ сблизился съ Петромъ—все это представляетъ пока рядъ страницъ, либо совсѣмъ бѣлыхъ, либо-же испещренныхъ такой массой легендарныхъ подробностей, что разобраться въ нихъ съ полной ясностью нѣтъ никакой возможности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Меншиковъ? Дѣйствительно-ли знаменитый фаворитъ Петра Великаго былъ тѣмъ „безроднымъ баловнемъ счастья“, какимъ онъ изображается во всѣхъ біографіяхъ? Дѣйствительно-ли человѣкъ, достигшій званія перваго министра и генералиссимуса, одно время полновластно управлявшій Россіей и даже чуть не основавшій собственную династію, былъ такого низкаго происхожденія, что въ молодости долженъ былъ продавать на улицахъ пирожки, какъ разсказываютъ многіе современники?

Какъ ни легендарно звучатъ подобные разсказы, но въ сущности изъ всего, что касается начала жизненнаго поприща Меншикова, только вопросъ о его происхожденіи можетъ считаться въ настоящее время болѣе или менѣе выясненнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первый „свѣтлѣйшій князь“ дѣйствительно происходилъ изъ простолюдиновъ, и можно даже вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ

Соловьева, который и самое преданіе о мальчикѣ-пирожникѣ считаетъ заслуживающимъ полнаго довѣрія. Мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, помимо его чисто-внѣшняго интереса, представляется намъ довольно важнымъ въ психологическомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что самые крупные пороки временщика—его безграничное честолюбіе и надменность, нажившія ему столько враговъ, его ненасытная страсть къ титуламъ и богатствамъ въ значительной степени объясняются его происхожденіемъ—свойственнымъ всѣмъ выскочкамъ стыдомъ за свое прошлое, желаніемъ пускать пыль въ глаза, чтобы во что-бы то ни стало заставить окружающихъ забыть это прошлое.

Не говоря о безчисленныхъ басняхъ, распространявшихся на западѣ еще при жизни князя разными большею частью анонимными біографами, существуютъ два параллельныхъ преданія относительно его происхожденія: одно—болѣе распространенное, по которому будущій фаворитъ былъ сыномъ придворнаго конюха и мальчикомъ продавалъ на улицахъ пирожки; другое, выводящее его изъ знатной Литовской фамиліи. Послѣднее, повидимому, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ дипломѣ императора Іосифа I отъ 1706 г., возводящемъ Меншикова въ княжеское Римской имперіи достоинство, и въ русскомъ дипломѣ 1707 г., которымъ Петръ даруетъ своему любимцу титулъ свѣтлѣйшаго князя Ингерманландскаго. Собственно говоря, эти два оффиціальныхъ документа должны были-бы служить достаточнымъ доказательствомъ благороднаго происхожденія Меншикова и заставить отнести всѣ разсказы о придворномъ конюхѣ-отцѣ свѣтлѣйшаго князя и о мальчикѣ-пирожникѣ къ области легендъ. На дѣлѣ однако-же ни при жизни князя, ни впослѣдствіи никто не придавалъ значенія этимъ оффиціальнымъ удостовѣреніямъ, и во всѣхъ почти запискахъ иностранцевъ, побывавшихъ на русской службѣ, какъ и въ донесеніяхъ пословъ, писавшихъ конечно со словъ окружающихъ русскихъ, мы встрѣчаемъ съ небольшими лишь варіантами извѣстіе о томъ, что всемогущій фаворитъ происходилъ изъ низшихъ слоевъ общества. Что-же касается пресловутаго анекдота о пирожкахъ, то его, правда, повторяютъ немногіе, но зато онъ подтверждается свидѣтельствомъ царскаго токаря Нартова, проведшаго при особѣ Петра цѣлыхъ 12 лѣтъ и впослѣдствіи назначеннаго членомъ Академіи Наукъ. Нартовъ, именно, разсказываетъ въ качествѣ очевидца, что однажды царь, разсердившись на своего любимца, сказалъ ему: „Знаешь-ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее

состояніе? Тотчасъ-же возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ и кричи: *Пироги подовые*, какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ!“ И вытолкалъ его изъ комнаты. Меншиковъ обратился къ обычной своей заступницѣ Екатеринѣ, и пока та, зная нравъ своего супруга, старалась развеселить его, князь, чтобы доказать свое повиновеніе, подхватилъ на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, повѣсилъ на себя и въ такомъ видѣ вернулся во дворецъ. Петръ между тѣмъ успѣлъ уже успокоиться; при видѣ своего любимца онъ расхохотался и сказалъ: „Слушай, Александръ, перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника“. Послѣдовало примиреніе. Потомъ Меншиковъ пошелъ за императрицей и кричалъ: „Пироги подовые!“ А государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ:—Помни, Александръ!—Помню, Ваше Величество, и не забуду! Пироги подовые!

Повидимому, между этимъ разсказомъ очевидца и оффиціальными документами существуетъ непримиримое противорѣчіе. Но въ сущности, какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, это противорѣчіе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что при сличеніи обоихъ дипломовъ мы замѣчаемъ между ними нѣкоторое разногласіе: по латинскому диплому императора Іосифа отецъ Меншикова былъ начальникомъ гвардейскаго полка; въ русскомъ-же упоминается лишь то, что отецъ служилъ въ гвардіи царя, причемъ одинъ изъ служилыхъ иноземцевъ, генералъ Гордонъ, источникъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія, поясняетъ намъ даже, въ какомъ именно чинѣ: по его словамъ, отецъ Меншикова былъ простымъ капраломъ. Безъ сомнѣнія, дипломъ, выданный царемъ своему любимцу, заслуживаетъ большаго довѣрія, чѣмъ иностранный, и если въ немъ ничего не говорится о высокомъ званіи отца новоиспеченнаго князя, то послѣднее, очевидно, слѣдуетъ приписать лишь любезности Вѣнскаго двора, желавшаго задобрить вліятельнаго человѣка. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ свидѣтельствъ, благопріятныхъ Меншикову, приходится считаться лишь съ русскимъ дипломомъ, по которому отецъ князя былъ „изъ фамиліи благородной Литовской и, ради вѣрныхъ его услугъ въ гвардіи, сынъ его былъ принятъ ко двору“. А этотъ источникъ, какъ мы уже сказали, ничуть не противорѣчитъ общераспространенному преданію о низкомъ происхожденіи Меншикова, о томъ, что отецъ его былъ одно время придворнымъ конюхомъ. Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ придворные конюхи; изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки—Семеновскій и Преображенскій, впослѣдствіи составившіе первые два гвардейскихъ полка въ Россіи. Вполнѣ естественно, что бывшій придворный конюхъ, попавъ въ

гвардію, дослужился до капрала. Что-же касается его принадлежности къ „благородной Литовской фамиліи“, то и тутъ нѣтъ ничего несовмѣстимаго съ популярнымъ преданіемъ. Со времени царя Алексѣя въ Москвѣ жило много выходцевъ изъ Литвы, принужденныхъ бѣжать съ родины, вслѣдствіе гоненій на православіе. Одни изъ нихъ поступали на службу при дворцѣ, другіе занимались мелкими промыслами. Извѣстно, что въ эпоху революціи многіе даже знатнѣйшіе французскіе эмигранты должны были зарабатывать себѣ хлѣбъ какимъ-нибудь ремесломъ. Что-жъ мудренаго, что какой-нибудь выходецъ изъ мелкой Литовской шляхты, представители которой въ настоящее время встрѣчаются и на самыхъ низшихъ общественныхъ ступеняхъ, поступилъ въ придворные конюхи, а сына отдалъ въ ученіе къ пирожнику. Къ тому-же въ то время почти всѣ мелкіе служилые люди занимались какими-нибудь промыслами.

Впрочемъ, этими извѣстіями и соображеніями и исчерпывается все, что мы можемъ съ нѣкоторой достовѣрностью сказать о происхожденіи Меншикова. О годѣ и мѣстѣ его рожденія также не имѣется точныхъ данныхъ. По однимъ извѣстіямъ, онъ родился близъ Владиміра, по другимъ—въ Вологодской губерніи, по третьимъ—въ Московской. Годъ его рожденія обыкновенно опредѣляютъ по дневнику Голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, сообщающаго, что 6-го ноября 1723 г. праздновали день рожденія князя, которому исполнилось 50 лѣтъ. Слѣдовательно, Меншиковъ родился въ 1673 году и былъ на полтора года моложе Петра. Имѣются однако другія данныя, относящія его рожденіе къ другому году. Голиковъ, напримѣръ, утверждаетъ, что Меншиковъ былъ старше Петра на 2 года, слѣдовательно, родился въ 1670 г.

О первомъ появленіи будущаго фаворита при дворѣ опять-таки неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Въ грамотѣ 1707 г. говорится, что Меншиковъ взятъ къ Петру „съ юныхъ лѣтъ“, но когда именно и при какихъ обстоятельствахъ—объ этомъ сохранились одни лишь преданія. Нѣкоторые иностранцы разсказываютъ, что онъ перешелъ къ царю отъ Лефорта. Красивый, бойкій мальчуганъ, обыкновенно предлагавшій свой товаръ съ какими-нибудь остроумными прибаутками и шутками, обратилъ на себя вниманіе Лефорта, который и взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Петру, часто бывавшему запросто у своего тогдашняго любимца, также понравился проворный мальчикъ, и такъ какъ Лефортъ не могъ нахвалиться его смышленностью и преданностью, то царь пожелалъ взять его къ себѣ *). Все это, если

*) По Голикову, это случилось въ 1689 г.

не вѣрно, то по крайней мѣрѣ правдоподобно. Положительно-же извѣстно только то, что Меншиковъ служилъ въ Преображенскомъ полку при самомъ его учрежденіи, а слѣдовательно, въ потѣшныхъ (впервые имя молодого фаворита упоминается въ спискахъ этого полка въ 1693 г., причемъ онъ числится бомбардиромъ) и что онъ въ то же время втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ исполнялъ при Петрѣ должность денщика.

Въ этой-то должности смышленый и ловкій юноша имѣлъ всѣ шансы сблизиться съ молодымъ царемъ. Денщики были самые близкіе къ Петру люди, исполнявшіе самыя разнородныя порученія его. Они поперемѣнно дневали и ночевали при немъ, и Петръ при своей ненасытной любознательности и кипучемъ нравѣ, заставлявшемъ его безотлагательно приводить въ исполненіе всякую приходившую ему въ голову затѣю, имѣлъ полную возможность узнавать на дѣлѣ способности окружающихъ его молодыхъ людей, ихъ понятливость и пригодность къ тому или другому роду дѣятельности. Денщики во все царствованіе Петра играютъ большую роль при дворѣ: изъ нихъ вышли, между прочимъ, и такіе „птенцы гнѣзда Петрова“, какъ знаменитое „око государево“, генералъ-прокуроръ сената Ягужинскій, первый полиціймейстеръ Петербурга Девьеръ и др. Что-же касается Меншикова, то онъ повидимому очень скоро сталъ пользоваться особымъ расположеніемъ царя, все болѣе возраставшимъ по мѣрѣ того, какъ Петръ убѣждался на дѣлѣ въ его разностороннихъ способностяхъ. Остроумный, находчивый и расторопный, при каждомъ случаѣ выказывавшій свою безпредѣльную преданность государю и рѣдкую способность угадывать его волю съ полуслова, Меншиковъ мало по малу успѣлъ такъ сильно привязать къ себѣ Петра, что тотъ совершенно не могъ обходиться безъ него. Любимый денщикъ долженъ былъ находиться при царѣ безотлучно и даже спалъ у его кровати. Въ Азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Когда въ 1697 г. Петръ затѣялъ небывалую въ русской исторіи поѣздку царя заграницу, его сопровождалъ и Меншиковъ. Вмѣстѣ съ царемъ послѣдній обучался въ Голландіи корабельному мастерству, въ которомъ оказалъ большіе успѣхи, и въ одинъ и тотъ-же день корабельный мастеръ Геррингъ-Класъ-Поль выдалъ обоимъ аттестаты на званіе плотника. Изъ Голландіи Меншиковъ ѣздилъ съ Петромъ въ Англію, оттуда опять въ Голландію и Вѣну. Онъ былъ и въ числѣ тѣхъ семи волонтеровъ, которые должны были сопровождать царя въ Венецію; на его имя даже взятъ былъ у Венеціанскаго посла проѣзжій листъ. Но вѣсть о возмущеніи

стрѣльцовъ разстроила этотъ планъ, и Петръ съ Меншиковымъ поспѣшили вернуться.

Каковы были плоды этой поѣздки, какъ подѣйствовало на Меншикова все видѣнное и слышанное въ новомъ, столь чуждомъ ему мірѣ, что̀ вынесъ онъ оттуда по части своего умственнаго обогащенія, помимо знакомства съ корабельнымъ дѣломъ? Все это вопросы, на которые мы не можемъ дать прямого отвѣта. Относительно образованія будущаго министра и фельдмаршала мы знаемъ достовѣрно только одно—что Меншиковъ, если и не былъ совершенно безграмотенъ, какъ утверждаютъ многіе, то во всякомъ случаѣ не умѣлъ писать. Сохранились двѣ росписки, отъ 1702 и 1704 г., о полученіи имъ жалованья по званію корабельнаго мастера; въ одной его рукой сдѣлана надпись: „Александръ Меншиковъ принялъ“, въ другой —„взялъ и списался“. Но за исключеніемъ этихъ двухъ документовъ, въ бумагахъ Меншикова не сохранилось ни одной строчки, написанной его рукой; во всѣхъ его письмахъ, даже самыхъ секретныхъ, только подпись принадлежитъ ему, да и та нацарапана такими каракулями, что только посвященный въ состояніи разобрать ее. Изъ иностранныхъ языковъ Меншиковъ зналъ одинъ нѣмецкій, которому научился конечно по слуху и по всей вѣроятности еще до поѣздки, въ Нѣмецкой Слободѣ. „Въ великомъ мужѣ и полководцѣ, какимъ онъ почитается“—иронически замѣчаетъ по этому поводу датскій посланникъ Юстъ Юль, познакомившійся съ Меншиковымъ въ 1710 г. и отзывающійся довольно пренебрежительно о способностяхъ всемогущаго тогда князя—„такая безграмотность особенно удивительна“.

Совершенно понятно, что образованный европеецъ былъ на первыхъ порахъ пораженъ подобнымъ отсутствіемъ самаго элементарнаго образованія у перваго сановника въ государствѣ и особенно его вліяніемъ на человѣка, въ такой степени цѣнившаго образованіе, какъ Петръ. Но для насъ самый фактъ этого вліянія, не подлежащій никакому сомнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнилъ царь природныя дарованія Меншикова, его энергію, находчивость и безусловную преданность.

Впрочемъ, недостатокъ даже элементарнаго образованія не исключалъ еще для Меншикова возможности расширить свой кругозоръ, пріобрѣсти многія необходимыя ему знанія и вообще развиваться путемъ практическимъ. Вѣдь и самъ Петръ не получилъ въ юности сколько-нибудь удовлетворительнаго образованія, и если впослѣдствіи онъ изумлялъ даже образованныхъ европейцевъ обширностью и разносторонностью своихъ свѣдѣній, то это слѣдуетъ всецѣло при

писать его страстной любознательности, его чуткому, необыкновенно воспріимчивому уму, черпавшему для себя пищу отовсюду, учившемуся отъ жизни еще болѣе, чѣмъ изъ книгъ. Такую-же воспріимчивость, хотя и въ болѣе слабой степени, надо предположить и у Меншикова. Любимецъ царя, его неразлучный спутникъ и товарищъ, какъ въ разгулѣ, такъ и въ трудахъ, Меншиковъ учился и развивался наравнѣ съ своимъ царственнымъ другомъ, проходилъ, подъ его руководствомъ, одну съ нимъ школу. Попавъ къ нему съ улицы, поглощенный трудной службой требовательному и нетерпѣливому господину, при которомъ долженъ былъ находиться безотлучно, Меншиковъ не имѣлъ возможности подготовиться къ своей будущей роли путемъ теоретическимъ. Но именно эта постоянная близость къ Петру, бравшему его съ собою и въ мастерскія, и въ музеи, и на придворныя празднества, устраивавшіяся въ честь знатнаго путешественника заграницей, необходимость приглядываться и прислушиваться ко всему окружающему и уяснить себѣ все видѣнное и слышанное, хотя-бы только для того, чтобы угодить царю, чтобы быть въ состояніи понимать и даже предугадывать его желанія—все это не могло не отразиться на развитіи богато одареннаго отъ природы молодого человѣка, и можно a priori сказать, что Меншиковъ вернулся на родину съ болѣе широкимъ умственнымъ горизонтомъ, съ большимъ запасомъ идей и знаній, чѣмъ до отъѣзда.

Несомнѣнно также, что новый царскій любимецъ, какимъ онъ уже считался въ то время, вполнѣ раздѣлялъ и поддерживалъ въ Петрѣ его преобразовательныя идеи, его намѣреніе все передѣлать у себя на иностранный ладъ. По всей вѣроятности, увлеченіе западомъ со стороны Меншикова было вполнѣ искреннимъ, такъ какъ въ немъ оно не сталкивалось съ той косностью, съ тѣмъ уваженіемъ къ старымъ традиціямъ, которыя заставляли другихъ, болѣе родовитыхъ спутниковъ Петра смотрѣть на иноземцевъ и на все иноземное съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ. Меншиковъ въ полномъ смыслѣ слова новый человѣкъ; его ничто не связываетъ съ стариной; онъ знаетъ только волю своего повелителя и примѣняется къ ней тѣмъ охотнѣе, что новые порядки ему на руку, такъ какъ открываютъ новые горизонты его пробуждающемуся честолюбію.

И дѣйствительно, тотчасъ-же по возвращеніи изъ заграницы, Меншиковъ начинаетъ играть при дворѣ замѣтную роль. У него по прежнему еще нѣтъ никакого оффиціальнаго званія, но онъ участвуетъ во всѣхъ новыхъ затѣяхъ царя, и тамъ, гдѣ другіе русскіе люди проявляютъ одну лишь пассивную покорность, обнаруживаетъ

энергію и пылъ, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ вполнѣ проникся намѣреніями царя.

Начались нововведенія. На первомъ-же пріемѣ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ Петръ, среди разговоровъ и привѣтствій, набрасывается на близкихъ бояръ съ ножницами въ рукахъ и собственноручно обрѣзываетъ имъ бороды. То же самое продѣлываетъ Меншиковъ съ членами ратуши и приводитъ остриженныхъ на показъ царю въ Успенскій соборъ. Во дворцѣ у него шьютъ французскіе и итальянскіе кафтаны для приближенныхъ и прислуги. Устраивается Семеновскій полкъ—Меншиковъ шьетъ для него знамена.

Впрочемъ, та же исполнительность, то же стараніе угодить государю замѣчаются и въ такихъ случаяхъ, которые рисуютъ Меншикова въ очень непривлекательномъ свѣтѣ. Одновременно съ нововведеніями въ одеждѣ, съ гоненіемъ на бороды начинаются страшны стрѣлецкіе розыски и казни. Это, какъ извѣстно, самыя мрачны страницы въ русской исторіи со временъ Грознаго... Ожесточенны новымъ возмущеніемъ своихъ старыхъ враговъ, не разъ уже злоумышлявшихъ противъ его жизни, видя въ нихъ постоянный неиссякаемый источникъ смутъ и заговоровъ, Петръ рѣшилъ совершенно уничтожить стрѣлецкое войско и обнаружилъ въ расправѣ съ мятежниками неслыханную жестокость. Онъ не только присутствовалъ при допросахъ и пыткахъ стрѣльцовъ, но, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, самъ дѣйствовалъ топоромъ и собственноручно отрубилъ въ Преображенскомъ головы пятерымъ стрѣльцамъ. Меншиковъ и въ этомъ подражаетъ своему повелителю. Не имѣя никакихъ личныхъ причинъ раздѣлять ожесточеніе Петра, онъ однако не уступаетъ ем въ жестокости и расправляется съ стрѣлецкими головами съ столь же легкимъ сердцемъ, какъ и съ бородами чиновниковъ. Очевидцы разсказываютъ, что 17 октября, въ день особенно многочисленныхъ стрѣлецкихъ казней, царь заставлялъ и бояръ исполнять роль палачей Тѣ повиновались, но блѣдные, съ трясущимися отъ ужаса ру иностранцы-же—Блюмбергъ и Лефортъ — наотрѣзъ отказались, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Одинъ только „царскій любимецъ Алексашка“ хладнокровно и съ изумительной ловкостью принималъ участіе въ кровавой расправѣ. Онъ самъ хвалился потомъ, что въ этотъ день обезглавилъ 20 человѣкъ, а одного, стонавшаго на колесѣ, по приказанію Петра пристрѣлилъ изъ фузеи.

Все это конечно производитъ теперь отталкивающее впечатлѣніе, рисуетъ Меншикова, какъ человѣка, съ очень невыгодной стороны. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло Петръ. Встрѣчая со всѣхъ сторонъ

ивное или плохо скрываемое неодобреніе, ропотъ и въ лучшемъ слу-
чаѣ только пассивное повиновеніе, онъ не могъ не цѣнить человѣка,
бнаруживавшаго такое живое сочувствіе къ нему, такое пониманіе
его плановъ, исполнявшаго всякое его приказаніе такъ толково,
хотно, не щадя ни себя, ни другихъ. Что-бы ни затѣялъ Петръ,
въ всегда находилъ въ Меншиковѣ энергичнаго и ловкаго испол-
нителя, схватывавшаго его мысль съ поразительной легкостью. Этотъ
ичему не учившійся человѣкъ все понималъ, ко всему примѣнялся.
съ смѣтливостью истинно-русскаго человѣка онъ быстро усваивалъ
уть всякаго новаго дѣла, не гнушался никакой работой, не зналъ
возможнаго. Къ тому-же онъ умѣлъ, какъ никто, льстить вкусамъ
слабостямъ государя. При такихъ условіяхъ немудрено, что перво-
чальное простое расположеніе царя къ образцовому денщику ста-
лось все сильнѣе, переходило въ болѣе глубокое дружеское
ство, и что вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій, вкрадчивый любимецъ неза-
тно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на своего повелителя.

Въ запискахъ иностранцевъ попадаются замѣтки, свидѣтель-
вующія о томъ, какъ сильно уже въ то время было вліяніе цар-
каго любимца. Такъ однажды, скоро послѣ возвращенія изъ-за-
раницы, въ 1698 г., на пиру у Лефорта царь сталъ упрекать Шеина
а неправильное производство офицеровъ во время его отсутствія и при-
лелъ въ такой гнѣвъ, что чуть не изрубилъ виновнаго саблей. Лю-
бимцы Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ и князь Ромодановскій пы-
тались успокоить его, но первому достался ударъ въ голову, а вто-
рому Петръ пересѣкъ пальцы почти до половины. Не помогло и
заступничество Лефорта, которому также досталось нѣсколько ударовъ.
Дѣло могло-бы кончиться очень плачевно для несчастнаго Шеина,
но тутъ неразлучный съ царемъ Алексашка увелъ Петра въ другую
комнату, и скоро тотъ вернулся къ кампаніи въ веселомъ настроеніи.

Сцены, вродѣ описанной, безъ сомнѣнія, повторялись не разъ
болѣе скрѣпляли связь между царемъ и Меншиковымъ. Петръ,
всегда охотно признававшій свои ошибки, конечно долженъ былъ
чувствовать признательность къ человѣку, удержавшему его во-время
отъ поступка, въ которомъ ему потомъ пришлось-бы раскаиваться,
эта признательность была тѣмъ болѣе заслужена, что противорѣ-
чить царю, когда онъ былъ не въ духѣ, было далеко небезопасно
даже для его любимца. Случалось, что царь и его подъ сердитую
руку угощалъ жестокой потасовкой *).

*) Секретарь австр. посольства Корбъ, въ „Дневникѣ“ котораго разсказанъ вышеприведенный случай, пишетъ отъ 15 мая 1698—

Впрочемъ, какъ ни замѣтно уже было въ то время вліяніе Меншикова, онъ все еще числился только сержантомъ Преображенскаго полка и вѣроятно по прежнему исполнялъ при царѣ обязанности денщика. Изъ сохранившагося письма къ нему Петра отъ 1700 г. видно, что онъ завѣдывалъ между прочимъ домашнимъ хозяйствомъ царя.

„Мейнъ Герценкинъ (дитя моего сердца!)—пишетъ ему Петръ.—Вели вычистить вездѣ и починить. Также вели въ спальной сдѣлать полъ липовый, да и въ другихъ вели новые полы передѣлать. Также вели пиво слободское и другое Андреева въ ледъ засѣчь. Также вели сдѣлать вновь погребъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ботъ стоитъ или гдѣ старая баня. Также и во всемъ осмотри и прикажи. А самъ для Бога не мѣшкай, а для чего, самъ знаешь. За симъ передаю васъ въ сохраненіе всѣхъ хранителя Бога“.

Что этотъ расторопный денщикъ, мастеръ на всѣ руки, займетъ когда-нибудь первое послѣ царя мѣсто въ Россіи—это конечно никому и въ голову не приходило. Для всѣхъ—и русскихъ, и иностранцевъ—онъ пока не болѣе, какъ любимый слуга, который имѣетъ подчасъ вліяніе на государя и котораго поэтому не мѣшаетъ задобрить на случай нужды. Генералъ Гордонъ въ своихъ запискахъ отъ 1694 г. разсказываетъ, что въ праздникъ Рождества къ нему пришли для поздравленій нѣкій Ермолай Даниловичъ, „извѣстный Алексашка“ и другіе, и что первому онъ подарилъ червонецъ, а прочимъ, въ томъ числѣ и „извѣстному Алексашкѣ“, всего по талеру. Въ описываемое время, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Меншикову, надо полагать, не предложили-бы уже одного талера, но и теперь, какъ мы видѣли, онъ для всѣхъ только „извѣстный Алексашка“, любимый камердинеръ и не болѣе. Самъ Петръ конечно болѣе высокаго мнѣнія о своемъ Алексашѣ. „Дитя моего сердца“ называетъ онъ его въ вышеприведенномъ письмѣ, и это обращеніе, въ связи съ многими другими чертами, кажется намъ очень характернымъ. Въ немъ слышится какая-то особая сердечность, что-то дѣйствительно отеческое, словно Петръ, пользуясь пока услугами своего любимца лишь въ дѣлахъ домашняго обихода, предназначаетъ его въ будущемъ къ болѣе широкой дѣятельности, словно онъ видитъ въ немъ своего ученика, подающаго большія надежды. Пока эти надежды еще

99 г.: „Извѣстный при дворѣ по царской къ нему милости Алексашка шепталъ что-то на ухо царю, который, уѣзжая изъ Воронежа въ Азовъ, уже находился въ лодкѣ. Царь былъ затѣмъ такъ разсерженъ, что далъ своему докучливому совѣтнику нѣсколько пощечинъ, отъ которыхъ тотъ упалъ замертво у ногъ разгнѣваннаго государя“.

не оправдались на дѣлѣ, пока ученикъ не проявилъ себя на чемъ-нибудь существенномъ, Петръ, ставившій всегда на первомъ планѣ интересы государства, награждавшій не лица, а заслуги, не станетъ награждать его чинами, выдѣлять изъ среды другихъ. Напротивъ, выказывая ему открыто свое расположеніе, онъ въ то-же время не хочетъ возбуждать въ немъ чрезмѣрныхъ надеждъ, сдерживаетъ его разростающееся честолюбіе. „Когда кто-то изъ придворныхъ, разсказываетъ Корбъ, ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы онъ своего любимца возвелъ въ дворянское достоинство и далъ ему званіе стольника, царь отвѣчалъ, что Александръ уже и безъ того присвоиваетъ себѣ почести, на которыя не имѣетъ права, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе, а не увеличивать его". Но эта сдержанность со стороны Петра соблюдается только до поры, до времени. Какъ только заслуги его любимца станутъ явны для всѣхъ, царь не пожалѣетъ для него никакихъ почестей, будетъ награждать его съ истинно-царскою щедростью.

ГЛАВА II.

Великая Сѣверная война. — Возвышеніе Меншикова. — Меншиковъ — губернаторъ Петербурга. — Награды и милости. — Меншиковъ въ Литвѣ. — Побѣда при Калишѣ. — Меншиковъ — свѣтлѣйшій князь. — Побѣда подъ Лѣснымъ; взятіе Батурина; Опошня, Полтава, Переволочная. — Меншиковъ — фельдмаршалъ. — Военныя заслуги Меншикова. — Отзывы о немъ современниковъ; ихъ пристрастность. — Общая ненависть къ фавориту.

Начавшаяся въ 1700 г. Сѣверная война, имѣвшая такія громадныя послѣдствія для Россіи, является также поворотнымъ пунктомъ въ жизни Меншикова, которому открыла путь къ возвышенію.

Извѣстны главные фазисы этой войны. Послѣ первыхъ пораженій, понесенныхъ неопытнымъ русскимъ войскомъ, Петръ не упалъ духомъ и, дѣйствуя болѣе осторожно, набираясь опытности и силъ, постепенно научился побѣждать своихъ „учителей" — шведовъ. Въ то время, какъ Карлъ XII, презирая противника, котораго безъ всякаго труда разбилъ при Нарвѣ, обратилъ всѣ свои силы противъ болѣе опаснаго, на его взглядъ, Августа, Петръ, пользуясь тѣмъ, что „Шведъ увязъ въ Польшѣ", сталъ прочищать себѣ путь къ Бал-

тійскому морю. Одинъ за другимъ сдавались ему плохо защищенные города Лифляндіи и Ингріи. Главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, но при войскѣ находился самъ царь—бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ (въ поручики онъ былъ произведенъ послѣ Нарвскаго сраженія, въ которомъ также принималъ участіе), и одна изъ первыхъ побѣдъ русскаго оружія была одержана при ихъ содѣйствіи. 11 октября 1702 г. сдался Петру Нотебургъ, переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ, и Меншиковъ, выказавшій при штурмѣ крѣпости особенную храбрость, былъ назначенъ ея комендантомъ. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ во взятіи Ніеншанца, маленькаго городка, сторожившаго устье Невы, а спустя нѣсколько дней (10 мая 1703 г.) одержалъ вмѣстѣ съ Петромъ морскую побѣду надъ Шведами. Побѣда была въ сущности незначительная—русскимъ удалось на лодкахъ окружить и взять два шведскихъ корабля, подошедшихъ къ устьямъ Невы; но это былъ первый нашъ успѣхъ на морѣ, и Петръ съ особенной радостью поздравилъ своихъ сподвижниковъ съ „никогда небывалой викторіей“. За это дѣло Меншиковъ наравнѣ съ царемъ были пожалованы отъ адмирала Головина орденомъ Андрея Первозваннаго. 16 мая того-же года на одномъ изъ острововъ шведскаго устья былъ заложенъ новый городокъ, который долженъ былъ служить пристанищемъ иностраннымъ кораблямъ. Это и былъ знаменитый „парадизъ“ Петра Великаго, его „окно въ Европу“, новая столица Россіи—Петербургъ. Одинъ изъ больверковъ новаго укрѣпленія, раньше всѣхъ другихъ выстроенный Меншиковымъ, названъ по его имени, и скоро на Петербургской сторонѣ, противъ царскаго дворца, извѣстнаго теперь подъ названіемъ „Домика Петра Великаго“, выстроился и домъ для Меншикова, получившій названіе Посольскаго двора, такъ какъ въ немъ принимались иноземные послы. Первымъ губернаторомъ Петербурга и вновь завоеваннаго края назначенъ Меншиковъ.

Уже со времени своего назначенія комендантомъ Шлиссельбурга Меншиковъ получаетъ возможность дѣйствовать болѣе самостоятельно. Петръ, дотолѣ неразлучный съ своимъ любимцемъ, уѣзжаетъ въ Москву, и послѣдній, оставшись одинъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ честью исполняетъ возложенныя на него обязанности. На берегахъ Невы онъ отбивается отъ шведовъ, ѣздитъ въ Олонецкъ, гдѣ занимается приготовленіями къ постройкѣ флота, необходимаго для отнятія у шведовъ устья Невы. А у губернатора Петербурга еще больше дѣла. Устройство новаго города и защита только-что поко-

реннаго края, на который шведы впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлали безпрерывныя нападенія, требуютъ неутомимой дѣятельности. Благодаря энергіи и распорядительности Меншикова, новый городокъ, заложенный на пустынныхъ устьяхъ Невы, начинаетъ быстро обстраиваться; появляется рядъ домовъ для царя и его вельможъ на Васильевскомъ островѣ, и уже въ ноябрѣ того-же года къ нему пристаетъ первый иностранный корабль. Въ іюлѣ Меншиковъ поѣхалъ на Свирь, гдѣ нашелъ лѣса, пригодные для постройки кораблей, и при Лодейномъ Полѣ заложилъ верфь, извѣстную впослѣдствіи подъ названіемъ Олонецкой; здѣсь строились военныя суда, предназначавшіяся въ Финскій заливъ. Ему-же предоставлено было построеніе Кроншлота и Кронштадта, который долженъ былъ служить мѣстопребываніемъ создаваемаго военнаго флота.

Первые успѣхи Меншикова на военномъ и административномъ поприщѣ являются, какъ мы уже сказали, началомъ новаго фазиса въ его жизни. „Извѣстный Алексашка“, сдѣлавшись губернаторомъ Меншиковымъ, выходитъ окончательно на страницы исторіи. Его природныя способности, до сихъ поръ проявлявшіяся лишь на мелочахъ, находятъ себѣ наконецъ достойное примѣненіе и начинаютъ быстро развертываться. По отношенію къ Петербургу, можно смѣло сказать, что новая столица Россіи обязана своимъ созданіемъ столько-же творческой мысли государя, сколько энергіи, распорядительности и умѣнью своего перваго губернатора.

И въ отношеніяхъ Петра къ его любимцу замѣчается новый оттѣнокъ. Блестящіе результаты, полученные, благодаря дѣятельности Меншикова, въ новомъ краѣ, окончательно убѣждаютъ царя, что онъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Денщикъ Меншиковъ недаромъ прошелъ военную школу въ потѣшныхъ ротахъ, недаромъ бралъ уроки кораблестроительства у Сардамскихъ плотниковъ. „Дитя сердца“ начинаетъ оправдывать возлагавшіяся на него надежды и мало-помалу становится настоящимъ сотрудникомъ царя-преобразователя. Любопытно, что эта постепенная перемѣна въ отношеніяхъ Петра къ любимцу сказывается и въ его обращеніи къ послѣднему въ письмахъ. Свои повелѣнія главнымъ сподвижникамъ Петръ надписывалъ обыкновенно собственноручно—по-голландски или по-нѣмецки: Min Her Kenih—писалъ онъ князю Ромодановскому; Бор. Петр. Шереметеву онъ обыкновенно писалъ: Min Her General-Feldmarschal, другимъ просто Min Her. Обращеніе-же къ Меншикову не только лишено всякой оффиціальности, но и отличается любопытнымъ разнообразіемъ и послѣдовательностью въ эпитетахъ. До 1703 г.

онъ называетъ его „Мейнъ Герцъ“ и „Мейнъ Герценкинъ“, въ 1704 г. мы встрѣчаемъ въ письмахъ царя эпитеты „Мейнъ либсте Камератъ“, „Мейнъ Либсте Фрейнтъ“, а потомъ постоянно до конца 1706 г. „Min Bruder“. Быть-можетъ эта перемѣна въ обращеніи совершенно безсознательная, но отъ этого, на нашъ взглядъ, она является не менѣе характерной.

Теперь, когда заслуги любимца не подлежатъ больше сомнѣнію, Петръ, повидимому, не считаетъ уже нужнымъ сдерживать его честолюбіе. Награды и милости сыплются на него безъ конца. Между прочимъ, онъ назначается даже гофмейстеромъ царевича Алексѣя. Въ томъ-же (1703 г.) Петръ, отправляясь въ Воронежъ, останавливается въ обширной и красивой дачѣ Меншикова, при истокѣ р. Воронежа, и основываетъ для своего любимца городъ Ораніенбургъ. Меншиковымъ начинаютъ серьезно интересоваться и заграницей. Еще въ 1702 г. императоръ австрійскій Леопольдъ, желая оказать вниманіе царю, съ которымъ добивался союза, возвелъ его фаворита въ достоинство имперскаго графа. Это былъ только второй случай, когда русскій становился графомъ Римской имперіи — первымъ графомъ былъ генералиссимусъ и великій адмиралъ Головинъ. Но продолжающаяся война открываетъ Меншикову все новые и новые пути къ возвышенію.

Въ 1705 г. театръ военныхъ дѣйствій переносится въ глубь Литвы, и Меншиковъ, вызванный туда царемъ, пожинаетъ новые лавры. Теперь онъ уже начальникъ кавалеріи и хотя по рангу занимаетъ второе мѣсто въ арміи, такъ какъ состоитъ подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, но въ сущности заправляетъ всѣмъ. Огильви въ своихъ донесеніяхъ царю постоянно жалуется на самоуправство „принца Александра“, какъ онъ называетъ любимца, на то, что генералы, особенно русскіе, рапортуютъ прежде послѣднему, чѣмъ ему. Но Петръ, разобравъ жалобы, обыкновенно принимаетъ сторону Меншикова и даже велитъ иногда самому фельдмаршалу слушаться его приказаній. „Также не забывайте, пишетъ онъ Огильви, находящемуся въ Гроднѣ, словъ *господина моего товарища*, который приказывалъ вамъ при отъѣздѣ своемъ, чтобы вы больше цѣлость войска хранили, нежели на иныхъ смотрѣли“. Въ іюнѣ 1706 г. Огильви, которымъ Петръ былъ недоволенъ за его дѣйствія въ Гроднѣ, увольняется изъ русской службы, и скоро послѣ этого Меншиковъ блестящей побѣдой надъ Шведами доказываетъ всему свѣту, что русское войско не нуждается болѣе въ наемномъ фельдмаршалѣ: 18 октября того-же года, въ битвѣ при Калишѣ, онъ разбиваетъ наголову 30-ти ты-

сячное непріятельское войско подъ начальствомъ генерала Мардефельда, „Не въ похвалу себѣ вашей милости доношу, писалъ онъ Петру. такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами“... Заслуги Меншикова въ этомъ дѣлѣ тѣмъ выше, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только корпусъ кавалеріи, считавшейся тогда самой слабой стороной русской арміи, но онъ пополнилъ недостатокъ пѣхоты тѣмъ, что велѣлъ спѣшиться двумъ драгунскимъ полкамъ и самъ со шпагой въ рукѣ повелъ ихъ въ атаку. Интересно, что въ битвѣ этой долженъ былъ участвовать и польскій король Августъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ тайно заключившій съ Карломъ Альтранштадскій миръ. Лицомъ къ лицу съ Меншиковымъ, король не осмѣлился объявить о своемъ отпаденіи отъ союза съ Петромъ. Онъ пытался уговорить его не дать сраженія, но Меншиковъ твердо объявилъ, что, совершивъ такой далекій походъ и подойдя къ непріятелю на милю разстоянія, не хочетъ возвращаться, не посмотрѣвъ на него поближе. Volens-nolens пришлось бѣдному королю принять участіе въ сраженіи, а потомъ совершать вмѣстѣ съ побѣдителемъ благодарственные молебны по случаю побѣды надъ своимъ новымъ союзникомъ.

За это славное дѣло Петръ отблагодарилъ Меншикова подаркомъ трости, украшенной драгоцѣнными каменьями (стоимостью въ 3064 р. 16 алт. 4 деньги, какъ значится въ расходной книгѣ посольскаго приказа). Король Августъ съ своей стороны пожаловалъ ему вотчины Полонное и Межеричи.

Въ томъ-же году Меншиковъ былъ возведенъ въ достоинство князя Римской Имперіи, о чемъ особенно усердно хлопоталъ при вѣнскомъ дворѣ воспитатель царевича, баронъ Гюйсенъ, а 30 мая 1707 г., въ день своего рожденія, Петръ, находясь въ мѣстечкѣ Казиміровѣ, пожаловалъ Меншикова Всероссійскимъ княземъ Ижорской земли съ титуломъ Свѣтлѣйшаго, причемъ города Копорье и Ямбургъ, лежащіе въ этомъ княжествѣ, были отданы ему въ вѣчное потомственное владѣніе.

Сраженіе при Калишѣ было первой правильной битвой, выигранной русскими у непобѣдимыхъ до сихъ поръ шведовъ. Съ этого времени военное счастье начинаетъ измѣнять послѣднимъ. Несмотря на побѣду подъ Головчинымъ, несмотря на постоянное отступленіе русскихъ, Карлъ начинаетъ сознавать, что напрасно презиралъ этого противника, и считаетъ уже нужнымъ заручиться противъ него союзникомъ въ лицѣ малороссійскаго гетмана. Любопытно, что когда

послѣ Альтранштадскаго мира явился вопросъ, куда именно направится теперь Карлъ, которому оставалось только покончить съ русскими, одинъ только Меншиковъ угадалъ его намѣренія. Одни изъ генераловъ полагали, что Карлъ направится на Петербургъ; это мнѣніе раздѣлялъ и самъ Петръ. Другіе ожидали, что онъ пойдетъ на Москву, что было также очень правдоподобно. Одинъ Меншиковъ выразилъ предположеніе, что Шведы вступятъ въ Малороссію. Никто съ нимъ не соглашался, но послѣдствія доказали, что его предположеніе было вѣрно. Впрочемъ, Петръ по его совѣту еще раньше укрѣпилъ Кіевъ.

Не входя въ подробности касательно хода войны и военныхъ дѣйствій Меншикова, укажемъ только на побѣду подъ Лѣснымъ, одержанную имъ вмѣстѣ съ Петромъ надъ 16-ти тыс. войскомъ Левенгаупта, спѣшившимъ изъ Лифляндіи на соединеніе съ Карломъ, причемъ побѣдителямъ достался весь огромный обозъ шведовъ, на который такъ разсчитывалъ король. Еще важнѣе было взятіе Батурина. Какъ только была получена вѣсть объ измѣнѣ Мазепы, Меншиковъ, по порученію Петра, поспѣшилъ къ гетманской столицѣ и взялъ ее приступомъ почти на глазахъ у шведовъ, находившихся всего въ 6 миляхъ разстоянія. Удачное исполненіе этого порученія имѣло громадныя послѣдствія для Россіи. Малороссія, устрашенная разгромомъ Батурина, не взбунтовалась, какъ ожидали Карлъ XII и Мазепа, и Шведы, разсчитывавшіе на поддержку казацкихъ полковъ и на богатые хлѣбные магазины Батурина, поняли наконецъ, какую громадную ошибку совершили они, зайдя такъ далеко въ непріятельскую страну, гдѣ они были совершенно отрѣзаны отъ родины.

Но самымъ славнымъ, самымъ блестящимъ дѣломъ въ этой войнѣ,—дѣломъ, съ которымъ неразрывно связано и имя Меншикова, была знаменитая Полтавская битва. Благодаря искусному образу дѣйствій Петра, благоразумно уклонявшагося до сихъ поръ отъ генеральнаго сраженія, но ослаблявшаго непріятеля мелкими стычками и побѣдами надъ отдѣльными отрядами, Шведы не представлялись уже болѣе такими страшными противниками, какъ въ началѣ войны. Прежній ореолъ непобѣдимости исчезъ. Войско Карла XII значительно убавилось, къ тому же терпѣло недостатокъ во всемъ, такъ какъ Меншиковъ, отступая передъ непріятелемъ, жегъ и опустошалъ все на своемъ пути. Шведы находились теперь въ такомъ-же положеніи, какъ Французы въ 1812 году. Они разсчитывали найти отдыхъ и изобиліе въ Малороссіи, но и эта надежда не оправдалась. Оставался одинъ только исходъ—заставить Петра во что-бы то ни стало принять генеральное сраженіе и побѣдить его, чтобы не умереть

съ голоду. Но и Петръ долженъ былъ наконецъ рѣшиться поставить вопросъ ребромъ и сразиться съ непобѣдимымъ Карломъ, такъ какъ продолжать отступать при прежнихъ условіяхъ значило разорять собственную страну.

Въ апрѣлѣ 1709 г. Карлъ осадилъ Полтаву. Около двухъ мѣсяцевъ простоялъ онъ у этого города, гдѣ надѣялся найти большіе запасы. Полтавскій комендантъ Келинъ мужественно отражалъ всѣ приступы и даже самъ дѣлалъ смѣлыя вылазки противъ непріятеля. Однако долго держаться онъ не могъ: необходимо было усилить гарнизонъ. И вотъ Меншиковъ задумываетъ и приводитъ въ исполненіе ловкую диверсію. Напавъ внезапно (7 мая) на одинъ изъ шведскихъ отрядовъ, стоявшихъ подъ Опошней, и вытѣснивъ его изъ ретраншементовъ, онъ отвлекъ вниманіе непріятеля отъ города, и въ то время, какъ онъ преслѣдовалъ разбитыхъ шведовъ и какъ къ нимъ спѣшилъ на помощь самъ король, русскіе съ другой стороны проникли въ Полтаву и усилили ея гарнизонъ на 1200 человѣкъ.

Наконецъ, рѣшительный моментъ, одинаково нетерпѣливо и съ тревогой ожидаемый теперь обѣими сторонами, наступилъ. Петръ пріѣхалъ къ войску, и 27 іюня „грянулъ бой, Полтавскій бой“... Битва началась въ 9 часовъ утра и черезъ 2 часа все было кончено. Петръ и Меншиковъ распоряжались въ огнѣ; шляпа на Петрѣ и сѣдло его были простр ѣлены; подъ Меншиковымъ, командовавшимъ лѣвымъ крыломъ, убиты 3 лошади. Карлъ, раненый наканунѣ въ ногу, велѣлъ возить себя въ носилкахъ между рядами войскъ. Вдругъ ядро ударило въ носилки и король упалъ на землю. Пронесся слухъ, что онъ убитъ. Паника быстро распространилась между рядами, уже сильно поколебавшимися отъ натиска русскихъ, и— „непобѣдимые“ бѣжали.

„Побѣда при Полтавѣ, говоритъ Соловьевъ, была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій; могущество шведовъ, созданное искусственно, посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и передъ изумленными народами запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіяся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни, новый великій народъ“.

Побѣдители съ радости забыли о непріятелѣ и принялись пировать. Петръ обѣдалъ въ палаткѣ Меншикова со всѣми своими министрами и плѣнными шведскими генералами. Но на другой день

Меншиковъ отправился въ погоню за уцѣлѣвшими шведами и 30-го настигъ Карла XII у Переволочны. Самъ король успѣлъ бѣжать на другую сторону Днѣпра, но генералъ Левенгауптъ, командовавшій остатками шведской арміи (10 тыс. чел.), сдался въ плѣнъ Меншикову.

Еще на полѣ битвы при Полтавѣ Петръ, предъ лицомъ всего войска, призналъ заслуги Меншикова въ этомъ славномъ дѣлѣ и пожаловалъ его въ фельдмаршалы. Сверхъ того Меншиковъ получилъ во владѣніе города Почепъ и Ямполь.

* *
*

Полтавское сраженіе завершаетъ собою періодъ самой блистательной дѣятельности Меншикова, какъ полководца. Втеченіе 9 лѣтъ, истекшихъ со времени объявленія Сѣверной войны, сержантъ Меншиковъ успѣлъ дослужиться до званія фельдмаршала, безродный денщикъ „Алексашка“ превратился въ „свѣтлѣйшаго князя“, въ богатѣйшаго и могущественнѣйшаго вельможу своего времени. Карьера поразительная, неслыханная, настоящее сказочное превращеніе!... Но послѣ всего, что намъ извѣстно уже о необыкновенной привязанности къ нему царя—невольно возникаетъ вопросъ: въ какой степени это быстрое возвышеніе было заслужено Меншиковымъ, и не обязанъ-ли онъ своей славой полководца пристрастному отношенію Петра, который, правда, отличался рѣдкой проницательностью и умѣніемъ выбирать своихъ людей, но все-же въ данномъ случаѣ могъ значительно преувеличивать заслуги своего любимца.

Въ настоящее время, при томъ обиліи данныхъ, какое имѣется въ нашемъ распоряженіи для оцѣнки дѣятельности Петра и его сподвижниковъ, рѣшеніе этого вопроса не представляетъ большихъ трудностей и можетъ воспослѣдовать только въ благопріятномъ для Меншикова смыслѣ. Блестящій успѣхъ, какимъ сопровождались всѣ военныя дѣйствія князя, его энергичная и умѣлая дѣятельность въ качествѣ администратора завоеваннаго края доказываютъ лучше всего, что Петръ награждалъ и возвышалъ Меншикова не какъ любимца, а какъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ, знающихъ и дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что большинство современниковъ относилось къ заслугамъ „свѣтлѣйшаго князя“ болѣе чѣмъ скептически и видѣло въ немъ только рѣдкаго баловня счастья, возвышеннаго царемъ по непонятному капризу.

Считаемъ небезъинтереснымъ привести тутъ три характеристики

Меншикова, сдѣланныя въ описываемый періодъ тремя иностранцами, представителями разныхъ державъ.

Въ 1705 г. англійскій чрезвычайный посолъ Витвортъ, на котораго возложена была миссія хлопотать при русскомъ дворѣ о предоставленіи англійскимъ купцамъ разныхъ торговыхъ монополій, въ томъ числѣ и табачной, дѣлаетъ слѣдующую характеристику царскаго фаворита:

„Это человѣкъ очень низкаго происхожденія, необыкновенно порочныхъ наклонностей, вспыльчивый и упрямый. Мнѣ передавали изъ достовѣрнаго источника, что онъ не умѣетъ ни писать, ни даже читать. Низкое происхожденіе не дало ему случая получить образованія, а прямое возвышеніе на высшія должности, помимо всякаго подчиненнаго положенія, лишило его возможности сдѣлать личныя наблюденія или научиться чему-нибудь изъ собственнаго опыта. Между тѣмъ онъ своимъ рвеніемъ и вниманіемъ къ царской волѣ съумѣлъ войти въ безпримѣрную милость къ царю; онъ состоитъ дядькой его царевича, губернаторомъ Ингріи, да собственно и всего государства Московскаго, въ которомъ ничто не дѣлается безъ его согласія, хотя онъ напротивъ часто распоряжается безъ вѣдома царя, въ полной увѣренности, что распоряженія его будутъ утверждены. Онъ заявляетъ притязанія на такую-же неограниченную власть въ арміи, что уже не разъ вызывало и вѣроятно еще не разъ вызоветъ серьезныя столкновенія съ фельдмаршаломъ Огильви“...

Въ 1708 г. (въ донесеніи отъ 17 сент.) Витвортъ, несмотря на побѣду, одержанную Меншиковымъ при Калишѣ, повидимому ничуть не перемѣнилъ своего прежняго мнѣнія о немъ:

„Величайшее горе царя — недостатокъ хорошихъ генераловъ, пишетъ онъ.—Фельдмаршалъ Шереметевъ, человѣкъ, несомнѣнно обладающій личной храбростью, до сихъ поръ не имѣлъ дѣла съ регулярной непріятельской арміей и не достаточно опытный. Князь А. Меншиковъ, командующій кавалеріей, второй по рангу, но первый по значенію. Его вліяніе на гражданскія и военныя дѣла безгранично, такъ какъ царь обыкновенно слѣдуетъ его рѣшеніямъ, подчасъ даже вопреки собственному мнѣнію... характеръ его вообще очень непривлекательный. Для военнаго дѣла онъ не обладаетъ ни *знаніемъ*, ни *опытностью*, ни *способностью научиться чему-нибудь*, ни *храбростью* въ дѣлѣ, что ясно выразилось въ недавнемъ безпорядочномъ отступленіи отъ Вислы къ Днѣпру“.

Въ поясненіе этой болѣе чѣмъ нелестной характеристики необходимо замѣтить, что Меншиковъ всячески противодѣйствовалъ Витворту въ его миссіи и особенно отговаривалъ царя отъ предоставленія англичанамъ табачной монополіи, которою, по словамъ посла, хотѣлъ завладѣть самъ. Но и не зная объ этихъ личныхъ счетахъ, не трудно замѣтить явную недоброжелательность и даже не-

искренность автора. Еще понятно, когда Витвортъ говоритъ о недостаткѣ опытности у Меншикова въ 1705 г., хотя у послѣдняго есть уже довольно продолжительное военное прошлое, начиная отъ Нарвы, хотя тотъ-же Меншиковъ и до этой войны побывалъ уже въ дѣлѣ—именно подъ Азовомъ, а вѣдь извѣстно, что война для людей съ соотвѣтствующими способностями самая лучшая и быстро развивающая эти способности школа. Но можно-ли было искренно говорить о недостаткѣ опытности и въ 1708 г., послѣ Калиша и цѣлаго ряда болѣе или менѣе удачныхъ дѣйствій? Какъ-бы то ни было, Меншиковъ скоро—въ сраженіи подъ Лѣснымъ, а потомъ въ дѣлѣ при Опошнѣ и при Полтавѣ, долженъ былъ убѣдить всѣхъ скептиковъ, что онъ обладаетъ и „способностью научиться чему-нибудь, и храбростью въ дѣлѣ“.

Но вотъ мы открываемъ другой источникъ и находимъ, хотя и менѣе рѣзкій, но въ общемъ довольно сходный отзывъ о томъ-же лицѣ. Въ недавно только найденныхъ въ Копенгагенскомъ архивѣ и опубликованныхъ въ русскомъ переводѣ запискахъ датскаго посланника Юста Юля, пробывшаго при русскомъ дворѣ отъ 1709 до 1711 года, мы находимъ, рядомъ съ сообщеніемъ о низкомъ происхожденіи князя и его страшномъ честолюбіи, слѣдующее замѣчаніе: „Уровень ума его средній и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующій тѣмъ многочисленнымъ и важнымъ должностямъ, которыя онъ занимаетъ“. Особенно, какъ мы уже замѣтили, Юля поражаетъ необыкновенная „въ великомъ мужѣ и полководцѣ, какимъ его почитаютъ“, безграмотность Меншикова.

Еще одинъ отзывъ, относящійся къ тому-же періоду.

Нѣкій шведъ Мальмъ, попавшій къ русскимъ въ плѣнъ при взятіи Выборга въ 1710 г. и въ 1714 г. вернувшійся на родину, написалъ сочиненіе о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ. (Сочиненіе это осталось ненапечатаннымъ, но содержаніе его со словъ профессора Шюбергсена вкратцѣ излагается Гротомъ). Раздраженный плѣномъ, вопреки обѣщанію Апраксина свободно пропустить сдавшихся, Мальмъ обнаруживаетъ большую рѣзкость въ сужденіяхъ о русскихъ, но особенно строго отзывается о Меншиковѣ. По его словамъ, послѣдній не имѣетъ необходимыхъ полководцу свѣдѣній и обходится безъ нихъ только благодаря своей смѣлости, изворотливости и присутствію духа. Онъ всячески старается привлекать къ себѣ генераловъ и другихъ высшихъ офицеровъ, но при всей своей ловкости и осторожности не можетъ прикрывать тѣхъ ошибокъ и промаховъ, въ которые ежедневно впадаетъ по военной службѣ. Его завистли-

вость и козни служатъ однимъ изъ главныхъ препятствій дальнѣйшему развитію русской арміи...

Какъ ни краснорѣчиво на первый взглядъ подобное единодушіе въ отзывахъ объ одномъ и томъ-же лицѣ, но послѣ всего сказаннаго мы не считаемъ нужнымъ подробно доказывать ихъ несостоятельность. Если Меншиковъ такъ мало смыслилъ въ военномъ дѣлѣ, если уровень его ума далеко не соотвѣтствовалъ довѣреннымъ ему должностямъ, то какъ могъ Петръ такъ долго оставаться въ заблужденіи на его счетъ, Петръ, для котораго интересъ дѣла стоялъ всегда выше всякихъ личныхъ привязанностей и который не отрѣшалъ своего любимца отъ должностей даже въ то время, когда привязанность его къ „герценкинду“ значительно поубавилась? Наконецъ, какъ объяснить успѣхъ, сопровождавшій почти всѣ дѣйствія Меншикова? Конечно, можно было-бы приписать его исключительно генію Петра, вдохновлявшаго своихъ сподвижниковъ, начертывавшаго имъ планъ дѣйствій, которому оставалось только слѣдовать безъ разсужденій, чтобы получать блестящіе результаты. Такъ повидимому и разсуждали иностранцы. Необыкновенная личность Петра, его мощный умъ, желѣзная энергія, его почти сверхчеловѣческая неутомимость производили такое сильное, такое обаятельное впечатлѣніе на пораженныхъ европейцевъ, что всѣ окружающіе царя сподвижники совершенно стушевывались въ ихъ глазахъ по сравненію съ послѣднимъ, казались имъ совершенно темными сами по себѣ спутниками, заимствующими весь свой блескъ отъ этого великаго и лучезарнаго свѣтила. Прочтите отзывы иностранцевъ о прочихъ сотрудникахъ Петра—почти всѣ они оказываются полнѣйшими ничтожествами *). Но любопытно то, что тѣ-же самыя лица, которыя хотятъ выставить Меншикова, подобно другимъ сотрудникамъ царя, лишь простымъ исполнителемъ его предначертаній, лишеннымъ всякихъ личныхъ заслугъ, сами-же, того не замѣчая, опровергаютъ свои слова. Напримѣръ, тотъ-же Витвортъ, такъ упорно утверждающій бездарность Меншикова, неоднократно замѣчаетъ, что всѣ распоряженія, касавшіяся военнаго дѣла и администраціи, дѣлались подъ вліяніемъ князя, иногда даже вопреки

*) По словамъ французскаго посла Лави, извѣстный своей ученостью Брюсъ и умный даровитый Ягужинскій люди весьма ограниченные. Такъ-же презрительно отзывается другой франц. посланникъ Кампредонъ объ извѣстномъ петровскомъ дипломатѣ Толстомъ, котораго Петръ особенно цѣнилъ именно за его „умную голову“. Кампредонъ-же называетъ его „человѣкомъ, лишеннымъ всякихъ способностей къ политикѣ“.

собственному мнѣнію Петра. То же говоритъ и Юль. Послѣдній даже приводитъ слова самого царя, выразившагося будто-бы про Меншикова слѣд. образомъ: „Безъ меня князь можетъ дѣлать, что ему угодно; я-же безъ князя ничего не сдѣлаю и не приму никакого рѣшенія“.

Слова эти, если они дѣйствительно были сказаны, конечно преувеличены и свидѣтельствуютъ только о желаніи Петра выставить передъ иностранцемъ заслуги своего любимца въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Но несомнѣнно и то, что изъ всѣхъ сподвижниковъ Петра, которые большею частью являлись только способными и усердными исполнителями его воли, но только исполнителями, иногда даже въ душѣ и не сочувствующими возложенному на нихъ дѣлу, наибольшую инициативу и самостоятельность обнаруживалъ именно Меншиковъ. И Петръ особенно цѣнилъ въ немъ именно эту инициативу, это умѣніе справляться самому съ затруднительными обстоятельствами, не обращаясь поминутно за указаніями, какъ это дѣлали старые русскіе люди, не привыкшіе къ самостоятельности и при всякомъ непредвидѣнномъ случаѣ безпомощно обращавшіеся къ власти за соотвѣтствующимъ наказомъ, теряя такимъ образомъ драгоцѣнное время. Нисколько не поступаясь своей самодержавной властью, требуя отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія своимъ приказаніямъ, Петръ однако хотѣлъ пріучить русскихъ къ самодѣятельности и требовалъ, чтобы посланные съ порученіями поступали по своему разсужденію, смотря по обороту дѣла, „ибо издали нельзя такъ знать, какъ тамъ будучи“. И въ этомъ отношеніи смѣлый, находчивый и энергичный Меншиковъ стоитъ несравненно выше всѣхъ другихъ „птенцовъ Петровыхъ“. Заимствуя отъ царя только общую идею, общій планъ дѣйствій, онъ является часто совершенно самостоятельнымъ въ разработкѣ его деталей, и результатъ какъ нельзя болѣе оправдывалъ довѣріе къ нему царя.

Какъ-бы то ни было, эти отзывы иностранцевъ, хотя и совершенно для насъ неубѣдительные, очень краснорѣчивы въ другомъ отношеніи. Они свидѣтельствуютъ вообще о сложившемся у европейцевъ взглядѣ на русскихъ, въ которыхъ тѣ не хотѣли замѣчать ничего хорошаго; при такомъ взглядѣ естественно приходилось приписывать внезапное возвышеніе Россіи исключительно генію одного человѣка и заслугамъ окружавшихъ его иностранцевъ и ожидать, что съ кончиной этого человѣка страна вернется къ прежнему варварству. Въ частности-же эти пренебрежительные отзывы о способнѣйшемъ изъ сотрудниковъ Преобразователя, составившіеся конечно подъ вліяніемъ бесѣдъ съ русскими-же людьми, прекрасно рисуютъ отношенія послѣднихъ къ всемогущему фавориту. Неслыханное воз-

вышеніе этого безроднаго человѣка, въ связи съ его надменностью, создали ему массу враговъ и завистниковъ. Его ненавидѣли всѣ—и родовитые люди, постоянно унижаемые заносчивымъ фаворитомъ и глубоко оскорбленные въ своей старой боярской гордости необходимостью подчиняться бывшему пирожнику; ненавидѣлъ его и простой народъ, считавшій его, какъ прежде Лефорта, виновникомъ всѣхъ новшествъ, злымъ геніемъ Петра, поддерживавшимъ въ немъ любовь ко всему иноземному, подбивавшимъ его на всѣ неслыханныя отягощенія народа по случаю шведской войны.

ГЛАВА III.

Семейныя дѣла Петра Великаго и Меншикова. — Дружба Меншикова съ сестрами Арсеньевыми. — Ливонская плѣнница. — Отношенія ея къ Меншикову. — Женитьба Меншикова. — Дружба съ Петромъ.— Переписка Петра и Меншикова.

Посвятивъ первыя двѣ главы изображенію дѣятельности Меншикова въ періодъ 1700 — 1709 гг. и его быстраго возвышенія въ связи съ возрастающимъ расположеніемъ къ нему царя, мы не можемъ обойти молчаніемъ одно обстоятельство, которое еще тѣснѣе сблизило обоихъ. Эта дружба скоро подвергнется такимъ испытаніямъ, будетъ подрываться такъ часто и такъ сильно, что, не будь этого обстоятельства, послѣдовавшее охлажденіе царя къ его любимцу быть можетъ привело-бы къ болѣе чувствительнымъ для князя послѣдствіямъ, чѣмъ какія оно имѣло въ дѣйствительности. Этимъ новымъ звеномъ въ союзѣ двухъ друзей была женщина—Екатерина.

Семейныя дѣла Петра болѣе или менѣе общеизвѣстны. Женщина, навязанная ему матерью въ супруги еще въ ранней его молодости, никогда не пользовалась его любовью. Воспитанная въ старыхъ понятіяхъ, ненавидѣвшая иноземцевъ Евдокія, съ своими вѣчными жалобами на его частыя отлучки изъ дому, скоро ему опротивѣла совершенно. Петръ нашелъ себѣ болѣе подходящую подругу въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ женщины, не живя затворницами, привыкли къ свободному, непринужденному обращенію съ мужчинами. Нѣмка Анна Монсъ надолго завладѣла сердцемъ царя. Такого-же рода интрига завязывается и у Меншикова, но только въ предѣлахъ дворца. Необходимо замѣтить, что послѣ смерти царицы Натальи Кириловны двор-

цовый внутренній бытъ значительно измѣнился: женщины и дѣвицы понемногу выходили изъ теремовъ, и сами царевны не держались строго прежняго затворничества. Царевна Наталья Алексѣевна, родная сестра и любимица Петра, жила въ Преображенскомъ у брата съ своими дѣвицами-боярышнями, и нѣтъ сомнѣнія, что Петръ не стѣснялся посѣщать ее съ своимъ неразлучнымъ Алексашей, и дѣвицамъ-боярышнямъ не приходилось прятаться отъ окружавшихъ Петра молодыхъ людей. Въ числѣ этихъ дѣвицъ были между прочимъ сестры Арсеньевы — Дарья, Варвара и Аксинья (про отца ихъ извѣстно только, что онъ воеводствовалъ гдѣ-то въ Сибири). Меншиковъ очень подружился съ первыми двумя, а съ красавицей Дарьей Михайловной у него завязались и болѣе интимныя отношенія. Слѣды этой любви сохранились въ перепискѣ обѣихъ сестеръ съ Меншиковымъ.

Первыя письма—безъ числъ—содержатъ въсебѣ простые поклоны, извѣщенія о здоровьѣ, просьбы не забывать и т. п. Но уже съ 1702 г., съ тѣхъ поръ, какъ начинается дѣятельность Меншикова въ новомъ краѣ, письма—уже съ датами—становятся весьма интересными историческими документами, такъ какъ по нимъ можно прослѣдить почти всѣ движенія Меншикова и Петра, ихъ успѣхи, отношенія обоихъ друзей. Петръ, повидимому, также очень дружески относился къ дѣвицамъ и часто посылалъ имъ поклоны. Но скоро переписка становится еще болѣе оживленной. Къ компаніи Арсеньевыхъ, которыя теперь жили въ Москвѣ вмѣстѣ съ сестрами Меншикова, въ 1704 г. присоединяется еще одно лицо — новая подруга Петра, будущая императрица Екатерина.

Въ августѣ 1702 г., при взятіи Шереметевымъ Маріенбурга, въ числѣ плѣнныхъ досталась ему съ семействомъ пробста Глюка молодая Екатерина, бѣдная сирота, находившаяся въ услуженіи у пробста. Черезъ нѣкоторое время Меншиковъ, увидавъ Катерину въ домѣ Шереметева въ Москвѣ, выпросилъ ее для себя, но и у него красивая молодая плѣнница оставалась недолго. Въ мартѣ 1704 г. Петръ, недавно разошедшійся съ Анной Монсъ, обѣдая у Меншикова, увидѣлъ прислуживавшую за столомъ Катерину,—она произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ увезъ ее къ себѣ.

Такова довольно пошлая, малообѣщающая завязка романа, получившаго такое громадное значеніе не только въ личной жизни Петра, но и для исторіи Россіи. Простая прихоть властелина, не привыкшаго стѣсняться въ удовлетвореніи своихъ страстей, превратилась скоро въ прочную серьезную привязанность. Дочь простого

лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго, бѣдная безграмотная сирота, оказалась такимъ-же баловнемъ счастья, какъ и бывшій пирожникъ. Живая, веселая, съ большимъ природнымъ тактомъ, она съумѣла такъ сильно привязать къ себѣ Петра, что въ 1711 г., отправляясь въ Прутскій походъ, онъ рѣшился тайно повѣнчаться съ ней, хотя оффиціально Екатерина была объявлена его супругой лишь въ 1712 г., по возвращеніи изъ похода.

Связь Петра съ Екатериной, закрѣпившаяся впослѣдствіи бракомъ, имѣла громадное значеніе и для Меншикова. Въ лицѣ Екатерины, помнившей, чѣмъ она обязана ему, онъ пріобрѣлъ себѣ всегдашнюю неизмѣнную заступницу передъ царемъ. Но еще болѣе, чѣмъ память о прошломъ, ихъ связывала очевидная солидарность интересовъ. Оба выхваченные снизу, оба обязанные своимъ необыкновеннымъ возвышеніемъ личному расположенію царя, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами и завистниками, они естественно должны были стать союзниками и дѣйствительно всю жизнь взаимно поддерживали другъ друга.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы Меншиковъ съ самаго начала предвидѣлъ будущее значеніе Екатерины и сознательно сталъ подготовлять въ ней союзницу. Вѣроятно, ему и не особенно пріятно было разставаться съ красивой плѣнницей, которая и сама, повидимому, сохранила хорошее воспоминаніе о пребываніи въ его домѣ. Есть нѣкоторыя указанія, что онъ смотрѣлъ на новую связь Петра лишь какъ на временную прихоть и втайнѣ мечталъ о томъ, чтобы выдать за него одну изъ своихъ сестеръ, Анну Даниловну (другая сестра, Марья Даниловна, вышла въ 1703 г. за одного изъ графовъ Головиныхъ). По крайней мѣрѣ, когда однажды на пиру у Мазепы послѣдній напомнилъ князю о его давнишнемъ обѣщаніи отдать сестру за его племянника Войнаровскаго, Меншиковъ, будучи уже нѣсколько подъ хмѣлькомъ, отвѣтилъ: „Нельзя, царское величество самъ хочетъ на ней жениться“. Въ сентябрѣ 1705 г. онъ, между прочимъ, писалъ Дарьѣ Михайловнѣ: „Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы она училась непрестанно, какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило“. Соловьевъ изъ этого письма усматриваетъ намѣреніе честолюбиваго фаворита подготовить Петру достойную подругу. Дѣйствительно-ли у Меншикова имѣлись причины питать подобныя надежды—объ этомъ судить нельзя, за неимѣніемъ другихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ настолько благоразуменъ, что, замѣтивъ возрастающую привязанность царя къ Екатеринѣ, не сталъ ей противодѣйствовать, а напротивъ,

всячески старался расположить въ свою пользу ту женщину, которая одна была его соперницей въ сердцѣ Петра. Екатерина, не всегда бывавшая въ состояніи слѣдовать за государемъ, который рѣдко оставался подолгу на одномъ мѣстѣ и, словно буря, носился изъ одного конца государства въ другой, находила себѣ на это время пріютъ въ семействѣ Меншикова. Между нею, его сестрой и дѣвицами Арсеньевыми существуютъ самыя тѣсныя дружескія отношенія и постоянная переписка. Екатерина и Меншиковъ также часто обмѣниваются письмами, тонъ которыхъ, сначала фамильярный со стороны Меншикова, постепенно становится болѣе почтительнымъ, вслѣдствіе постепеннаго измѣненія въ положеніи самой Екатерины, но всегда остается дружественнымъ, съ той и другой стороны.

Въ 1706 г. отношенія Меншикова къ Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой были узаконены наконецъ бракомъ, что отчасти было дѣломъ самого Петра. Интересно, что въ письмахъ Петра къ Меншикову около этого времени попадаются какія-то загадочныя фразы. Такъ, въ декабрѣ 1705 г. онъ пишетъ: „Еще васъ о единомъ прошу, ни для чего, только для Бога и души моей держи свой пароль“. Другой разъ (въ январѣ 1706 г.): „Что вы изволите пароль свой держать, за то зѣло, зѣло благодаренъ“... Къ какому обстоятельству могъ относиться этотъ „пароль“, условленный между Петромъ и Меншиковымъ? Есиповъ полагаетъ, что Петра все-таки смущали прежнія отношенія Меншикова и Екатерины, что онъ боялся возобновленія ихъ и для этого взялъ съ него слово жениться на Арсеньевой, а самъ обѣщалъ жениться на Екатеринѣ. Какъ-бы то ни было, Петръ очень хлопоталъ о женитьбѣ своего друга. 27 іюня онъ вызываетъ его для этого въ Кіевъ: „Еще же зѣло прошу васъ нужно необходимо къ Успеньеву дню быть сюда, чтобы опредѣлить то, о чемъ довольно говорено съ вами, и мой отъѣздъ“. Меншиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ и 18 августа Петръ обвѣнчалъ его съ Дарьей Михайловной.

Меншиковъ не имѣлъ повода раскаяваться въ этомъ бракѣ. Въ лицѣ Дарьи Михайловны онъ пріобрѣлъ вѣрную подругу жизни, окружавшую мужа самыми нѣжными попеченіями. Подобно Екатеринѣ, она была, что называется, полковою дамою: она переносила всѣ трудности походной жизни, подвергаясь иногда личной опасности, и при случаѣ даже совершала походы верхомъ. Меншиковъ съ своей стороны также искренно любилъ ее, и когда частыя передвиженія войскъ заставляли ихъ разлучаться, писалъ ей съ каждаго перехода, съ рѣдкимъ вниманіемъ заботился объ ея удобствахъ, осыпалъ подарками. Вообще, по отзывамъ современниковъ, это была въ выс-

шей степени достойная и добрая женщина, и Петръ, заставивъ своего легкомысленнаго друга жениться на ней, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ имѣлъ въ виду его счастье.

Когда въ 1709 г. у княгини въ походѣ родился сынъ, Петръ самъ окрестилъ его, далъ ему двойное имя Лука-Петръ, произвелъ въ поручики Преображенскаго полка и, уѣзжая, оставилъ записку Меншикову: „Новорожденному Лукѣ-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворовъ на крестъ; а гдѣ, то даю на вашу волю, гдѣ вамъ понадобится“. Любопытно, для характеристики Меншикова, что послѣдній подходящей деревни въ 100 дворовъ не сыскалъ, а сыскалъ деревню въ 150 дворовъ и письменно просилъ деревню эту отдать ему, а за излишніе 50 дворовъ взять съ него деньги. Петръ конечно денегъ не взялъ и отвѣчалъ ему: „о деревнѣ будь по вашему прошенію, а вычту въ тѣ поры, какъ Богъ дастъ вамъ другого сына“.

Вообще, отношенія Петра къ Меншикову втеченіе этого времени представляютъ рѣдкій примѣръ самой нѣжной дружбы, даже болѣе, чѣмъ дружбы. Во всѣхъ письмахъ Петра, среди всѣхъ заботъ и треволненій этого богатаго событіями періода, слышится почти отеческая заботливость его о князѣ, словно вся любовь, которая должна была принадлежать родному сыну царя, перешла на это „дитя сердца“. Мы уже говорили, какія нѣжныя прозвища онъ давалъ въ письмахъ своему Алексашѣ, своему Данилычу. Въ его отсутствіе Петръ положительно скучаетъ и ждетъ-не дождется свиданія съ нимъ. Въ каждомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія: „Здѣсь все добро, только дай Боже! видѣть тебя въ радости; самъ знаешь“... „Здѣсь все далъ Богъ изрядно, только объ одномъ не безъ туги, о чемъ извѣстенъ, а паче что сей праздникъ никогда врознь не бывалъ“... „Въ болѣзни моей не меньше тоска разлученія съ вами, что многажды въ себѣ терпѣлъ; но нынѣ уже вящше не могу; извольте ко мнѣ быть поскоряе, чтобы мнѣ веселяе было“.

Иногда письма отличаются шутливымъ характеромъ. Въ 1706 г., празднуя Пасху въ Нарвѣ, царь среди веселаго пира пишетъ Меншикову: „Сегодня по обѣднѣ были въ вашемъ дому и разговѣлись, и при окончаніи сего дня паки окончали веселіе въ вашемъ же дому. Воистину слава Богу веселы, но наше веселіе безъ васъ, яко брашно-безъ соли. Лизетъ Даниловна (имя любимой собачки Петра, полученной въ подарокъ отъ Меншикова) лапку приложа челомъ бьетъ“. Это письмо по желанію Петра подписано было всѣми гостями, участвовавшими въ празднествѣ, въ томъ числѣ и денщиками.

Но еще болѣе интересны для характеристики ихъ отношеній письма самого Меншикова къ Петру, ничѣмъ не напоминающія писемъ подданнаго къ государю. Всѣ они отличаются самымъ непринужденнымъ товарищескимъ тономъ. Такъ, напр., Меншиковъ никогда не употребляетъ слова величества, а всегда, какъ въ заголовкѣ, такъ и въ самомъ письмѣ, величаетъ Петра тѣмъ чиномъ, какой тотъ носилъ въ данное время по службѣ, напр., капитаномъ, полковникомъ. Обыкновенно письма его начинались словами: „Доношу вашей милости“, причемъ, докладывая о своихъ распоряженіяхъ, о положеніи дѣлъ, онъ никогда не говоритъ, что поступалъ въ данномъ случаѣ по указу царя, а просто по письму, или же говоритъ прямо, что счелъ нужнымъ поступить такъ-то и такъ-то. Попадаются у него и такія выраженія: что хотя-де ваша милость и писали ко мнѣ, чтобы сдѣлать такъ-то, однако же я разсудилъ поступить по иному. Иногда онъ даетъ царю совѣты, указанія. Послѣ битвы при Калишѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ Петру: „Пожалуй изволь здѣшнихъ генераловъ повеселить особливыми отъ себя письмами или въ письмѣ ко мнѣ прописать къ каждому особо за ихъ доброе управленіе“. Точно также онъ никогда не подписывался, подобно другимъ сановникамъ, слугой или рабомъ (напр., фельдмаршалъ Борисъ Петр. Шереметевъ, одинъ изъ родовитѣйшихъ сподвижниковъ Петра, всегда подписывался подъ своими письмами къ царю: Вашъ холопъ Бориско), а просто А. Меншиковъ. Нѣкоторыя его письма отличаются такимъ же шутливымъ тономъ, какъ и письма Петра. Въ началѣ 1703 г., когда Петръ былъ на Ладожскомъ озерѣ, Меншиковъ, живя въ Петербургѣ и впервые ознакомясь съ прелестями петербургской зимы, писалъ ему:

„Мой господинъ капитанъ, здравствуй! Зѣло милость вашу мы ожидаемъ; намъ стало скучно, потому что было ведро, а нынѣ вмѣсто его дожди и великіе вѣтры; а для того непрестанно ждемъ васъ; когда изволите пріѣхать, то чаемъ, что паки будетъ ведро. Не вѣдаемъ, для чего такъ замѣшкались; намъ кажется мочно быть, потому что вѣтеръ способный. Развѣ за тѣмъ медленіе чинится, что ренскаго у васъ, вѣдаемъ, есть бочекъ съ десять и больше, также и секу не безъ довольства; и потому мнимъ, что, бочки изпраздня, хотите сюда пріѣхать, или которыя изъ нихъ разсохлись, замачиваете и размачиваете. О чемъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось“.

Нельзя сказать, чтобы эта долгая и безпримѣрная дружба никогда не омрачалась. Вспыльчивый царь, оставшись недовольнымъ какимъ-нибудь распоряженіемъ любимца, иногда приходилъ въ такой гнѣвъ, что по прежнему угощалъ его собственноручно потасовкой. Но такія размолвки продолжались очень недолго. Обыкновенно Петръ

на другой-же день пріѣзжалъ къ своему другу какъ ни въ чемъ не бывало, и враги Меншикова, едва только возымѣвшіе надежду свергнуть временщика, должны были мириться съ мыслью, что борьба съ нимъ пока немыслима.

ГЛАВА IV.

1710-й годъ. — Встрѣча у Краснаго Кабачка. — Внутренняя и внѣшняя перемѣна въ Меншиковѣ. — Его образъ жизни. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Темныя стороны въ характерѣ Меншикова. — Злоупотребленія князя. — Первыя разоблаченія. — Курбатово-Соловьевское дѣло. — Первая царская немилость. — Новый фаворъ. — Столкновеніе съ сенатомъ. — Слѣдственныя комиссіи надъ Меншиковымъ и ихъ результаты. — Причины снисходительности Петра. — Общій уровень нравственности въ петровскую эпоху.

1710-й годъ былъ, по всей вѣроятности, самымъ счастливымъ въ жизни Меншикова. По крайней мѣрѣ, его значеніе при Петрѣ достигло въ этомъ году своего апогея. Могущество шведовъ было сломлено, война не требовала уже прежняго страшнаго напряженія всѣхъ силъ, Петръ могъ дать себѣ нѣкоторый отдыхъ и съ чувствомъ полнаго удовлетворенія оглянуться на пройденный путь. И вотъ, на какомъ-бы моментѣ этого славнаго прошлаго онъ ни остановился мысленно, повсюду встрѣчалъ онъ своего Данилыча, на каждомъ шагу вспоминалась его вѣрная служба, его дѣльные совѣты, его храбрость и распорядительность. Неудивительно такимъ образомъ, что весь этотъ годъ, наполненный почти непрерывными празднествами по случаю одержанныхъ побѣдъ, представляетъ длинный рядъ овацій по адресу князя, долженствовавшихъ запечатлѣть навсегда въ памяти русскихъ его заслуги, какъ главнаго и достойнѣйшаго изъ сподвижниковъ побѣдителя.

Отпраздновавъ Полтавскую побѣду тріумфальнымъ въѣздомъ въ Москву и цѣлымъ рядомъ торжествъ, въ которыхъ Меншиковъ всегда являлся народу по правую руку царя (Петръ безъ него не хотѣлъ даже вступать въ Москву и съ недѣлю дожидался его прибытія въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ), послѣдній въ концѣ февраля уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы порадоваться на быстрый ростъ своего „парадиза“. Меншикову пришлось еще отправиться къ Ригѣ,

осада которой, порученная Шереметеву, подвигалась впередъ очень вяло. Но съ пріѣздомъ князя работа закипѣла, и Меншиковъ, исполнивъ все, что ему было поручено, могъ наконецъ вернуться въ Петербургъ, который былъ и для него любимымъ дѣтищемъ и въ преуспѣяніи котораго, какъ писалъ ему Петръ, приглашая его поскорѣе пріѣхать, онъ „добрымъ участникомъ былъ и есть“.

„Пріѣздъ мой сюда зѣло счастливъ,—писалъ князь женѣ, оставшейся въ дорогѣ,—ибо его величество съ особливой склонной милостью принять меня изволили и зѣло изъ моего сюда пріѣзду веселится. А сего числа данъ мнѣ ордеръ Дацкій Слона; взавтре, понеже день рожденія государева, по отправленіи извычайнаго банкета, что будетъ въ новомъ нашемъ домѣ на Васильевскомъ острову, гдѣ не оставимъ и про ваше здоровье выпить“...

Недаромъ даже избалованный царскими милостями, привыкшій къ всеобщему раболѣпству, Меншиковъ видитъ „особливую склонную милость“ въ устроенной ему царской встрѣчѣ. Вотъ какъ описываетъ эту самую встрѣчу датскій посланникъ Юстъ Юль, участвовавшій въ ней вмѣстѣ съ посломъ польскимъ.

„Я выѣхалъ рано утромъ (29 мая) верхомъ къ Красному кабаку (въ 17 верстахъ отъ Петербурга) на встрѣчу князю Меншикову. Самъ царь выѣхалъ къ нему за три версты отъ города, несмотря на то, что недавно хворалъ и теперь еще не совсѣмъ оправился. Замѣчательно, что князь даже не слѣзъ съ лошади, чтобы почтить своего государя встрѣчею, а продолжалъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока царь къ нему не подошелъ и не поцѣловалъ его. Множество русскихъ офицеровъ и другихъ служащихъ тоже выѣхали верхомъ встрѣчать князя; всѣ цѣловали у него руку, ибо въ то время онъ былъ полубогомъ, и вся Россія должна была на него молиться. При его приближеніи къ городу ему салютовали 55 выстрѣлами“.

У того-же Юля мы находимъ еще много другихъ интересныхъ подробностей, свидѣтельствующихъ о томъ поклоненіи, которымъ былъ окруженъ въ то время фаворитъ. Между прочимъ, Юль пишетъ:

„Меня крайне изумило, что Меншиковъ передъ своимъ уходомъ поцѣловалъ царицъ и что молодыя царевны—(вѣроятно, вдова и дочери покойнаго царя Іоанна) —устремились къ нему первыя, стараясь наперегонки поцѣловать у него на прощаніе руку, которую онъ имъ и предоставилъ. Вотъ до чего возросло высокомѣріе этого человѣка!“.. восклицаетъ Юль, хотя по этому поводу можно было-бы подивиться и раболѣпству тѣхъ, которые такъ унижались передъ могущественнымъ временщикомъ.

Итакъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія Меншиковъ вернулся въ тотъ городъ, который возникъ на его глазахъ и при его содѣйствіи. Из-

мѣнился Петербургъ, успѣвшій за это время сильно вырости и выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ Петербургскаго острова, но еще болѣе измѣнился и выросъ его губернаторъ. Какая разница между Меншиковымъ, выѣхавшимъ пять лѣтъ тому назадъ изъ этого парадиза на болотѣ, и фельдмаршаломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, вернувшимся назадъ во всемъ ореолѣ одержанныхъ имъ побѣдъ. Всѣ эти великія событія, въ которыхъ онъ принималъ столь непосредственное участіе, все то, что онъ видѣлъ и слышалъ въ чужомъ краю, дали необыкновенное развитіе его рѣдкимъ способностямъ, сдѣлали изъ него внутренно и наружно почти другого человѣка. Глядя на этого великолѣпнаго вельможу, съ такимъ высокомѣрно-снисходительнымъ видомъ принимавшаго всеобщее поклоненіе, такъ просто и непринужденно, словно равный съ равнымъ, державшагося съ своимъ государемъ, никто-бы и не подумалъ, что онъ родился въ самой низкой долѣ и еще такъ недавно исполнялъ обязанности лакея. Наружность князя сама по себѣ была очень внушительна. Высокій, худощавый, но стройнаго сложенія, онъ обладалъ очень пріятными чертами лица съ необыкновенно живыми глазами, умно и проницательно глядѣвшими изъ-подъ густыхъ бровей. Высокій лобъ, котораго не могъ скрыть даже огромный парикъ по модѣ того времени, и выдающійся подбородокъ свидѣтельствовали о способностяхъ и энергіи. Пребываніе заграницей, сношенія съ польскими магнатами, частыя встрѣчи и бесѣды съ коронованными особами, какъ Августъ или король прусскій, которыхъ онъ запросто угощалъ въ своей палаткѣ—все это не прошло безслѣдно для воспріимчиваго Меншикова и въ отношеніи его внѣшнихъ пріемовъ. Никто изъ приближенныхъ царя не усвоилъ въ такой степени внѣшній лоскъ западной цивилизаціи, никто не походилъ въ такой степени на европейца, какъ этотъ бывшій уличный торговецъ. Надменный и заносчивый съ тѣми, которые не хотѣли смириться передъ нимъ, онъ умѣлъ быть любезнымъ и привѣтливымъ съ низшими, съ людьми, охотно признававшими его первенство. Иностранцы, постоянно жалующіеся на грубость и высокомѣрное обращеніе съ ними русскихъ вельможъ, съ большой похвалой отзываются о вѣжливости и предупредительности князя и особенно о его опрятности—качество, очень рѣдкое тогда между русскими. И домъ у него поставленъ на болѣе европейскую ногу, чѣмъ у другихъ вельможъ, у которыхъ, несмотря на новые заимствованные съ запада кафтаны и парики, остались прежніе грубые вкусы и забавы. У него не только роскошная, но и изящная обстановка, прекрасный столъ. Недаромъ, когда нужно принять иностранца, угостить его на славу, блеснуть предъ нимъ

умѣніемъ жить, Петръ поручаетъ это своему неоцѣнимому Данилычу.

Покончивъ на время съ бивуачной жизнью, Меншиковъ выписалъ жену и зажилъ въ своемъ новомъ великолѣпномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ съ невиданной дотолѣ роскошью. Богатства, пріобрѣтенныя имъ, благодаря щедрымъ пожалованіямъ царя, подаркамъ Августа, а еще болѣе, благодаря безцеремонному „гощенію“ въ непріятельской землѣ, достигали огромныхъ размѣровъ, такъ что при всей своей скаредности онъ могъ позволять себѣ и огромные расходы. У него свои карлы, парикмахеръ, камердинеръ-французъ, мундшенкъ, берейторъ, трубачи, гобоисты, бандуристы, шталмейстеръ, кучера, ковали, слесари, кухмейстеры, часовникъ, садовый мастеръ, огородники: всѣ изъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ получали по тому времени значительное жалованье. Изъ русскихъ были только сапожники и псари. По сохранившимся счетамъ видно, что съ конца 1709 г. по 1711 г. князь на свое содержаніе (за исключеніемъ расходовъ на княгиню и сына) израсходовалъ слишкомъ 45 т. р. Весь 1710 г. былъ, какъ мы говорили, почти нескончаемымъ праздникомъ. Сначала праздновались старыя побѣды, а потомъ подоспѣли и новыя —взятіе Ревеля и Кексгольма. Далѣе слѣдовали празднества по случаю бракосочетанія царевны Анны Ивановны съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Курляндскимъ, происходившаго въ домѣ князя (31 окт. 1710 г.), а вслѣдъ затѣмъ новая свадьба, на этотъ разъ шутовская, во вкусѣ Петровскихъ забавъ—свадьба двухъ карловъ.

Начавшаяся новая война съ турками положила предѣлъ этимъ пирамъ и забавамъ. Въ январѣ 1711 г. Петръ отправился въ знаменитый Прутскій походъ, оставивъ свой парадизъ на попеченіе вѣрнаго Данилыча.

Но и Меншиковъ недолго могъ почивать на лаврахъ. Еще въ томъ-же 1711 г., по внезапной кончинѣ герцога Курляндскаго, ему пришлось вступить съ войскомъ въ Курляндію. Въ 1712 г. мы видимъ его главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Помераніи, куда теперь перешла война со Шведами. Въ 1713 г. онъ находится съ войскомъ въ Голштиніи подъ командой датскаго короля, участвуетъ во взятіи крѣпости Тенингена и въ побѣдѣ, одержанной союзниками надъ шведскимъ генераломъ Стенбокомъ, беретъ Штеттинъ, который тутъ-же отдаетъ въ секвестръ королю Прусскому и двору гольштинскому. Потомъ, проведши русскую армію черезъ польскую границу до Данцига, возвращается въ Петербургъ въ февралѣ 1714 г. Съ этихъ поръ Меншиковъ уже не участвуетъ болѣе ни въ одномъ походѣ. Хотя

война со шведами еще продолжалась, но самый острый періодъ ея миновалъ; новыхъ крупныхъ предпріятій не предвидѣлось, такъ какъ соперничество и подозрительность союзниковъ не допускали Петра до особенно рѣшительныхъ дѣйствій,—оставалось, главнымъ образомъ, только удерживать пріобрѣтенныя уже провинціи до окончательнаго закрѣпленія ихъ за собой миромъ. Но съ этимъ могли справиться и другіе генералы, тогда какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ заботахъ о дальнѣйшемъ преуспѣяніи парадиза, который Петру приходилось такъ часто покидать для своихъ разъѣздовъ по Россіи и путешествій за границу, Меншиковъ былъ рѣшительно незамѣнимъ.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что даже въ военное время, находясь въ Литвѣ, Меншиковъ продолжалъ по-прежнему завѣдывать ввѣреннымъ ему краемъ, и сохранившіяся бумаги показываютъ, что онъ безъ замедленія разрѣшалъ всѣ присылаемыя ему донесенія. Но и этимъ не ограничивался кругъ дѣятельности князя. Онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ государя; въ его рукахъ сосредоточивалось такое множество канцелярій, учрежденій всякаго рода, что опредѣлить съ точностью сферу его вліянія, указать, что именно сдѣлано имъ за указанный періодъ времени, по всей вѣроятности даже и невозможно. Этимъ именно и отличается Меншиковъ отъ другихъ сотрудниковъ Преобразователя. У каждаго изъ нихъ было свое дѣло, свой опредѣленный кругъ обязанностей, съ которымъ онъ справлялся болѣе или менѣе удачно. Меншиковъ-же, благодаря довѣрію царя, благодаря разносторонности своей богато-одаренной натуры, даже въ самое трудное военное время не былъ исключительно полководцемъ и имѣлъ большое вліяніе на всѣ внутреннія дѣла государства.

Но зато это могущество, это рѣдкое довѣріе къ нему государя, дававшее ему возможность распоряжаться съ такой самостоятельностью, дѣйствовали разнуздывающимъ образомъ на инстинкты и страсти любимца. Натура сильная, въ высшей степени даровитая, Меншиковъ, несмотря на отсутствіе всякой теоретической подготовки, съумѣлъ въ короткое время стать полезнѣйшимъ сотрудникомъ Петра. Но эти рѣдкія способности не были облагорожены нравственнымъ чувствомъ. Меншикову не хватало той высоконравственной черты, которая миритъ насъ со всѣми недостатками могучей, но мало культивированной натуры Петра—именно, его безграничной любви къ отечеству, преданности идеѣ, которой онъ служилъ всю жизнь. Для Меншикова единственнымъ стимуломъ къ дѣятельности было желаніе угодить царю, отъ расположенія котораго зависѣло его благосостояніе. Его сильный умъ работалъ главнымъ образомъ изъ видовъ своекорыстныхъ. Уже въ

самомъ началѣ своей карьеры онъ обнаруживалъ, какъ мы видѣли, непомѣрное честолюбіе, а милости Петра, необыкновенная щедрость, съ которой тотъ расплачивался за каждую новую услугу своего любимца, раздували въ немъ эту черту все сильнѣе и сильнѣе. Другою преобладающей страстью Меншикова была жажда пріобрѣтенія. Для первой изъ этихъ страстей еще существовали извѣстные предѣлы. Фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь, другъ и совѣтникъ великаго государя, за которымъ наперерывъ ухаживали иностранныя правительства, осыпавшія его знаками вниманія и уваженія, Меншиковъ былъ теперь первымъ лицомъ въ государствѣ, послѣ самого царя. Бо́льшаго при Петрѣ онъ не могъ уже добиться, оставалось только удержаться на этой головокружительной высотѣ. Но для другой его страсти не было предѣловъ. Правда, съ пожалованіемъ ему втеченіе этого періода всего Петербургскаго края, малороссійскихъ мазепинскихъ имѣній и польскихъ староствъ, онъ сдѣлался первымъ богачомъ въ Россіи, но это богатство, пріобрѣтенное такъ легко и скоро, еще болѣе разожгло его аппетиты. Страсти, ничѣмъ не сдерживаемыя, какъ извѣстно, разростаются до чудовищныхъ размѣровъ, а могущество князя давало ему возможность удовлетворять свою алчность всякими, хотя бы и противозаконными средствами. И въ какія только предпріятія не пускается свѣтлѣйшій князь съ цѣлью наживы! Онъ и фабрики заводитъ, и заграничной торговлей занимается; онъ глава всевозможныхъ компаній, получившихъ монополіи на ту или другую выгодную статью торговли, на тотъ или другой доходный промыселъ—все это съ вѣдома и разрѣшенія Петра, очень довольнаго тѣмъ, что его полководецъ и министръ содѣйствуетъ личнымъ починомъ отечественной промышленности. Но и этого ему мало; онъ беретъ на имя подставныхъ лицъ, своихъ креатуръ, казенные подряды и самъ-же принимаетъ доставляемые ими продукты по болѣе высокимъ противъ существующихъ цѣнамъ; онъ притѣсняетъ другихъ купцовъ, беретъ, гдѣ только можетъ, взятки, присваиваетъ себѣ казенныя деньги. Во время пребыванія въ Польшѣ онъ обираетъ шляхтичей, конфискуя ихъ имущество въ свою пользу. Алчность его доходила до того, что онъ не постѣснялся отнять у пани Огинской всѣ ея драгоцѣнности, несмотря на то, что она была теткой одного изъ главныхъ приверженцевъ Петра. Но все это сходило ему съ рукъ, такъ какъ никто не осмѣливался жаловаться на царскаго любимца, и Петръ, такимъ образомъ, долгое время и не подозрѣвалъ о его продѣлкахъ. Онъ конечно не былъ слѣпъ къ недостаткамъ своего „герценкинда“; онъ зналъ, какъ мы видѣли, его честолюбіе, зналъ его любовь къ деньгамъ, и не только

не вмѣнялъ ему въ вину эти слабости, но и самъ всячески старался удовлетворять ихъ. Но именно поэтому онъ не могъ допустить и мысли, чтобъ человѣкъ, осыпанный его милостями, позволялъ себѣ его обманывать, чтобъ тотъ, кто оказалъ столько услугъ государству, былъ способенъ въ то-же время вредить его интересамъ.

Однако рано или поздно у Петра должны были раскрыться глаза, и это былъ тяжкій ударъ для его сердца, быть можетъ одно изъ самыхъ горькихъ разочарованій въ его жизни. Первое разоблаченіе произошло въ 1711 г. Отправляясь въ Прутскій походъ и проѣзжая черезъ Польшу, онъ узналъ о нѣкоторыхъ самоуправныхъ поступкахъ своего любимца, между прочимъ о самовольномъ завладѣніи имъ имѣніемъ Чашниками. Послѣдовалъ выговоръ, но въ очень мягкой формѣ: „Зѣло прошу васъ—писалъ онъ ему изъ похода—чтобы вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредита. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней“... Но это дружеское увѣщаніе не подѣйствовало; первая брань не оказалась послѣдней. Возвратившись изъ похода, Петръ узналъ о новыхъ незаконныхъ продѣлкахъ князя; онъ сталъ осторожнѣе, внимательнѣе приглядывался къ его поведенію, и въ началѣ 1712 г., отправляя его въ Померанію противъ Шведовъ, уже болѣе рѣзко напоминаетъ ему о томъ, чтобы онъ велъ себя честно: „Ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію—не мечтай, что ты тамъ будешь вести себя, какъ въ Польшѣ. Ты мнѣ отвѣчаешь головой при малѣйшей жалобѣ на тебя“. Но и это не помогло, и хотя царь угрозы своей не исполнилъ, но отношенія между друзьями сильно испортились. А тутъ еще началось знаменитое Курбатово-Соловьевское дѣло, въ которомъ косвеннымъ образомъ оказался замѣшаннымъ и князь, и благодаря начавшимся разоблаченіямъ, стали раскрываться понемногу и другія его злоупотребленія. Обличителемъ Меншикова явился его прежній протежэ, помогавшій ему во многихъ его незаконныхъ продѣлкахъ, и скандалъ вышелъ грандіозный. Этотъ обличитель былъ знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ.

Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новыя сферы дѣятельности и учрежденія дали возможность выдвинуться многимъ способнымъ людямъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Особенно легко было выдвинуться, обратить на себя вниманіе царя въ области экономическихъ отношеній. Чтобъ покрывать все увеличивающіеся расходы на рѣшеніе многосложныхъ политическихъ задачъ, прихо-

дилось изыскивать все новые и новые источники доходовъ. Явилась особая должность прибыльщиковъ, людей, искавшихъ во всемъ прибыли казнѣ. Особенно прославился своей энергіей и изобрѣтательностью первый прибыльщикъ Алексѣй Курбатовъ, по предложенію котораго, между прочимъ, была введена гербовая бумага. Долгое время Курбатовъ пользовался покровительствомъ Меншикова, своего начальника, и съ своей стороны отплачивалъ ему тѣмъ, что оказывалъ ему содѣйствіе въ его коммерческихъ предпріятіяхъ. Въ своихъ донесеніяхъ Петру онъ не упускалъ случая, чтобы не превозносить мудрость и усердіе князя, называлъ его „избраннымъ отъ Бога сосудомъ, единственнымъ человѣкомъ, который безъ порока передъ царемъ". Мало того, Курбатовъ простиралъ эту преданность своему „милостивцу" до того, что отдавалъ ему часть прибыли, получаемой отъ казенныхъ операцій, доказывая, что это вполнѣ законная награда за его услуги царю, и Меншиковъ, отличавшійся не менѣе широкимъ взглядомъ на казенные доходы, охотно принималъ его приношенія и посредничество между людьми, нуждавшимися въ услугахъ фаворита и щедро платившими за эти услуги. Такъ шло дѣло довольно долгое время, по пословицѣ „рука руку моетъ", къ обоюдному удовлетворенію и выгодѣ Курбатова и князя. Но въ 1711 г. первый былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, и тутъ ему пришлось столкнуться съ однимъ изъ братьевъ Соловьевыхъ, также протежэ князя и также усердно работавшими въ его пользу. Одинъ изъ Соловьевыхъ, Ѳедоръ, управлялъ имѣніемъ Меншикова, другой, Осипъ, былъ царскимъ комиссаромъ въ Голландіи, занимался продажею казенныхъ товаровъ, переводомъ денегъ изъ Россіи заграницу и т. п., а третій, Дмитрій, былъ оберъ-комиссаромъ въ Архангельскѣ. Скоро послѣ пріѣзда, Курбатову, по ходатайству князя, пришлось поступиться частью своихъ правъ въ пользу Дмитрія Соловьева, которому поручено вѣдать одному отпускъ государевыхъ товаровъ. Самолюбивый прибыльщикъ обидѣлся и послалъ доносъ на Соловьева, обвиняя его въ томъ, что онъ отправляетъ въ Голландію собственный зерновой хлѣбъ вмѣсто казеннаго и задерживаетъ сбытъ послѣдняго братомъ, чтобы повысить цѣны и выгоднѣе продать свой. Но эта жалоба косвеннымъ образомъ задѣвала Меншикова, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Соловьевы—его креатуры. Въ то же время на самого Курбатова подана была жалоба иностранными купцами. Заварилось дѣло, пошли доносы, взаимныя обвиненія, въ которыя мало по малу втягивались самыя высокопоставленныя лица.

Курбатовское дѣло началось, какъ мы уже сказали, въ такое

время, когда довѣріе Петра къ „единственно-безпорочному слугѣ“ было уже и безъ того значительно подорвано. Несмотря на полученное предостереженіе, Меншиковъ и въ Померанiи позволялъ себѣ всякія вымогательства. Кромѣ того Петръ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ отдалъ Штеттинъ прусскому королю и Гольштинскому герцогу, такъ какъ этимъ поступкомъ онъ чуть не поссорилъ царя съ датскимъ королемъ, который былъ противъ Гольштинскаго секвестра, и его неудовольствіе было тѣмъ сильнѣе, что, по слухамъ, Меншиковъ получилъ за эту сдѣлку большую сумму отъ гольштинскаго министра. Этой первой серьезной размолвкой между друзьями не замедлили конечно воспользоваться многочисленные враги надменнаго временщика, давно уже подстерегавшіе случай, чтобы погубить его. И вотъ въ связи съ Курбатовскими доносами на Соловьева со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на вымогательства, хищенія и злоупотребленія самого Меншикова. Петръ узналъ такимъ образомъ, что не только въ непріятельской странѣ, но и у себя, въ ввѣренномъ его управленію краѣ, въ самомъ „парадизѣ“, его Данилычъ позволяетъ себѣ злоупотреблять царскимъ довѣріемъ. Въ первый разъ за все это время Меншиковъ почувствовалъ со всей силой, какъ шатко его положеніе. Прежнія непринужденныя отношенія къ царю прекратились, исчезъ шутливый товарищескій тонъ въ письмахъ. Холодность Петра, плохо скрываемое злорадство придворныхъ, всѣ эти зловѣщіе симптомы близкой опалы дѣйствовали подавляющимъ образомъ на зарвавшагося игрока—его здоровье, и безъ того разстроенное невоздержной жизнью, наконецъ не выдержало. Уже 3 года, какъ онъ харкалъ кровью; въ маѣ 1714 г. съ нимъ сдѣлался такой припадокъ, что врачи потеряли было всякую надежду. Однако желѣзная натура князя обманула врачей—онъ оправился, но не на радость. Враги продолжали подкапываться подъ него, и его злоупотребленія все болѣе всплывали наружу. Въ концѣ 1714 г. Петръ, пріѣхавъ къ нему на семейный праздникъ, осыпалъ его, въ присутствіи многихъ гостей, рѣзкими упреками за его поведеніе и поведеніе его креатуръ, говоря, что всѣ они обогатились въ короткое время отъ грабежей, тогда какъ казенные доходы все уменьшаются. Скоро послѣ этого было назначено строгое слѣдствіе: всѣ чиновники Ингерманландской канцеляріи, состоявшей подъ вѣдѣніемъ князя, были перехватаны и подвергнуты допросу. Слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Василія Дмитріевича Долгорукаго открыла грандіозныя хищенія по управленію монетнымъ дворомъ, при постройкахъ, по провіантской части. Въ дѣло оказались замѣшанными очень вы-

сокопоставленныя лица—два сенатора, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, одинъ изъ самыхъ ловкихъ клевретовъ Меншикова, и др. Но хуже всего было то, что всѣ эти хищенія прикрывались покровительствомъ самыхъ довѣренныхъ слугъ Петра — Меншикова, Апраксина, Брюса и др. Всѣ были убѣждены, что господству ненавистнаго временщика наступилъ конецъ; говорили, что онъ по крайней мѣрѣ потеряетъ свое ингерманландское намѣстничество, которое перейдетъ къ царевичу Алексѣю, и т. п. Но, къ общему изумленію, гроза, готовая разразиться надъ головами главныхъ виновныхъ, пронеслась мимо. Память о прежнихъ заслугахъ князя спасла его отъ заслуженнаго наказанія—поплатились только его креатуры, на которыхъ онъ свалилъ всю вину, доказывая, что они, пользуясь его отсутствіемъ изъ Петербурга, дѣйствовали во всемъ безъ его вѣдома. Корсаковъ былъ публично высѣченъ кнутомъ, но самъ князь, равно какъ его неизмѣнный другъ Апраксинъ и Брюсъ отдѣлались только штрафомъ. А скоро послѣ этого мы опять видимъ его въ милости у царя. Петръ, находясь заграницей, ласково освѣдомляется о его здоровьи, присылаетъ ему изъ Данцига фунтъ табаку. Да и какъ Петру не ласкать своего Данилыча, когда тотъ при всемъ своемъ корыстолюбіи все-таки самый ревностный исполнитель его воли, самый надежный человѣкъ, на котораго онъ можетъ при отъѣздѣ оставить дѣла, будучи увѣреннымъ, что тотъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ не растеряется, не потеряетъ времени въ пустыхъ разговорахъ и безплодныхъ сѣтованіяхъ, а приметъ своевременно всѣ нужныя мѣры. Въ этомъ отношеніи особенно интересно столкновеніе Меншикова съ сенатомъ въ 1716 г. Меншиковъ очень недолюбливалъ это учрежденіе, какъ все и всѣхъ, стѣснявшихъ его самовластіе, и не упускалъ случая, чтобы не выставить въ дурномъ свѣтѣ его распоряженія и медлительность сенаторовъ. Въ іюлѣ 1716 г. адмиралъ Апраксинъ, находясь въ Финляндіи, прислалъ отчаянное письмо въ Петербургъ, донося сенату, что войско его погибаетъ отъ голода и что если ему сейчасъ-же не пришлютъ припасовъ, то онъ возвратится назадъ. Меншиковъ явился въ сенатъ и сталъ упрекать его въ нерадѣніи; сенаторы оправдывались тѣмъ, что въ казнѣ нѣтъ денегъ, что всѣ источники доходовъ истощены и государь не можетъ требовать отъ нихъ невозможнаго. Князь въ отвѣтъ осыпалъ ихъ самыми рѣзкими обвиненіями. Поднялся шумъ; раздраженные сановники закричали, что онъ не смѣетъ такъ говорить въ учрежденіи, представляющемъ особу и власть царскаго величества, и даже пригрозили посадить его подъ арестъ. Тогда Меншиковъ вышелъ

изъ сената и немедленно собственной властью велѣлъ взять припасовъ изъ купеческихъ магазиновъ на 200 т. руб. и нагружать ихъ на суда для отправки въ Або. Сенаторы еще болѣе осердились, стали говорить, что у князя собственные магазины съ хлѣбомъ, который онъ скупаетъ, чтобы произвести дороговизну въ городѣ и затѣмъ продать по дорогой цѣнѣ. Меншиковъ конечно отрицалъ это и приписывалъ раздраженіе сенаторовъ тому, что у каждаго изъ-нихъ была доля въ хлѣбѣ, который онъ велѣлъ захватить у купцовъ. Кончилось тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ были посланы жалобы царю.

Спору нѣтъ, образъ дѣйствій Меншикова въ данномъ случаѣ былъ насильственный, противозаконный, но могъ-ли Петръ осудить его послѣ того, какъ выяснилось, что этимъ самоуправствомъ князь дѣйствительно спасъ войско, тогда какъ „господа сенатъ“ ограничились-бы одними разговорами. Объ этомъ-же свидѣтельствовалъ адмиралъ Апраксинъ, который, по возвращеніи въ Петербургъ, доносилъ царю, что „еслибъ здѣсь не было свѣтлѣйшаго князя, то въ дѣлахъ могли-бы быть великія помѣшательства“. И Петръ взглянулъ сквозь пальцы на проступокъ Данилыча, и хотя послѣдній не смѣлъ уже болѣе писать царю въ прежнемъ товарищескомъ тонѣ, но по отношенію къ окружающимъ онъ остался все тѣмъ-же надменнымъ и несокрушимо-могущественнымъ фаворитомъ.

Впрочемъ, Курбатово-Соловьевское дѣло еще не заглохло. До сихъ поръ Курбатовъ, попавшій самъ подъ слѣдствіе, не рѣшался прямо напасть на Меншикова—въ злоупотребленіяхъ обвинялись только клевреты послѣдняго. Но видя, что его собственное дѣло запутывается все болѣе, онъ рѣшился открыто выступить противъ князя. Ему удалось подкупить одного изъ его служителей, который выкралъ нужныя Курбатову бумаги, содержавшія прямыя улики противъ князя. Съ этими документами въ рукахъ Курбатовъ написалъ въ 1716 г. Петру. Но время было неудачно выбрано; Петръ былъ поглощенъ внѣшними дѣлами; къ этому присоединилось еще бѣгство царевича, такъ что хотя въ слѣдующемъ году Осипъ Соловьевъ и былъ арестованъ въ Амстердамѣ и отправленъ въ Россію, но въ концѣ концовъ слѣдствіе болѣе повредило Курбатову, чѣмъ Меншикову. Первый такъ и умеръ подъ судомъ (1721 г.), не дождавшись конца дѣла; Меншиковъ-же отдѣлался только денежнымъ взысканіемъ, причемъ начетъ на немъ, первоначально громадный, потомъ значительно уменьшился, такъ какъ Петръ, въ виду представленныхъ княземъ счетовъ и документовъ о сдѣланныхъ имъ въ интересахъ царя затратахъ, велѣлъ зачесть ему большія суммы.

Вообще, начиная съ 1714 г. до самой смерти Петра, Меншиковъ почти не выходитъ изъ-подъ суда. Слѣдственныя комиссіи безпрестанно открываютъ все новыя и новыя его злоупотребленія, требуютъ отъ него отчета во всѣхъ издержанныхъ суммахъ, налагаютъ на него громадные штрафы. Петръ, слушая вѣчныя жалобы на противозаконныя дѣйствія князя, выходитъ изъ себя, грозитъ расправиться съ нимъ съ такой-же неумолимой строгостью, какъ и со многими другими высокопоставленными взяточниками и казнокрадами, и не разъ знаменитая царская дубинка прогуливается по спинѣ свѣтлѣйшаго князя; не разъ враги послѣдняго, торжествуя, поднимаютъ головы, увѣренные въ его близкомъ и неминуемомъ паденіи. Иностранные послы въ донесеніяхъ своимъ правительствамъ то и дѣло пророчатъ ему скорую опалу и даже казнь. Но проходитъ нѣкоторое время, и Меншиковъ, принесши повинную, снова въ милости и снова заставляетъ трепетать своихъ противниковъ.

Чѣмъ объяснить такое долготерпѣніе царя? Почему Петръ, каравшій съ такой безпощадной строгостью менѣе важные проступки, оставлялъ почти безнаказанными злоупотребленія Меншикова, дискредитируя этимъ самымъ свое правосудіе въ другихъ случаяхъ?

Мы указывали уже на заступничество Екатерины. Дѣйствительно, въ моменты страшныхъ вспышекъ царскаго гнѣва Меншиковъ обыкновенно обращался къ своей старой пріятельницѣ, которой всегда удавалось развеселить государя и удержать его отъ немедленной расправы. Она умѣла во время напомнить царю о прежнихъ заслугахъ князя, о его испытанной преданности, о томъ, какъ трудно будетъ замѣнить его опытность и знаніе дѣлъ. Все это несомнѣнные факты, засвидѣтельствованные многими современниками. Но врядъ-ли заступничество Екатерины могло-бы спасать столько разъ неисправимаго грѣшника, еслибъ онъ не имѣлъ за себя ходатая въ сердцѣ самого Петра, въ памяти о прежнихъ заслугахъ князя, о прежней дружбѣ, о всѣхъ горестяхъ и радостяхъ, пережитыхъ вмѣстѣ. Въ какой степени прочна была привязанность Петра къ „дитяти его сердца“, несмотря на всѣ разочарованія въ немъ, лучше всего можно судить по слѣдующей сценкѣ, передаваемой Голиковымъ. Однажды царь самъ присутствовалъ въ комиссіи, занимавшейся разбирательствомъ дѣла князя. Туда-же явился Меншиковъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. И вотъ грозный судья, хладнокровно присутствовавшій при допросахъ Преображенскаго приказа, былъ глубоко тронутъ при видѣ своего любимца, смиренно, съ выраженіемъ искренняго раскаянія, ставшаго у дверей. Принявъ отъ него повинную и

прочитавъ ее про себя, онъ замѣтилъ вслухъ: „Эхъ, братъ! и того-то ты написать не съумѣлъ!“ взялъ перо и... сталъ исправлять написанное...

Но не одна только старая дружба, не одна память о прошломъ побуждала Петра щадить Меншикова. Въ пользу князя говорили и чисто-практическія соображенія. „Нашъ монархъ на гору аще самъ десять тянетъ — говоритъ Посошковъ — а подъ гору милліоны тянутъ“... Но среди этихъ немногихъ, которые тянули вмѣстѣ съ Петромъ, далеко не всѣ дѣйствовали съ полною искренностью. Петръ отлично зналъ, что мало кто изъ его сотрудниковъ вполнѣ сочувствуетъ его преобразованіямъ, что при другомъ правителѣ они не менѣе усердно будутъ разрушать то, что при немъ воздвигали. Одни только новые люди, выдвинувшіеся благодаря новымъ порядкамъ и вмѣстѣ съ ними долженствовавшіе сойти со сцены, были вполнѣ надежными его приверженцами, а изъ нихъ конечно на первомъ планѣ Меншиковъ. Въ лицѣ князя, несмотря на всѣ его недостатки, Петръ имѣлъ дѣйствительно преданнаго слугу, преданнаго не только изъ чувства благодарности, но и по разсчету, такъ какъ гибель благодѣтеля неминуемо повлекла-бы за собой его собственную гибель. Задумываясь о томъ, какая участь ждетъ его начинанія послѣ его смерти, въ виду неспособности и приверженности къ старинѣ царевича Алексѣя, Петръ естественно долженъ былъ придти къ мысли о необходимости щадить человѣка, обладавшаго такой огромной опытностью, въ такой степени усвоившаго его идеи, какъ Меншиковъ. Эти соображенія получили еще большую силу, когда на мѣсто несчастнаго Алексѣя наслѣдникомъ престола объявленъ былъ маленькій Петръ Петровичъ, и въ особенности, когда со смертью послѣдняго вопросъ о преемникѣ Петра остался совершенно открытымъ.

О злоупотребленіяхъ Меншикова, о его лихоимствѣ писали очень много. Это такіе-же общеизвѣстные факты его біографіи, какъ его низкое происхожденіе и печальный конецъ, выставляемый обыкновенно, какъ „достойный плодъ его злонравія“. Но одними голыми фактами нельзя довольствоваться при произнесеніи приговора. Въ примѣненіи къ историческому лицу, необходимо еще обратить вниманіе на нравы всей эпохи, необходимо выяснить, въ какой степени при данномъ и безспорно предосудительномъ образѣ дѣйствій велико было его уклоненіе отъ того общаго уровня нравственности, какой существовалъ въ современномъ ему обществѣ.

Всякому, болѣе или менѣе знакомому съ Петровской эпохой, извѣстно, что взяточничество и казнокрадство были однимъ изъ

тѣхъ золъ, съ которыми Преобразователь боролся всю жизнь и—боролся безуспѣшно. Всѣ строгости его оказались безсильными искоренить эту глубокую застарѣлую язву стараго русскаго общества, которому понятія о служеніи государству, о благѣ цѣлаго были почти совершенно чужды. На государственныя должности смотрѣли лишь, какъ на источники доходовъ, какъ на средство увеличить благосостояніе своего семейства и своей родни. На воеводства прямо просились для того, чтобы кормиться, и надо было, чтобы это „кормленіе“ приняло ужъ очень грандіозный и беззастѣнчивый характеръ, чтобы вызвать вмѣшательство и кару правительства. Петръ съ его уже современными понятіями о государствѣ, о государственномъ служеніи, хотѣлъ сразу искоренить это застарѣлое зло. Съ свойственною ему энергіей и безпощадностью онъ сталъ преслѣдовать хищническія наклонности правительственныхъ лицъ, преобразовалъ всѣ органы правленія, весь государственный строй. Но людей нельзя перевоспитать нравственно такъ-же быстро, какъ измѣнить ихъ внѣшность. Всѣ пытки Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, мучительныя казни, шпіонство, поощреніе доносничества наградами не могли привить тогдашнему обществу ни гражданскаго мужества, ни чувства долга. Люди оставались все тѣми-же и вносили въ новыя формы старый духъ. Новые магистраты такъ-же кривили совѣстью, какъ и прежніе приказы; новые коменданты грабили не хуже, чѣмъ старые воеводы; приставленные-же для наблюденія за ними фискалы доносили только на тѣхъ, съ которыми не ладили, а плутни и насилія своихъ пріятелей прикрывали и даже сами участвовали въ ихъ беззаконіяхъ. Интересенъ слѣдующій анекдотъ, сообщаемый первымъ біографомъ Петра, Голиковымъ, со словъ самого Ягужинскаго. Петръ, слушая однажды въ сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: „Напиши указъ, что если кто-нибудь украдетъ настолько, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“.—Государь, отвѣчалъ Ягужинскій, неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой.

Быть можетъ, такого откровеннаго признанія и не было въ дѣйствительности, но анекдотъ этотъ во всякомъ случаѣ драгоцѣненъ, какъ выраженіе сознанія современниковъ о размѣрахъ зла. Брали взятки всѣ, кто только имѣлъ возможность. Къ концу царствованія Петра не было ни одного изъ крупныхъ сановниковъ, который не побывалъ-бы подъ слѣдствіемъ, не былъ-бы уличенъ во взяточниче-

ствѣ или слишкомъ безцеремоннымъ обращеніи съ казеннымъ добромъ. Оберъ-фискалъ Нестеровъ подвергся мучительной казни; одинъ изъ гуманнѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей того времени, сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ оказался виновнымъ въ неслыханныхъ грабительствахъ и публично казненъ. Даже такой человѣкъ, какъ Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, во многихъ случаяхъ являвшій примѣръ высокихъ гражданскихъ доблестей, не гнушался добровольныхъ приношеній просителей, даже ученый Брюсъ, повидимому имѣвшій только одну страсть—свою обсерваторію, былъ обвиняемъ въ злоупотребленіяхъ. Меншиковъ такимъ образомъ далеко не былъ исключеніемъ и если бралъ „больше и примѣтнѣе другихъ“, то лишь потому, что ему представлялось для этого больше случаевъ.

Читая о многочисленныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ цѣлью изобличеніе Меншикова, о томъ, что несмотря на всѣ принесенныя имъ повинныя за нимъ постоянно оказывались все новые и новые грѣхи, невольно задаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ, помимо всякихъ понятій о честности и долгѣ, этотъ безспорно умный и разсчетливый человѣкъ могъ въ такой степени рисковать своимъ блестящимъ, совершенно исключительнымъ положеніемъ изъ-за благъ, которыхъ и безъ того у него было много, какъ могъ онъ позволять себѣ такое безцеремонное присвоеніе казенныхъ денегъ (казнокрадство преслѣдовалось царемъ гораздо строже, чѣмъ взяточничество), зная очень хорошо, что за нимъ слѣдятъ зоркіе глаза враговъ, которые не замедлятъ воспользоваться всякой его оплошностью, зная наконецъ нравъ своего повелителя, который въ припадкѣ гнѣва могъ когда-нибудь забыть всѣ доводы разсудка и угостить его такимъ отеческимъ увѣщаніемъ, послѣ котораго ему волей-неволей пришлось-бы прекратить навсегда свои подвиги?

Повидимому, на этотъ вопросъ есть только одно удовлетворительное объясненіе—вліяніе господствующей страсти, заставляющей человѣка удовлетворять ее всѣми возможными способами, заглушающей въ немъ всѣ доводы разсудка, даже чувство самосохраненія. Но ближайшее знакомство съ эпохой и тутъ открываетъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Меншиковъ вовсе не былъ такимъ чудовищемъ алчности, какимъ его принято изображать, и что, по пословицѣ—l'occasion fait le voleur—часть его вины падаетъ на ту обстановку, въ которой онъ грѣшилъ.

Панегиристы Петра Великаго въ числѣ его добродѣтелей указываютъ между прочимъ на необыкновенную простоту его образа жизни и привычекъ. Это опять-таки фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Лично

на себя царь тратилъ очень мало, одѣвался чрезвычайно просто, носилъ платье и бѣлье, неоднократно заштопанныя руками его „сердечнаго друга Катеринушки“. Получая жалованье въ качествѣ морского или сухопутнаго офицера, онъ говорилъ: „Эти деньги собственно мои; я ихъ заслужилъ и могу употреблять по произволу, но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно; объ нихъ я долженъ отдать отчетъ Богу“. Прекрасныя слова; но при всей своей простотѣ Петръ былъ большой охотникъ попировать. Онъ любилъ всевозможныя празднества, сопровождавшіяся грандіозными выпивками, любилъ фейерверки, маскарады и другія увеселенія, отличавшіяся подчасъ разнузданностью фантазіи и грубымъ юморомъ. По поводу каждой даже самой незначительной побѣды шли нескончаемые пиры; праздновались годовщины старыхъ побѣдъ, спуски кораблей, дни рожденія и именины придворныхъ, свадьбы, похороны, крестины—все, что угодно. Читая о безчисленныхъ банкетахъ и попойкахъ того времени, продолжавшихся иногда по нѣсколько дней подъ-рядъ, только удивляешься, откуда у этихъ людей брались время и силы для того, чтобы справиться съ лежавшими на нихъ задачами... Какъ-бы то ни было, всѣ эти забавы стоили недешево. Иностранцы изумляются однимъ расходамъ на порохъ, такъ какъ малѣйшее торжество сопровождалось безконечной пальбой. Какъ-же согласить эти огромныя затраты, эти диковинныя затѣи (вродѣ появленія флота на улицахъ Москвы) съ извѣстными намъ скромными привычками Петра, съ его скупостью при израсходованіи казенныхъ суммъ, съ его личной безпритязательностью? А очень просто. Всѣ эти пиры и зрѣлища должны были устраивать его приближенные и чаще всѣхъ, разумѣется, свѣтлѣйшій князь. Всѣ торжественные пріемы пословъ, всѣ оффиціальные банкеты и т. п. происходили сначала въ его домѣ на Петербургской сторонѣ, получившемъ поэтому названіе Посольскаго, а потомъ въ его великолѣпныхъ палатахъ на Васильевскомъ островѣ, превосходившихъ въ нѣсколько разъ не только скромный „домикъ Петра Великаго“, но и большой царскій дворецъ въ Лѣтнемъ саду. Свадьба Анны Ивановны, поразившая всѣхъ приглашенныхъ своей роскошью, происходила, какъ мы видѣли, въ домѣ князя; у него-же праздновали свадьбу карловъ. Откуда-же было взять Меншикову денегъ на постройку этихъ палатъ, на содержаніе многочисленнаго штата прислуги, на покупку картинъ, золотой и серебряной посуды и проч.? Жалованье, получаемое имъ, какъ и всѣми сановниками, было незначительное; а доходы съ обширныхъ имѣній, какъ они ни были велики, не могли покрывать его расходовъ.

Мы уже говорили, что въ періодъ съ конца 1709 г. по 1711 г. у князя лично на свое содержаніе израсходовано было свыше 45 тыс. рублей, а для того, чтобы понять, какъ велика была по тому времени эта сумма, достаточно указать, что сумма всѣхъ государственныхъ доходовъ за 1710 г. равнялась 3,051,796 р. А между тѣмъ царь не только поощрялъ эту роскошь, но даже требовалъ ея отъ своего любимца. Бассевичъ разсказываетъ, что въ 1723 г., послѣ дѣла Шафирова, когда Меншиковъ долженъ былъ лишиться части своихъ Малороссійскихъ имѣній и заплатить 200 т. штрафа, царь, пріѣхавъ къ нему въ первый разъ послѣ немилости, увидѣлъ, что стѣны его дворца оклеены грубыми обоями. На вопросъ о причинахъ такой перемѣны, князь объяснилъ, что долженъ былъ продать свои великолѣпные обои, чтобы расплатиться съ казной. „Мнѣ здѣсь не нравится —замѣтилъ императоръ, строго взглянувъ на князя—и я уѣзжаю. Но я пріѣду на первую ассамблею, которая должна быть у тебя, и если я тогда не найду твой домъ убраннымъ такъ, какъ прилично твоему сану, ты заплатишь другой штрафъ, равный первому“. Онъ пріѣхалъ, нашелъ убранство, достойное князя Ижорскаго, похвалилъ все, не упомянувъ ни словомъ о прошломъ, и былъ все время въ отличнѣйшемъ настроеніи.

Фактъ этотъ самъ по себѣ достаточно краснорѣчивъ. Удивительно-ли послѣ всего сказаннаго и принимая во вниманіе общій уровень нравственности тогдашняго общества, что князь считалъ себя нѣкоторымъ образомъ даже вправѣ покупать на казенныя деньги мебель для своего дворца, содержать на казенный счетъ прислугу, лошадей и т. д., а это было однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ, по которымъ онъ долженъ былъ отвѣчать передъ судомъ.

У Голикова приводится много интересныхъ данныхъ о дѣйствіяхъ слѣдственныхъ комиссій, особенно по отношенію къ Меншикову. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно остановиться на нихъ; замѣтимъ только, что князь самъ объяснялъ свои хищенія непосильными затратами „ради царскаго интереса и чести“, и что Петръ, просмотрѣвъ представляемые имъ счеты и оправдательные документы, во многихъ случаяхъ признавалъ его претензіи къ казнѣ основательными и приказывалъ счесть изъ взыскиваемыхъ денегъ большія суммы. Такъ, въ 1716 г. Меншиковъ, видя, что комиссія Долгорукаго все болѣе и болѣе раскрываетъ его злоупотребленія, рѣшился принести повинную и написалъ Петру письмо, въ которомъ перечислялъ всѣ подарки, полученные имъ отъ разныхъ лицъ, отъ городовъ въ Помераніи и т. д... „И хотя оные презенты сочиняютъ сумму немалую,

но за расходами моими, которые употреблялъ я ради Вашего интереса и ради чести Вашей на содержаніе моего дому, и въ презенты и на дачу шпіонамъ и на пропитаніе больныхъ и раненыхъ драгунъ и солдатъ, едва что осталось".—„Изъ канцелярій моихъ на Москвѣ и въ походахъ, такожъ и изъ сей губерніи на мои собственныя нужды держаны деньги изъ Вашей казны,—признается онъ въ другомъ мѣстѣ—правда же, что и мои собственныя деньги въ канцеляріи браны и особливо на ваши расходы держаны"... Напримѣръ, во время войны онъ давалъ свои деньги на подкупъ иностранныхъ министровъ, ссужалъ большими суммами Августа, ссужалъ другія вѣдомства. Въ концѣ-концовъ, Меншиковъ конечно не оставался въ накладѣ и вознаграждалъ себя съ лихвой, но при такой страшной запутанности счетовъ неудивительно, что корыстолюбивый отъ природы князь то и дѣло поддавался соблазну и присвоивалъ себѣ все, что плохо лежало.

ГЛАВА V.

Дѣло царевича Алексѣя.—Роль Меншикова въ этомъ дѣлѣ.—Столкновеніе съ Шафировымъ.—Отнятіе у Меншикова военной коллегіи.—Смерть Петра Великаго и ея значеніе для Меншикова.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Дѣятельность Меншикова и его партіи.—Вступленіе на престолъ Екатерины.

Біографія Меншикова такъ близко соприкасается и даже переплетается съ біографіей Петра Великаго, что намъ нельзя не остановиться тутъ на одномъ эпизодѣ, который главнымъ образомъ конечно относится къ послѣдней, но въ которомъ и Меншиковъ игралъ нѣкоторую, хотя—прибавимъ тутъ-же—сильно преувеличиваемую роль. Мы говоримъ о дѣлѣ царевича Алексѣя.

Для государя, подобно Петру, посвятившаго всѣ свои силы служенію извѣстной идеѣ, вопросъ о томъ, способенъ-ли его предполагаемый преемникъ продолжать начатое имъ дѣло, долженъ былъ имѣть первенствующее значеніе. А между тѣмъ постепенно выяснилось, что этотъ преемникъ не только не обладаетъ желательными способностями, но и совершенно не сочувствуетъ самому дѣлу и при первой возможности не преминетъ разрушить все то, что было до-

стигнуто его предшественникомъ цѣною такихъ страшныхъ трудовъ и жертвъ. Неудавшійся сынъ грозилъ свести къ нулю всѣ результаты блестящей и безпримѣрной дѣятельности отца.

И для Меншикова вопросъ о направленіи будущаго императора былъ вопросомъ глубокой важности, вопросомъ жизни или смерти, по крайней мѣрѣ, политической. Мы уже неоднократно указывали, какъ тѣсно связана была участь любимца съ участью Петра, съ его направленіемъ. Внѣ этого направленія, съ которымъ онъ сроднился, которому оказалъ столько услугъ, первенствующая роль этого безроднаго выскочки становилась немыслимой. Мало того, въ виду общей ненависти къ временщику, самая жизнь его съ перемѣной царствованія висѣла на волоскѣ...

И вотъ человѣкъ, существованіе котораго грозило опасностью реформамъ Петра, положенію и можетъ-быть самой жизни его фаворита, устраненъ... Несчастный царевичъ, выманенный изъ своего безопаснаго убѣжища заграницей, обнадеженный обѣщаніями полнаго прощенія, умираетъ послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора, умираетъ жертвой варварскихъ допросовъ и истязаній... Является вопросъ—какую роль игралъ Меншиковъ во всемъ этомъ дѣлѣ, въ которомъ былъ такъ сильно заинтересованъ?

Что гибель царевича была на руку князю, что онъ не пытался поколебать въ Петрѣ его страшную рѣшимость пожертвовать роднымъ сыномъ интересамъ государства, что онъ съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ кто-либо другой изъ участниковъ комиссіи, подписалъ свое имя подъ смертнымъ приговоромъ—все это ясно само собой, вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Но писатели, благоговѣющіе передъ памятью Петра Великаго и стремящіеся снять съ него хоть часть отвѣтственности за это кровавое, возмущающее человѣческую натуру дѣло, стараются свалить ее на Меншикова, выставляя его (и отчасти Екатерину) главнымъ виновникомъ антагонизма между отцомъ и сыномъ, долго и систематически подготовлявшимъ послѣднюю трагическую развязку. Таково главнымъ образомъ мнѣніе Погодина, въ свое время написавшаго цѣлый обвинительный актъ противъ Меншикова и Екатерины. Но всѣ эти обвиненія не имѣютъ никакой фактической подкладки и основаны на однихъ лишь соображеніяхъ психологическаго характера, противъ которыхъ можно выставить цѣлый рядъ другихъ соображеній, на нашъ взглядъ, болѣе основательныхъ.

Мы упомянули вскользь, что въ 1703 г. Меншиковъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ царевича, а наставникомъ его баронъ

Гюйсенъ, весьма образованный нѣмецъ *). Алексѣю въ то время шелъ 12-й годъ. Воспитаніе его было уже довольно запущено. Первые его учителя и воспитатели изъ русскихъ были люди малообразованные, нерасположенные къ новымъ порядкамъ; нѣмецъ Нейгебауеръ, приставленный къ нему въ 1701 г., также оказался плохимъ руководителемъ; будучи неуживчиваго нрава, онъ вѣчно ссорился съ русскими учителями, сторону которыхъ принялъ Меншиковъ, и вслѣдствіе этого былъ удаленъ. Царевичъ подъ вліяніемъ родственниковъ матери успѣлъ уже проникнуться нелюбовью къ иноземцамъ и всему новому. Но все это, при юности Алексѣя, было еще поправимо. Баронъ Гюйсенъ слылъ человѣкомъ высокаго образованія; программа воспитанія царевича, представленная имъ на одобреніе Петра, была составлена прекрасно; Алексѣй, повидимому, сталъ дѣлать большіе успѣхи. Но—къ несчастью для послѣдняго—въ началѣ 1705 г. Гюйсенъ былъ вдругъ отправленъ заграницу съ разными дипломатическими порученіями и вернулся только черезъ 4 года. Царевичъ долгое время жилъ въ Преображенскомъ, почти ничего не дѣлалъ и окончательно подпалъ прежнимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ.

Громадная, роковая ошибка, имѣвшая самыя печальныя послѣдствія! Но дѣйствительно-ли только ошибка? Не было-ли это удаленіе отъ царевича нужнаго человѣка въ самое важное для воспитанія время сознательнымъ шагомъ, началомъ сложной интриги, закончившейся въ 1718 г. въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа? Порученія, данныя Гюйсену, врядъ-ли были такой первостепенной важности и невозложимы ни на кого другого. Какимъ-же образомъ царь могъ пожертвовать ради нихъ такимъ важнымъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе дѣломъ, какъ воспитаніе наслѣдника престола? Не были-ли тутъ замѣшаны интересы другихъ лицъ и не ихъ-ли вліянію слѣдуетъ приписать эту странную оплошность царя?

Таковы соображенія, изъ которыхъ исходитъ Погодинъ и на основаніи которыхъ онъ считаетъ возможнымъ обвинить Меншикова. По его мнѣнію, послѣдній-то и далъ Петру злоумышленный совѣтъ отправить Гюйсена въ чужіе края. Уже въ то время у фаворита будто-бы было тайное намѣреніе пріучить царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери,—и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ. Это, по словамъ Погодина,

*) О назначеніи Меншикова гофмейстеромъ просилъ самъ Гюйсенъ.

доказывается и жалобами царевича, говорившаго при вѣнскомъ дворѣ, что Меншиковъ пріучалъ его къ пьянству, дурно обращался съ нимъ. „Я никогда не оскорблялъ отца, говорилъ между прочимъ Алексѣй, если-же имѣю немного ума, то это происходитъ отъ Бога и отъ Меншикова, который далъ мнѣ дурное воспитаніе, всегда меня утѣснялъ, не заставлялъ учиться и отъ юности окружилъ дурными людьми и дураками". Жаловался царевичъ и на Екатерину, обвиняя ее въ томъ, что она изъ ненасытнаго честолюбія возстановляла противъ него царя, а между тѣмъ сохранились письма, въ которыхъ онъ благодаритъ ее за неоднократное заступничество передъ отцомъ.

И такъ, по мнѣнію Погодина, у Меншикова еще въ началѣ 1705 г. былъ составленъ тщательно обдуманный планъ, клонившійся къ устраненію царевича отъ престола. Но спрашивается, что именно могло побудить Меншикова къ составленію такого плана, въ чью пользу онъ начиналъ эту опасную интригу, конецъ которой такъ трудно было предвидѣть? Въ пользу Екатерины? Но она еще такъ недавно сошлась съ Петромъ и надо было обладать сверхъ-человѣческой прозорливостью, чтобы предвидѣть въ 1705 г. бракъ русскаго царя на плѣнной иноземкѣ. Напротивъ, всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ былъ на мѣстѣ Меншикова стараться воспитать будущаго царя въ духѣ новыхъ идей, сдѣлать изъ него человѣка, сочувствующаго стремленіямъ отца, смотрящаго его глазами на его друзей и помощниковъ. Если-же на самомъ дѣлѣ Меншиковъ въ качествѣ оберъ-гофмейстера ничего не сдѣлалъ для того, чтобы удалить царевича отъ вредныхъ вліяній, то это было вызвано тѣми-же причинами, по которымъ и Петръ такъ долго не обращалъ вниманія на воспитаніе сына: ему просто было некогда. Ужъ если постоянные разъѣзды и заботы о государственныхъ дѣлахъ мѣшали отцу слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ Преображенскомъ, то Меншикову, занятому сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе было не до того: гдѣ тутъ думать о воспитаніи будущаго властелина, когда приходится вѣчно смотрѣть въ оба, напрягать всѣ усилія, чтобы угодить настоящему? Удаленіе Гюйсена было несомнѣнно громадной ошибкой, но видѣть въ этомъ обстоятельствѣ начало тонко разсчитанной макіавелевской интриги царскаго фаворита рѣшительно нѣтъ никакого основанія.

То же можно сказать и о другихъ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ князя—именно, о его грубомъ обращеніи съ царевичемъ, о томъ, что онъ намѣренно пріучалъ послѣдняго къ пьянству. Первое основано на сообщеніи цесарскаго посла Плейера, что Меншп-

ковъ дралъ царевича за волосы. Но грубыя физическія наказанія принадлежали вообще къ воспитательнымъ пріемамъ того времени. Такія-же исправительныя мѣры практиковалъ и Петръ по отношенію къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ. Еще менѣе основательно обвиненіе въ томъ, что Меншиковъ *намѣренно* пріучалъ царевича къ пьянству—уже по одному тому, что напиваться при всякой возможности безъ мѣры, до полнаго безчувствія, вовсе не считалось предосудительнымъ. Это было обычное развлеченіе того времени, обычный отдыхъ послѣ трудовъ. Ни Петру, ни его сподвижникамъ частыя и грандіозныя попойки—конечно, благодаря ихъ несокрушимому здоровью—ничуть не мѣшали заниматься дѣломъ. И юный царевичъ, собравъ около себя кружокъ друзей, съ которыми предавался пьянству, только подражалъ этимъ примѣру своего отца съ его всепьянѣйшимъ соборомъ.

Что Меншиковъ въ первое время не питалъ никакихъ злокозненныхъ замысловъ противъ царевича, не сѣялъ раздора между нимъ и отцомъ, можно видѣть и изъ того, что Петръ до смерти кронпринцессы Шарлотты былъ сравнительно доволенъ сыномъ, бралъ его съ собой въ походы, поручалъ ему разныя дѣла. Самый бракъ его съ этой принцессой, устроенный клевретомъ князя, барономъ Гюйсеномъ, говоритъ въ пользу Меншикова. Еслибы у послѣдняго, находившагося тогда (царевичъ женился въ 1711 г., а помолвка состоялась годомъ раньше) въ апогеѣ своего могущества, дѣйствительно было тайное намѣреніе отстранить Алексѣя и его потомство отъ престолонаслѣдія въ пользу дѣтей Екатерины, то онъ конечно воспользовался-бы своимъ вліяніемъ на царя и не допустилъ-бы этого брака съ сестрой германскаго императора, упрочивавшаго положеніе царевича.

Другое дѣло потомъ, когда послѣдствія небрежнаго воспитанія стали бросаться въ глаза, когда царь мало по малу и самъ пришелъ къ печальному убѣжденію, что его преемникъ не пойдетъ по его стопамъ. У такого человѣка, какъ Петръ, не привыкшаго останавливаться передъ какими-бы то ни было препятствіями, подобное сознаніе должно было рано или поздно, послѣ болѣе или менѣе тяжелой внутренней борьбы, привести къ сознательному и несокрушимому рѣшенію устранить сына. Тѣмъ легче было придти къ той-же мысли человѣку постороннему. Понятно, что Меншиковъ не сталъ отклонять царя отъ принятаго имъ рѣшенія; по всей вѣроятности, онъ даже дѣлалъ все возможное, чтобы утвердить его въ этомъ рѣшеніи. Но при тогдашнемъ положеніи князя, далеко уже не поль-

зовавшагося прежнимъ вліяніемъ и довѣріемъ, при самой щекотливости этого дѣла, его участіе въ послѣднихъ событіяхъ врядъ-ли было особенно активное. Какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, „постороннимъ людямъ, которымъ выгодно было отстраненіе Алексѣя, ненужно и опасно было пытаться укрѣплять эту мысль, ибо укрѣпленіе шло необходимо, само собой; надобно было только оставить дѣло его естественному теченію, вмѣшательствомъ можно было только повредить себѣ, ибо Петръ, по своей проницательности, могъ сейчасъ угадать, что другіе дѣлаютъ тутъ свое дѣло. Если мачиха считала выгоднымъ для себя отстраненіе пасынка, то она должна была всего болѣе стараться скрывать свои чувства и желанія предъ мужемъ и другими“... Соловьевъ высказываетъ эти соображенія по отношенію къ Екатеринѣ, но они въ такой-же точно степени примѣнимы и къ Меншикову.

Какъ бы то ни было, смерть царевича избавила князя отъ большой заботы. Отношенія его къ царю также улучшились. Въ 1719 г. онъ былъ назначенъ президентомъ новоучрежденной военной коллегіи съ чиномъ контръ-адмирала бѣлаго флага. Правда, тутъ же была назначена новая коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій его, Апраксина и Долгорукова. Сенатъ, пользуясь отсутствіемъ государя, повелѣлъ, чтобы князь и Апраксинъ отдали свои шпаги и ждали дальнѣйшихъ приказаній. Но дѣло по обыкновенію кончилось только штрафомъ (въ 100 тысячъ рублей). Любопытно, что въ то самое время, когда Меншикова хотѣли посадить подъ стражу (его спасло только ходатайство Екатерины, просившей сенатъ дождаться пріѣзда государя), самъ Петръ, посѣтивъ устроенные Меншиковымъ Петровскіе заводы и найдя ихъ въ образцовомъ порядкѣ, написалъ князю самое задушевное благодарственное письмо.

Такъ-же мало послѣдствій имѣло для него знаменитое Почепское дѣло, по поводу котораго ему пришлось столкнуться съ другимъ заслуженнымъ дѣятелемъ того времени — вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ, подобно ему человѣкомъ худороднымъ, взятымъ Петромъ съ улицы. Сущность дѣла въ немногихъ словахъ такова: когда послѣ полтавской побѣды новому атаману Скоропадскому предстала необходимость одарить сподвижниковъ Петра за труды, понесенные ими при изгнаніи шведовъ изъ Малороссіи, то наиболѣе цѣнный подарокъ конечно получилъ Меншиковъ, какъ наиболѣе отличившійся въ Мазепинскомъ дѣлѣ взятіемъ Батурина. Ему были отданы двѣ гетманскія волости —Почепская и Ямпольская со всѣми принадлежащими къ нимъ крестьянскими поселеніями. Но князь этимъ не удовлетворился и сталъ

настаивать у Скоропадскаго, чтобы ему отданы были и казаки всей сотни. Удовлетворить эту просьбу значило стать въ противорѣчіе со всѣмъ складомъ народныхъ понятій, по которымъ казакъ былъ синонимомъ свободнаго человѣка, обязаннаго нести только военную службу. И тѣмъ не менѣе гетману пришлось исполнить и эту просьбу всесильнаго князя. Спустя нѣсколько времени новыя требованія со стороны послѣдняго — отдай ему и смежную съ Почепской Храповскую волость: дали ему и Храповскую. Но и этого оказалось Меншикову мало; захотѣлось ему спрямить границы Почепской волости, и онъ проситъ Скоропадскаго смѣнить ему нѣкоторыя почепскія земли на сосѣднія стародубскія, чтобы сдѣлать свою волость круглѣе. Но комиссары князя, вмѣсто замѣны, только прирѣзывали себѣ большія угодья и наносили обиды обывателямъ смежныхъ сотенъ. Одолѣваемый жалобами стародубцевъ, гетманъ принужденъ былъ наконецъ и самъ пожаловаться на князя въ Петербургъ. Петръ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что велѣлъ отдать Меншикову только то, что подарено ему было гетманомъ послѣ Полтавской битвы, и послать комиссаровъ для новаго обмежеванія земель. Но тутъ со стороны чиновниковъ, подкупленныхъ Меншиковымъ, пошли новыя неправильности и притѣсненія для жителей. Въ сенатѣ сторону князя держалъ оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ, а противъ него выступилъ Шафировъ. Послѣднему удалось одержать верхъ. Но при тогдашней общей легкой нравственности въ служебныхъ отношеніяхъ Шафировъ скоро самъ далъ оружіе въ руки врагамъ. Онъ позволилъ себѣ употребить свое сенаторское вліяніе для того, чтобы брату его было выдано лишнее жалованье при переходѣ изъ одной службы въ другую. Въ другое время дѣло могло-бы легко сойти съ рукъ. Но теперь Скорняковъ-Писаревъ конечно не замедлилъ воспользоваться его промахомъ и протестовалъ противъ незаконности дѣла. Въ довершеніе всего, Шафировъ, человѣкъ вспыльчивый и невоздержный на языкъ, скоро сдѣлалъ новый, еще болѣе крупный промахъ. Въ сенатѣ слушалось дѣло о почтѣ, которая находилась подъ его вѣдѣніемъ. По указу, когда разбиралось дѣло, касавшееся кого-нибудь изъ сенаторовъ, тотъ долженъ былъ на это время выйти изъ сената. Но Шафировъ, зная, что остаются его враги, не захотѣлъ выйти. Это подало поводъ къ самой неприличной и пошлой перебранкѣ между нимъ, Меншиковымъ и другими сенаторами, а по возвращеніи Петра, находившагося въ это время въ персидскомъ походѣ, Шафировъ былъ преданъ суду за ослушаніе царскаго указа, за выдачу лишняго жалованья брату и за трату государевыхъ денегъ на свои расходы во время поѣздки во Францію. Судъ приговорилъ его

къ смертной казни. Правда, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ послѣднюю минуту, когда надъ головой несчастнаго уже взвился топоръ, Петръ, изъ уваженія къ его прежнимъ заслугамъ, помиловалъ его, замѣнивъ казнь ссылкой. Но Меншиковъ, несмотря на доказанныя злоупотребленія его по Почепскому дѣлу, опять вышелъ сухимъ изъ воды. Онъ принесъ повинную, Екатерина по обыкновенію замолвила за него словечко, и Петръ простилъ его, хотя и сказалъ при этомъ женѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, въ грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы“. Но тутъ какъ разъ Данилычъ заболѣлъ, и царь не утерпѣлъ и написалъ ему ласковое письмо, какъ ни въ чемъ не бывало.

Однако въ послѣдній годъ царствованія Петра положеніе князя серьезно пошатнулось. Вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій въ военной коллегіи, Петръ отнялъ у него президентство и передалъ его другому. Это было особенно чувствительное наказаніе для самолюбиваго князя, который до сихъ поръ еще ни разу не былъ лишенъ ни одной изъ своихъ многочисленныхъ должностей. А тутъ и надъ его союзницей Екатериной, недавно только коронованной императрицей, стряслась бѣда. Послѣ извѣстной Монсовой исторіи, въ отношеніяхъ супруговъ стало замѣтно сильное охлажденіе. Вообще, императоръ, подъ вліяніемъ ухудшающагося здоровья и разочарованій во всѣхъ окружающихъ, сталъ необыкновенно раздражителенъ и, повидимому, не намѣренъ былъ болѣе щадить никого. При первомъ новомъ проступкѣ, князю бы навѣрно уже не сдобровать.

И вотъ, въ то самое время, когда долготерпѣніе императора истощилось, и черныя тучи, до сихъ поръ проносившіяся мимо баловня счастья, того и гляди должны были разразиться страшной грозой, Петръ, давно уже прихварывавшій, опасно заболѣваетъ и въ ночь съ 27 на 28 января (1725 г.) умираетъ.

* * *

Императора не стало. Великій Преобразователь Россіи, пожертвовавшій сыномъ для того, чтобы обезпечить судьбу своихъ реформъ, издавшій съ этою-же цѣлью законъ, уничтожавшій прежній порядокъ престолонаслѣдія и предоставлявшій каждому монарху право назначать себѣ преемника по собственному выбору, умеръ, не успѣвъ воспользоваться этимъ правомъ. Новая страшная опасность для Меншикова. Въ глазахъ народа единственный законный наслѣдникъ престола

былъ сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, малолѣтній Петръ Алексѣевичъ. Но допустить избраніе послѣдняго значило передать власть въ руки прежнихъ приверженцевъ Алексѣя, партіи родовитыхъ вельможъ съ Голицыными и Долгорукими во главѣ, не столько ненавидѣвшихъ реформы Петра, сколько вызванную послѣдними на сцену толпу выскочекъ и во главѣ ихъ Меншикова. Всемогущему до сихъ поръ временщику такой оборотъ дѣла грозилъ прямой неминуемой гибелью, и понятно, что вся его энергія, вся изворотливость его ума должны были обратиться на то, чтобы доставить престолъ другому претенденту—Екатеринѣ, недавно только коронованной императоромъ и этимъ какъ-бы косвеннымъ образомъ предназначенной имъ своей преемницей. правда, при дворѣ всѣмъ было извѣстно, что если у императора и было подобное намѣреніе, то послѣ Монсовой исторіи онъ во всякомъ случаѣ перемѣнилъ его, такъ какъ Екатерина находилась въ явной немилости; правда, ея не любили въ народѣ, какъ иноземку, да и самое возведеніе на престолъ женщины было явленіемъ небывалымъ на Руси. Но для Екатерины, какъ и для Меншикова, не было другого выхода—она должна была искать короны, не только изъ честолюбія, но и по чувству самосохраненія, потому что—одолѣй противная партія—ее и ея дочерей постигла-бы участь первой жены Петра: заточеніе въ монастырь. Въ этомъ отношеніи Меншиковъ не былъ одинъ, и хотя партія великаго князя и при дворѣ была болѣе многочисленна, насчитывая въ своей средѣ всѣхъ родовитыхъ людей, но зато партія Екатерины была лучше представлена качественно. На ея сторонѣ были всѣ, имѣвшіе личныя причины опасаться восшествія на престолъ сына Алексѣева. Таковы были Толстой, главный виновникъ несчастія царевича, таковы были всѣ новые худородные люди, всѣ выскочки, которымъ грозило возвращеніе къ прежней безвѣстности: Ягужинскій, Макаровъ, Девьеръ и др.; такова была партія герцога Гольштинскаго, нареченнаго жениха Анны Петровны, во главѣ которой стоялъ хитрый, изворотливый министръ герцога, Бассевичъ. Наконецъ, къ приверженцамъ Екатерины должно было принадлежать большинство членовъ синода, учрежденія, вызваннаго къ жизни Преобразователемъ, и въ особенности знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, подписавшій смертный приговоръ Алексѣю. Все это были люди способные, энергичные, недаромъ выдвинутые Петромъ и къ тому же воодушевленные сознаніемъ грозящей имъ опасности, тогда какъ представители противной партіи были люди не только менѣе способные, но и менѣе заинтересованные въ успѣхѣ: въ случаѣ неудачи имъ не грозила такая опасность, какая грозила главнымъ сторонникамъ Екатерины.

Таковы были двѣ партіи, существовавшія при дворѣ въ моментъ смерти Петра. Смерть эта была такъ неожиданна для всѣхъ, что никто не успѣлъ надлежащимъ образомъ приготовиться къ ней. О какихъ-либо мѣрахъ для обезпеченія великаго князя мы ничего не знаемъ. Приверженцы его, вѣроятно, надѣялись, что достаточно исчезнуть Петру и оказанному имъ давленію, чтобы естественныя симпатіи большинства вышли наружу и вызвали реакцію противъ его системы и особенно противъ иноземцевъ. Даже когда болѣзнь императора приняла безнадежный характеръ, они не рѣшались принять какія-нибудь серьезныя мѣры изъ страха, что Петръ можетъ все-таки оправиться. Гораздо выгоднѣе было положеніе Меншикова и его товарищей. На ихъ сторонѣ была сила, они занимали важнѣйшія мѣста въ государствѣ и могли дѣйствовать безъ опасеній. И дѣйствительно, въ послѣдніе дни Меншиковъ, въ сообществѣ Бассевича и Толстого, обнаруживаетъ кипучую дѣятельность. Гарнизонъ и войска, не получавшія жалованья за 16 мѣсяцевъ, были удовлетворены; казна отправлена въ крѣпость, комендантъ которой былъ креатурой князя; разосланы указы, чтобы войска, находившіяся на работахъ, возвратились къ своимъ полкамъ, подъ предлогомъ, чтобы они могли молиться за императора; въ столицѣ стража удвоена на всѣхъ постахъ и отряды пѣхоты двигались по улицамъ для предупрежденія волненія. Въ то же время старшіе офицеры обоихъ гвардейскихъ полковъ (изъ которыхъ шефомъ одного былъ самъ Меншиковъ, а другого генералъ Бутурлинъ, принадлежавшій къ той же партіи), любившихъ императора до обожанія и переносившихъ и на его супругу часть этой привязанности, и многія другія вліятельныя свѣтскія и духовныя лица были приглашены явиться во дворецъ въ ночь съ 27 на 28, чтобы сообщить имъ планъ о возведеніи на престолъ Екатерины. Послѣдняя сама вышла къ нимъ, оторвавшись отъ смертнаго одра умирающаго императора, и со слезами на глазахъ заговорила о правахъ, данныхъ ей коронованіемъ, о несчастіяхъ, могущихъ обрушиться на монархію подъ управленіемъ ребенка, увѣряя при этомъ, что не только не думаетъ лишить великаго князя короны, но сохранитъ ее для него и возвратитъ, когда небу угодно будетъ соединить ее съ супругомъ. При этомъ не были забыты обѣщанія повышеній и наградъ, а для желающихъ воспользоваться ими тотчасъ-же приготовлены векселя, драгоцѣнныя вещи и деньги. Такіе вѣскіе аргументы подѣйствовали, и всѣ клятвенно обѣщали поддержать ея права на престолъ. Послѣ этого Меншиковъ, Бассевичъ и кабинетъ-секретарь Макаровъ совѣщались еще съ часъ о томъ, что остается дѣлать. Рѣшено было не прибѣ-

гать къ насилію, а оказать только нравственное давленіе на противниковъ, чтобы избраніе императрицы имѣло характеръ свободнаго рѣшенія. Разсчитывали, что одно присутствіе войска подѣйствуетъ на собраніе устрашающимъ образомъ.

Въ ту-же ночь, въ шестомъ часу утра, императоръ скончался. Сенаторы, генералы, придворные, немедленно извѣщенные объ этомъ оставленными во дворцѣ служителями, поспѣшили собраться въ одной изъ комнатъ дворца для совѣщанія. Они входили смущенные, озабоченные, но видя, что большинство ихъ принадлежитъ къ одной партіи—къ партіи великаго князя — видимо ободрились, и лица ихъ приняли торжествующее выраженіе. Зато небольшая кучка сторонниковъ Екатерины казалась подавленной. Но вотъ дверь въ боковую комнату отворяется, и изъ нея выходитъ Бассевичъ. Не смущаясь недружелюбными взглядами вельможъ, онъ подходитъ къ Ягужинскому и сообщаетъ ему вполголоса, что важнѣйшіе сановники государства уже присягнули Екатеринѣ, что гвардія на ея сторонѣ, а государственная казна въ ея рукахъ. Просіявшій Ягужинскій спѣшитъ передать это своему тестю графу Головкину; тотъ шепнулъ другому, и въ нѣсколько минутъ извѣстіе это облетаетъ всю залу. Тогда Бассевичъ, замѣтивъ произведенное впечатлѣніе, подходитъ къ окну и дѣлаетъ какой-то знакъ головой—это условленный сигналъ, на который немедленно отвѣчаетъ барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ. „Что это значитъ? — восклицаетъ князь Рѣпнинъ, президентъ военной коллегіи, — кто смѣлъ распорядиться войскомъ безъ моего вѣдома?“—Я, отвѣчаетъ Бутурлинъ, я сдѣлалъ это по волѣ императрицы, которой всякій подданный обязанъ повиноваться, не исключая и тебя!

Въ эту минуту съ гордо-снисходительнымъ видомъ выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ князь Меншиковъ, а вслѣдъ затѣмъ и императрица, поддерживаемая герцогомъ Гольштинскимъ. Отеревъ слезы и отвѣтивъ на безмолвные холодные поклоны присутствующихъ, она говоритъ собранію, что согласно волѣ покойнаго государя, возложившаго на нее корону, она готова посвятить всѣ свои силы тяжкому труду правленія и будетъ стараться воспитать великаго князя такъ, чтобы онъ сдѣлался достойнымъ того, кого теперь всѣ оплакиваютъ. На слова эти Меншиковъ отвѣчаетъ, что столь важное объявленіе требуетъ зрѣлаго обсужденія и проситъ позволенія удалиться для этого въ особую комнату.

Что было дальше—нетрудно себѣ представить. Запуганные сторонники великаго князя о немъ и не заговаривали болѣе. Кто-то

предложилъ назначить Екатерину только регентшей на время малолѣтства Петра Алексѣевича, но грозныя восклицанія офицеровъ гвардіи, также присутствовавшихъ въ залѣ, заставили отвергнуть это предложеніе. Тутъ выступилъ ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ и разсказалъ, что во время пребыванія двора въ Москвѣ, наканунѣ торжественной коронаціи Екатерины, императоръ съ нѣсколькими преданными ему слугами проводилъ вечеръ у одного англійскаго негоціанта и тамъ положительно выразилъ, что возлагаетъ корону на супругу съ тѣмъ, чтобы послѣдняя могла ему наслѣдовать. „Ссылаюсь въ этомъ, заключилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, на всѣхъ тогда присутствовавшихъ и между прочимъ на великаго канцлера Головкина". Смущенный Головкинъ отвѣтилъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ головы, а Меншиковъ поспѣшилъ воскликнуть: „Какого-же еще другого удостовѣренія намъ надо? Вотъ словесно выраженная воля и завѣщаніе нашего государя и благодѣтеля. Первѣйшіе сановники, свѣтскіе и духовные, засвидѣтельствовали намъ это. Можемъ-ли мы имъ не вѣрить?.. Вѣримъ вамъ, отцы и братья, и восклицаемъ: да здравствуетъ императрица Екатерина!" Недовольные, скрѣпя сердце, сдѣлали bonne mine au mauvais jeu и повторили его восклицаніе. Ливонская плѣнница взошла на престолъ Петра Великаго, и — звѣзда Меншикова, готовая было померкнуть, возсіяла ярче прежняго.

ГЛАВА VI.

Характеристика Екатерины. — Меншиковъ — фактическій преемникъ Петра Великаго. — Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Дѣятельность правительства при Екатеринѣ. — Курляндскій вопросъ. — Кандидатура Меншикова и его неудача. — Новый фазисъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. — Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра. — Борьба съ противниками. — Торжество Меншикова.

„Въ ночь на 28 генваря много было говорено въ пользу Екатерины, въ пользу ея мужества и способностей правительственныхъ, которыя были развиты подъ руководствомъ великаго человѣка, не имѣвшаго отъ нея тайнъ государственныхъ. Но, оставя въ сторонѣ желаніе сторонниковъ Екатерины превознести ея достоинства, мы должны замѣтить, что знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію,

пока не принимаютъ правленія. При Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницей; у нея доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманіе и сочувствіе къ происходившему около нея движенію; она была посвящена во всѣ тайны, тайны личныхъ отношеній окружающихъ людей. Ея положеніе, страхъ за будущее держали ея умственныя и нравственныя силы въ постоянномъ и сильномъ напряженіи. Но вьющееся растеніе достигало высоты, благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ—и слабое растеніе разостлалось по землѣ. Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями; но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, ни способности начинанія и направленія"...

Эта мастерская характеристика Екатерины, принадлежащая перу нашего знаменитаго историка Соловьева, сама собою опредѣляетъ положеніе, которое долженъ былъ занять Меншиковъ при новомъ правительствѣ. Подобная преемница Петра Великаго, вступившая на престолъ въ самую трудную пору для русскаго общества, понятно могла быть царицей только по имени; фактическимъ-же правителемъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться Меншиковъ, не только въ силу своего давнишняго вліянія на императрицу, не только въ награду за услуги, оказанныя при ея воцареніи, но и потому, что среди „птенцовъ Петровыхъ" не было никого, кто лучше его могъ-бы справиться съ его тяжелымъ наслѣдствомъ.

Прежде всего торжество свѣтлѣйшаго князя выразилось конечно возвращеніемъ всего того, что онъ утратилъ въ послѣднее время царствованія Петра Великаго. Онъ снова назначенъ президентомъ военной коллегіи; всѣ счетныя дѣла его съ казной уничтожены, а въ іюнѣ 1726 г. исполнено давнишнее его желаніе, въ которомъ ему отказывалъ покойный императоръ: ему пожалованъ Батуринъ съ 1300 дворовъ и 2000 дворовъ, принадлежавшихъ къ Гадяцкому замку. Меншикову при его характерѣ этого конечно было мало: онъ желалъ еще быть генералиссимусомъ, но въ этой просьбѣ даже Екатерина должна была отказать ему, изъ опасенія вызвать еще большее неудовольствіе враждебной партіи, не переставшей возмущаться подавляющимъ значеніемъ выскочки. Отчасти для успокоенія недовольныхъ и былъ учрежденъ въ 1726 г. Верховный Тайный Совѣтъ, гдѣ главные сановники назначены членами съ равнымъ значеніемъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, и гдѣ слѣ-

довательно никто не могъ провести ничего безъ общаго вѣдома и обсужденія. Но и въ этомъ новомъ учрежденіи Меншиковъ скоро сдѣлался полнымъ хозяиномъ. Дѣло въ томъ, что изъ остальныхъ членовъ только одинъ, именно князь Голицынъ, принадлежалъ къ старой знати и слѣдовательно не могъ составить ему серьезную оппозицію; другіе три—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ и графъ Толстой—всегда были его сторонниками и къ тому-же—особенно первые два—значительно уступали ему по уму и государственнымъ способностямъ; вице-канцлеръ Остерманъ—несомнѣнно умная и дѣльная голова, прекрасный дипломатъ и неутомимый работникъ—также не могъ быть опасенъ, какъ иностранецъ, какъ человѣкъ, не имѣвшій партіи и, повидимому, не добивавшійся исключительнаго господства. Оставался еще герцогъ гольштинскій, мужъ Анны Петровны, который скоро, къ великому неудовольствію князя, также занялъ мѣсто въ Верховномъ Совѣтѣ. Герцогъ, дѣйствительно, какъ членъ царскаго дома, оттѣснилъ Меншикова на второе мѣсто, но его вліяніе на дѣла, какъ иностранца, недавно только пріѣхавшаго въ Россію и къ тому-же не понимавшаго русскаго языка, было въ сущности незначительно, и даже при личныхъ столкновеніяхъ его съ княземъ, несмотря на расположеніе, которое Екатерина питала къ своему зятю, тотъ обыкновенно оставался побѣдителемъ.

И такъ, правленіе Екатерины было только по имени ея правленіемъ; настоящимъ правителемъ былъ Меншиковъ, правда правителемъ непопулярнымъ, принужденнымъ вѣчно быть на сторожѣ, бороться съ тайнымъ, а подчасъ и явнымъ противодѣйствіемъ враговъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже терпѣть пораженія. Но въ общемъ, по отзыву всѣхъ, его вліяніе, особенно въ дѣлахъ внутреннихъ, было безгранично. На обсужденіе совѣта поступали дѣла по его указанію и оканчивались такъ, какъ ему было угодно. Нерѣдко, чтобы предупредить всякое столкновеніе съ членами совѣта, онъ объявлялъ имъ прямо высочайшее повелѣніе, продиктованное имъ-же, такъ что, подводя итоги короткому царствованію Екатерины, мы этимъ самымъ характеризуемъ главнымъ образомъ государственную дѣятельность князя.

Въ чемъ-же выразилась эта дѣятельность?

Въ большинствѣ историческихъ трудовъ время, послѣдовавшее за кончиной Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, изображается, какъ время весьма непривлекательное, какъ время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ фаворитовъ.

По отношенію къ царствованію Екатерины I, мы считаемъ подобный взглядъ сильно преувеличеннымъ. Указываютъ, напримѣръ, на апатію и распущенность, смѣнившія при ней прежнюю напряженную государственную дѣятельность, на то, что Россія не пользовалась уже прежнимъ уваженіемъ среди европейскихъ державъ. Все это отчасти вѣрно, но иначе и быть не могло. Дѣйствительно, Петръ Великій своими побѣдами надъ величайшимъ полководцемъ того времени вознесъ Россію на небывалую высоту, доставилъ ей почетное мѣсто въ ряду другихъ государствъ. Но могла-ли она и послѣ Петра удержаться на прежней высотѣ? Вѣдь въ сущности Россія, государство бѣдное, необразованное, едва только вкусившее отъ европейской культуры, была несравненно болѣе обширна, чѣмъ дѣйствительно сильна; главный источникъ ея силы заключался въ геніи ея государя, и когда этого источника не стало, то и политическое ея значеніе должно было уменьшится. Но перемѣна все-же не была такъ значительна, какъ ожидали на западѣ, гдѣ всѣ были убѣждены, что со смертью преобразователя все введенное имъ будетъ уничтожено, и Россія станетъ опять прежней полуазіатской Московіей. Радость, съ которой была принята при многихъ иностранныхъ дворахъ вѣсть о кончинѣ великаго монарха, оказалась преждевременной. Ожидаемой смуты не произошло. Народъ, чувствуя, что власть находится въ твердыхъ рукахъ—рукахъ прежнихъ сподвижниковъ грознаго монарха, не воспользовался его смертью, чтобы вернуться къ старинѣ. Россія разъ навсегда вошла въ сонмъ европейскихъ государствъ, приняла участіе въ общеевропейской жизни и хотя утратила нѣкоторую долю своего недавняго престижа, но съ голосомъ ея уже нельзя было не считаться. Сохраненіе внутренняго спокойствія, особено важнаго при данныхъ обстоятельствахъ, путемъ твердости и разумныхъ уступокъ—вотъ первая заслуга новаго правительства съ Меншиковымъ во главѣ.

Дѣйствительно-ли въ государственной дѣятельности наступилъ застой? Мы этого не видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время. Конечно, прежней напряженной дѣятельности, проникавшей во всѣ даже отдаленнѣйшіе уголки государства, теперь не замѣчается. Но и это опять-таки было неизбѣжно. Не говоря уже о томъ, что такія геніальные правители, какъ Петръ Великій, представляютъ явленіе исключительное, но послѣ той лихорадочной дѣятельности, которой предавалась Россія втеченіе $^1/_4$ столѣтія, само собою должна была наступить нѣкоторая реакція. Какъ ни важна и благотворна была эта дѣятельность для будущихъ судебъ Россіи, но въ настоящемъ она обусловливала такія грустныя явленія, съ которыми и самому

Петру—оставайся онъ въ живыхъ—пришлось-бы теперь серьезно считаться. Чрезмѣрное напряженіе силъ, котораго требовалъ отъ своихъ подданныхъ Преобразователь, привело страну въ самое тяжкое экономическое положеніе. Ея политическое могущество создалось цѣною страшнаго обѣднѣнія. Безпрестанные наборы солдатъ, погибавшихъ массами въ походахъ, на работахъ при строеніи крѣпостей, при рытьѣ каналовъ, переселеніе десятковъ тысячъ семей на безплодное топкое побережье Финскаго залива, гдѣ люди умирали, какъ мухи, отъ прелестей климата и всякихъ лишеній, изъятіе всѣхъ выгодныхъ статей торговли изъ рукъ народа въ пользу казны, неслыханные налоги—все это породило такое всеобщее обѣднѣніе, что правительство еще за недѣлю до смерти Петра нашлось вынужденнымъ остановить на время сборъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей, кромѣ подушнаго. Крестьяне, разоренные до тла, бѣжали массами за рубежъ Польскій или „въ Башкиры“. Казна была пуста, а брать не съ кого. При такихъ условіяхъ какія-нибудь новыя дорого стоющія предпріятія, хотя-бы и самыя полезныя, были невозможны (до внѣшнихъ займовъ у насъ еще не додумались); приходилось расплачиваться по старымъ счетамъ, и нельзя не оцѣнить, что при этой расплатѣ ничего существеннаго изъ пріобрѣтеннаго въ прежнее царствованіе не было утеряно.

Прежде всего Россія, благодаря кучкѣ стоявшихъ во главѣ ея учениковъ Преобразователя, не сошла съ намѣченнаго имъ пути. Всѣ крупныя реформы, составляющія наиболѣе важную и никѣмъ неоспариваемую заслугу Петровскаго царствованія, удерживаются и при его преемницѣ.

На первомъ планѣ—созданное Петромъ новое на европейскій образецъ войско. Войско было необходимо для Россіи, какъ всегда, такъ особенно теперь, когда нужно было поддержать ея новое значеніе. Послѣ заключенія Ништадскаго мира Петръ говорилъ: „Должно всѣмъ силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой“. Завѣтъ Петра исполняется, войско составляетъ предметъ серьезныхъ попеченій правительства. Когда извѣстный Минихъ потребовалъ 15 тыс. солдатъ для окончанія Ладожскаго канала, Меншиковъ горячо возсталъ противъ этого предложенія, указывая на то, что войска погибаютъ на работахъ и что солдаты набираются съ такими издержками и заботами не для того, чтобы копать землю. Благодаря его настойчивости, предложеніе Миниха, поддерживаемое Толстымъ и Апраксинымъ, отвергнуто и рѣшено доканчивать каналъ одними вольными

людьми. Войско при Екатеринѣ находилось въ образцовомъ состояніи, и иностранныя правительства, хорошо освѣдомленныя объ этомъ черезъ своихъ представителей, поневолѣ должны были и теперь прислушиваться съ уваженіемъ къ голосу Россіи.

Побѣда, одержанная сторонниками Екатерины надъ партіей великаго князя, спасла и другое любимое дѣтище Петра—Петербургъ. Старорусская партія ненавидѣла этотъ городъ за неудобства его климата, за страшную дороговизну въ немъ всѣхъ припасовъ, которые надо было привозить издалека. Правда, отказаться отъ него, уйти въ Москву значило въ то время удалиться отъ Европы, пренебречь величайшимъ пріобрѣтеніемъ Петра—моремъ, новосозданнымъ флотомъ, новымъ значеніемъ Россіи, какъ европейской державы. Но вельможи не дорожили этими преимуществами и, какъ только Меншикова не стало, поспѣшили увезти молодого Петра II въ Москву.

И въ другихъ областяхъ продолжаются традиціи Петра Великаго. Исполнена его мысль объ учрежденіи Академіи Наукъ. Посылается въ Швецію Татищевъ для собиранія матеріаловъ по русской исторіи, Шафирову поручаютъ написать исторію Петра Великаго. Рѣшено продолжать составленіе Уложенія. Изъ коллегій и канцелярій велѣно доставлять въ типографію свѣдѣнія о „знатныхъ дѣлахъ, подлежащихъ къ вѣдѣнію народному“ и т. д.

Но еще болѣе важны заботы правительства о внутреннемъ устроеніи государства. Уже въ первыхъ засѣданіяхъ Совѣта обращено было вниманіе на экономическій кризисъ, переживаемый государствомъ; указано было на существовавшія повсюду злоупотребленія, на недостатокъ правосудія, на бѣдственное положеніе крестьянъ. Затѣмъ членамъ Совѣта поручено было составить предложенія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя увеличили-бы благосостояніе народа. Предложенія были внесены. Правда, они не заключали въ себѣ ничего выдающагося, и вообще дѣятельность Совѣта не привела ни къ какимъ радикальнымъ преобразованіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство даже отступило, съ цѣлью сокращенія расходовъ и уменьшенія волокиты, отъ программы Преобразователя, напр., оно уничтожило надворные суды и подчинило городскіе магистраты по старинному губернаторамъ и воеводамъ, чѣмъ уничтожались зачатки самоуправленія, даннаго Петромъ. Но отдѣльныя мѣры, принятыя для облегченія крестьянъ, нельзя не признать вполнѣ разумными и достигающими цѣли. Облегчены подушныя подати, измѣненъ порядокъ воинскаго постоя, крайне обременительный для населенія, отмѣнены многія стѣснительныя

для торговли постановленія, уничтожены откупа, сокращены штаты при канцеляріяхъ.

Такова въ общихъ чертахъ была дѣятельность правительства въ царствованіе Екатерины, и если припомнить, что царствованіе это продолжалось лишь съ небольшимъ два года, то нельзя не признать, что преемники Петра съ честью вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ преждевременная смерть этого колосса. Въ народѣ новыя распоряженія вызвали неописанную радость. Измученное населеніе вздохнуло свободно, и можно смѣло сказать, что короткое царствованіе Екатерины, хотя и не озаренное блескомъ побѣдъ надъ внѣшними врагами, не наполненное той кипучей дѣятельностью во всѣхъ уголкахъ государства, которая отличала славное царствованіе Петра, является все-таки полезнымъ этапомъ въ исторіи Россіи. Это былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ необходимый отдыхъ послѣ чрезмѣрныхъ, хотя и вызванныхъ необходимостью, требованій Петра Великаго и передъ жестокими безсмысленными вымогательствами Курляндскаго конюха—Бирона.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти труды и попытки, болѣе или менѣе удачныя, къ рѣшенію настоятельныхъ вопросовъ, поднимавшихся со всѣхъ сторонъ по смерти Преобразователя, заняли только первый и второй годъ царствованія Екатерины. Уже къ концу 1726 г. дѣятельность Совѣта становится крайне вялой, почти незамѣтной. „Россія похожа на корабль, у котораго кормчій и матросы покоятся глубокимъ сномъ“, писалъ одинъ изъ иностранныхъ пословъ своему двору. Что же случилось? Дѣло въ томъ, что на сцену опять выступилъ вопросъ о престолонаслѣдіи, и забота объ устройствѣ собственныхъ дѣлъ отодвинула для сановниковъ на задній планъ заботы о нуждахъ государства.

Вступленіе на престолъ Екатерины было, какъ мы уже указывали, не только торжествомъ, но и спасеніемъ для свѣтлѣйшаго князя. Страшная опасность, которая возникла для него со смертью Петра, благополучно миновала. Онъ вознесся еще выше, сталъ еще могущественнѣе. Но въ концѣ концовъ при всѣхъ своихъ государственныхъ заслугахъ онъ все-же былъ временщикъ, обязанный своимъ могуществомъ личнымъ отношеніямъ къ государынѣ, и мысль о томъ, что станется съ нимъ и съ его семействомъ въ случаѣ ея смерти, естественно не покидала его даже въ періодъ наибольшаго его торжества. Въ связи съ этой заботой объ обезпеченіи своего будущаго находится, безъ сомнѣнія, и вмѣшательство князя въ дѣла курляндскія.

Отношеніе Меншикова къ Курляндскому вопросу и его образъ дѣй-

ствій въ этомъ дѣлѣ лѣтомъ 1726 г. представляютъ собою весьма интересныя данныя для характеристики временщика. Къ сожалѣнію, рамки нашего очерка позволяютъ намъ только вкратцѣ коснуться этого эпизода. Мы уже говорили, что въ 1710 г. Петръ выдалъ свою племянницу Анну Ивановну за молодого герцога Курляндскаго. Но герцогъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ, и такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей, то герцогскій престолъ сдѣлался вакантнымъ. Необходимо замѣтить, что Курляндія съ XVI в. находилась въ ленной зависимости отъ Польши. Послѣдняя хотѣла теперь воспользоваться прекращеніемъ династіи, чтобы окончательно присоединить къ себѣ Курляндію и сдѣлать ее польской провинціей. Курляндцы съ своей стороны мечтали о полной независимости. Въ то же время составилась партія, тяготѣвшая къ Россіи. Временно вопросъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что поляки назначили администраторомъ дядю покойнаго герцога, Фердинанда, бездѣтнаго старика, очень непопулярнаго въ Курляндіи и потому оставшагося жить въ Данцигѣ. Но въ 1726 г., въ виду преклонныхъ лѣтъ администратора, вопросъ снова выступилъ на сцену. Къ тому-же въ числѣ претендентовъ на герцогскій престолъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могли быть и претендентами на руку вдовствующей герцогини, выступилъ человѣкъ, съумѣвшій заслужить расположеніе какъ курляндцевъ, такъ и герцогини. Это былъ знаменитый впослѣдствіи графъ Морицъ Саксонскій, побочный сынъ Августа Польскаго. Поддерживаемый тайно королемъ (въ данномъ случаѣ интересы короля и Рѣчи Посполитой расходились: послѣдняя была противъ избранія его сына, опасаясь усиленія монархической власти короля), красивый, рыцарски храбрый и галантный Морицъ явился въ Курляндію, плѣнилъ сердца дворянъ, плѣнилъ вдовствующую герцогиню и былъ единодушно избранъ на сеймѣ въ герцоги. Но торжество его было непродолжительно. У него явился могущественный соперникъ въ лицѣ князя Меншикова.

Уже въ 1711 г., проѣздомъ въ Померанію, князь сталъ хлопотать о курляндскомъ престолѣ и хотѣлъ предложить 200 тыс. руб. королю польскому, если тотъ поможетъ его предпріятію. Въ Курляндіи тогда составилась партія въ его пользу съ генераломъ Ренне во главѣ. Но при Петрѣ Меншикову трудно было ставить свои личныя выгоды подлѣ государственныхъ; теперь-же обстоятельства перемѣнились. Пользуясь своимъ вліяніемъ на императрицу, князь убѣдилъ ее открыто высказаться въ пользу его кандидатуры. Подъ его-же вліяніемъ состоялось 18-го іюня очень важное для него постановленіе Верховнаго Совѣта, о которомъ сказано въ протоколѣ засѣданія:

„Всѣ совѣтовали безъ всякаго замедленія ради отвращенія отъ выбранія въ герцоги Гессенъ-Кассельскаго и принца Морица и склоненія чиновъ курляндскихъ на выбраніе представленныхъ съ нашей стороны, отправить знатныхъ персонъ. И ея императорское величество по тому совѣту и по высокому своему разсужденію соизволила повелѣть ѣхать туда свѣтлѣйшему князю Меншикову, подъ образомъ будто ради осмотру полковъ, во осторожность отъ аглинской и датской эскадръ, обрѣтающихся въ Балтійскомъ морѣ, разсуждая, что въ потребный случай для пострастки курляндцамъ можно за Двиною тѣ полки поставить, однакожъ отнюдь никакой противности оными не показывать".

Въ заключеніе протокола сказано:

„А ежели того курляндцы не учинятъ, и свѣтлѣйшаго князя Меншикова въ герцоги не изберутъ, то представить имъ въ герцоги курляндскіе его королевскаго высочества герцога голштинскаго двоюроднаго брата, второго сына епископа Любскаго".

Но Меншиковъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Наконецъ, еслибы даже его собственная кандидатура не была принята, то онъ надѣялся обезпечить свою дочь, выдавъ ее за Голштинскаго принца послѣ выбора послѣдняго въ герцоги.

Случилось однако не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Посланный впередъ, съ цѣлью подготовить почву, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ Петровскаго царствованія, ничего не добился. Курляндцы, успѣвшіе тѣмъ временемъ избрать Морица, объявили ему, что сеймъ разъѣхался и опредѣленія его отмѣнить нельзя. Что же касается Меншикова, то онъ все равно не можетъ быть избранъ, такъ какъ онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранинъ; принцу же голштинскому только 13 лѣтъ и слѣдовательно, до его совершеннолѣтія, Курляндіи никакой пользы отъ него быть не можетъ.

Не помогло и личное появленіе Меншикова (10 іюля) въ сопровожденіи 12 тысячнаго войска. Несмотря на полученную инструкцію, запрещавшую ему всякіе насильственные пріемы въ обращеніи съ курляндцами, князь позволилъ себѣ грозить депутатамъ, въ случаѣ ослушанія, Сибирью, а Курляндіи вторженіемъ войска. Но депутаты, оскорбленные его повелительнымъ тономъ, твердо заявили, что могутъ получать приказанія только отъ польскаго правительства. Кончилось тѣмъ, что Меншиковъ, не отваживаясь приступить на дѣлѣ къ сильнымъ мѣрамъ, которыми угрожалъ на словахъ, и получивъ приказъ императрицы вернуться въ Петербургъ (отъ 16 іюля), долженъ былъ выѣхать изъ Курляндіи безъ всякаго успѣха.

А между тѣмъ его самоуправство и насильственный образъ дѣйствій, который могъ вовлечь Россію въ войну съ Польшей, успѣли

сильно поколебать его кредитъ у императрицы. Враги его съ герцогомъ гольштинскимъ во главѣ конечно не замедлили воспользоваться его промахомъ и представить его поведеніе въ Курляндіи въ самыхъ черныхъ краскахъ. Вдобавокъ князь своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ вооружилъ противъ себя и вдовствующую герцогиню, которая поѣхала жаловаться на него въ Петербургъ. Такимъ образомъ противъ отсутствующаго фаворита составился цѣлый заговоръ, въ которомъ приняли участіе и обѣ царевны. „Вся царская фамилія—доносилъ цесарскій посолъ Рабутинъ Карлу VI—раздражена оскорбленіемъ, нанесеннымъ Аннѣ Іоанновнѣ, и требуетъ удовлетворенія". Назначена была комиссія для разслѣдованія образа дѣйствія князя въ Курляндіи. Повидимому, дѣла его принимали опасный оборотъ. Но — Меншиковъ пріѣхалъ, свидѣлся съ императрицей и скоро—въ первыхъ-же числахъ августа—слѣдствіе было прекращено, и всѣ замыслы враговъ обращены въ прахъ.

Да оно и понятно. Тотъ-же самый курляндскій инцидентъ, выставившій въ яркомъ свѣтѣ самоуправство князя и давшій противъ него оружіе врагамъ, обнаружилъ еще ярче, въ какой степени онъ нуженъ Россіи. Благодаря его отъѣзду, выяснилось, что настоящимъ дѣльцомъ, дававшимъ ходъ всей государственной машинѣ, былъ именно онъ. „Безъ него какъ-то всѣ дѣла остановились", писалъ саксонскій резидентъ Лефортъ. Другіе вельможи въ сущности не умѣли заниматься дѣлами. Да и сами противники Меншикова, хотя-бы тотъ же герцогъ гольштинскій, затѣвая съ нимъ борьбу, имѣли въ виду лишь ослабить его могущество, подорвать довѣріе къ нему императрицы и занять его мѣсто. Но совершенно устранить князя приверженцы Екатерины не желали и не могли, какъ главную опору ихъ партіи, какъ единственный военный авторитетъ, который можно было противоставить другому фельдмаршалу, предводителю украинской арміи, князю Михаилу Михайловичу Голицыну, принадлежавшему къ лагерю великаго князя.

Какъ бы то ни было, дѣло въ Курляндіи не выгорѣло. Правда, и Морицъ Саксонскій также долженъ былъ проститься съ своими надеждами, и вообще рѣшеніе вопроса о курляндскомъ престолонаслѣдіи отложено до смерти стараго герцога, такъ что шансы на успѣхъ не всѣ еще были потеряны. Но расшатанное здоровье императрицы заставляло серьезно задумываться надъ другимъ, гораздо болѣе важнымъ вопросомъ—вопросомъ о престолонаслѣдіи въ Россіи.

Въ сущности, Меншиковъ, возведя на престолъ Екатерину, только отсрочилъ рѣшеніе страшнаго для себя вопроса. Но въ то время можно

было надѣяться, что императрица проживетъ еще долго и обстоятельства сами укажутъ спасительный выходъ. Теперь же ждать дольше становилось опасно. Въ началѣ 1727 г. состояніе здоровья Екатерины приняло угрожающій характеръ. Приходилось принять окончательное рѣшеніе. На первый взглядъ положеніе было такое-же, какъ въ 1725 г.: претендентами на престолъ являлись—съ одной стороны дочери Екатерины, за которыхъ стояли прежніе сторонники послѣдней, опасавшіеся воцаренія сына Алексѣева, съ другой стороны малолѣтній Петръ Алексѣевичъ, единственный законный наслѣдникъ престола въ глазахъ народа. Событія, правда, показали, что мнѣніемъ народнымъ можно пренебрегать, имѣя на своей сторонѣ войско. Но люди, болѣе проницательные, должны были понимать, что то, что удалось въ 1725 г., можетъ не удасться теперь. Тогда воцареніе Екатерины при малолѣтствѣ великаго князя не доказывало еще желанія совершенно отстранить его отъ престола; но неужели этотъ единственный мужской представитель династіи будетъ и теперь обойденъ въ пользу одной изъ своихъ тетокъ, въ пользу женщины? Еще въ началѣ 1726 г. умный Остерманъ предлагалъ, для примиренія интересовъ обѣихъ сторонъ, женить великаго князя на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это было неосуществимо, потому что народъ и церковь никогда бы не признали законнымъ бракъ между такими близкими родственниками; но мысль, внушившая Остерману этотъ проектъ, мысль о невозможности устранить отъ престола великаго князя была вѣрная, и Меншиковъ, при всей своей смѣлости, долженъ былъ невольно отступить передъ такимъ рискованнымъ шагомъ, который грозилъ поставить его въ положеніе Годунова. Въ подметныхъ письмахъ, во множествѣ появившихся въ то время, ему прямо приписывали эту роль. „Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся погибели россійскому государству, какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Димитріемъ учинено“,—говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ: „понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство россійское князя голштинскаго. О, горе, Россія! смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы“... Рискъ, слѣдовательно, былъ большой, гораздо больше, чѣмъ въ 1725 г., а выгоды... выгоды казались очень проблематичными. Возвести на престолъ Анну Петровну значило трудиться въ пользу герцога гольштинскаго, значило готовить себѣ соперника въ лицѣ графа Бассевича, который теперь заискивалъ въ князѣ, но при измѣнившихся обстоятельствахъ конечно сталъ бы вести себя иначе.

Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія представлялся одинъ

—перейти заблаговременно на сторону великаго князя, получить право на его благодарность, привязать его къ себѣ всѣми способами... Говорятъ, эта мысль была внушена Меншикову цесарскимъ посломъ Рабутинымъ, принимавшимъ къ сердцу интересы великаго князя, какъ племянника цесарева, а Рабутину, въ свою очередь, она была подсказана датскимъ посломъ, боявшимся усиленія герцога гольштинскаго, какъ врага Даніи. Какъ бы то ни было, Меншиковъ, покончивъ съ колебаніями, принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей, и въ одно прекрасное утро (въ мартѣ 1727 г.) партія герцога и дочерей Екатерины съ ужасомъ узнала, что Меншиковъ просилъ императрицу о согласіи на бракъ его дочери съ великимъ княземъ Петромъ, и что императрица дала согласіе.

Что побудило Екатерину рѣшиться на этотъ шагъ, который долженъ былъ отнять у ея дочерей самую сильную ихъ опору, такъ какъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что будущій тесть великаго князя станетъ на его сторону въ вопросѣ о престолонаслѣдіи? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Извѣстно, что Меншиковъ, между прочимъ, просилъ согласія императрицы на бракъ дочери съ Петромъ, въ видѣ вознагражденія за то, что она отняла у этой дочери ея прежняго жениха, польскаго выходца графа Сапѣгу, и сговорила за него свою племянницу Скавронскую. Но по всей вѣроятности императрица, все время своего царствованія прожившая въ постоянномъ страхѣ народнаго возстанія, и сама чувствовала, какъ опасно обойти законнаго наслѣдника, и, не желая подвергать этой опасности дочерей, надѣялась, что по крайней мѣрѣ упрочитъ ихъ положеніе, соединивъ съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право разсчитывать.

Первый провѣдалъ объ этомъ Толстой и—ужаснулся. Самый сильный и постоянный его союзникъ покидалъ его, переходилъ на сторону враговъ! Онъ бросился къ герцогу, къ цесаревнамъ, тѣ—къ матери. Но напрасно молили онѣ ее подумать о гибельныхъ послѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; напрасно Толстой рисовалъ передъ ней опасность, которой она подвергаетъ своихъ дѣтей и самыхъ вѣрныхъ слугъ. Правда, Екатерина начала было колебаться, увѣряла, что бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія. Но Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію, и дѣло было рѣшено окончательно.

Толстой съ товарищами однако не сложили оружія. Они надѣялись, что время еще не ушло и что въ концѣ концовъ удастся

уговорить императрицу назначить наслѣдницей Елизавету, а тамъ авось и бракъ великаго князя не состоится—вѣдь онъ еще такъ молодъ. Но времени оказалось мало. 10-го апрѣля у императрицы открылась горячка; приступить къ ней съ новыми представленіями заговорщики не рѣшались, а тутъ одинъ изъ нихъ, Девьеръ, своимъ неосторожнымъ поведеніемъ окончательно погубилъ и себя, и товарищей.

Исторія Девьера, перваго полиціймейстера Петербурга, въ высшей степени интересная сама по себѣ, по своей романтичности, ярко рисуетъ злопамятный и безпощадный нравъ свѣтлѣйшаго князя. Мы можемъ разсказать ее только въ немногихъ словахъ. Однажды, во время пребыванія въ Голландіи, Петръ Великій замѣтилъ на одномъ кораблѣ красиваго, необыкновенно ловкаго и проворнаго юнгу. Юноша оказался сыномъ крещенаго португальскаго еврея, по фамиліи Девьеръ, и съ радостью принялъ предложеніе царя поступить къ нему на службу. Сначала онъ былъ на побѣгушкахъ у Меншикова, но скоро царь взялъ его къ себѣ въ денщики, и будучи доволенъ его службой, сталъ повышать въ чинахъ. Въ 1712 г. Девьеръ обратился къ Меншикову съ предложеніемъ выдать за него свою сестру Анну Даниловну, во взаимности которой онъ былъ увѣренъ. Но надменный фаворитъ, успѣвшій уже позабыть о собственномъ, болѣе чѣмъ скромномъ происхожденіи, отнесся къ этому предложенію, какъ къ неслыханной дерзости, и отказалъ, а когда тотъ сталъ настаивать, то вмѣсто отвѣта приказалъ высѣчь навязчиваго жениха батогами. Тогда Девьеръ бросился къ государю, прося заступничества, и Петръ приказалъ обвѣнчать влюбленныхъ. Вслѣдъ затѣмъ Девьеръ былъ назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ, а впослѣдствіи генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ. Но какъ Девьеръ ни возвышался, Меншиковъ все не могъ простить ему того, что онъ насильно вошелъ къ нему въ родство. Съ своей стороны Девьеръ, хотя по солидарности интересовъ и принадлежалъ къ одной съ нимъ политической партіи, платилъ ему такими-же нѣжными родственными чувствами, и посланный въ 1726 г. въ Курляндію для разбора жалобъ Анны Ивановны на князя, не сталъ щадить послѣдняго и представилъ дѣло въ пользу герцогини. Этого было достаточно, чтобы нажить ему въ князѣ смертельнаго врага. И вотъ болѣзнь императрицы дала Меншикову возможность окончательно погубить какъ ненавистнаго шурина, такъ и всѣхъ его единомышленниковъ.

16-го апр., когда болѣзнь особенно усилилась, Девьеръ, находясь во дворцѣ, имѣлъ неосторожность сказать плачущей Скаврон-

ской: „не надобно плакать“. Цесаревнѣ Аннѣ, вышедшей изъ комнаты больной, онъ сказалъ: „О чемъ печалишься? выпей рюмку вина?“, не всталъ передъ ней и смѣялся, что было конечно неприлично. Этимъ воспользовался Меншиковъ, и Девьера предали суду. Съ разспросу и пытокъ онъ оговорилъ Толстого, Ушакова, Скорнякова-Писарева, старика Бутурлина, одного изъ Нарышкиныхъ и молодого Долгорукаго. Открылось также сообщество герцога Гольштинскаго. Всѣ они, кромѣ герцога, были привлечены къ суду. Правда, все преступленіе ихъ заключалось только въ однихъ разговорахъ о томъ, что не слѣдуетъ допускать брака великаго князя на Меншиковой. Но для князя это было конечно самое непростительное государственное преступленіе, и такъ какъ императрица видимо угасала, то судъ дѣйствовалъ съ необыкновенной поспѣшностью—въ 10 дней окончилъ дѣло, а несчастная императрица за нѣсколько часовъ до смерти подписала приговоръ своимъ вѣрнымъ слугамъ, помогавшимъ возвести ее на престолъ: Девьера и Толстого, лишивъ чиновъ, чести и деревень, сослать—перваго въ Сибирь, второго въ Соловки, Скорнякова-Писарева бить кнутомъ и сослать; остальные также чувствительно наказаны. Потомъ еще прибавлено: Девьеру при ссылкѣ учинить наказаніе, бить кнутомъ.

Вечеромъ того-же дня (6 мая), императрица скончалась, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому наслѣдникомъ престола назначался великій князь, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова, на время-же его малолѣтства должно быть учреждено регенство изъ обѣихъ цесаревенъ, герцога и Верховнаго Тайнаго Совѣта. Кромѣ того завѣщаніе опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія въ случаѣ смерти Петра бездѣтнымъ, назначало цесаревнамъ большія денежныя суммы и т. д.

Это завѣщаніе, какъ выяснилось потомъ, было составлено Бассевичемъ по соглашенію съ Меншиковымъ и подписано Елизаветой. Но оно соотвѣтствовало желаніямъ большинства, и слухи о его подложности никого не смущали.

Итакъ, Меншиковъ восторжествовалъ еще разъ. Страшный вопросъ, смущавшій его съ давнихъ поръ, рѣшенъ окончательно, рѣшенъ такъ удачно, такъ счастливо для него, какъ онъ и не смѣлъ мечтать. Поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ почестей, ведущей къ трону, бывшій пирожникъ достигъ теперь высшей ступени, какая только доступна подданному. Правитель государства, не имѣ-

ющій соперниковъ, будущій тесть императора, популярнаго въ народѣ—теперь онъ, наконецъ, въ безопасной пристани, и никакія бури ему не страшны...

Старая исторія—человѣкъ предполагаетъ... Все это торжество, все это величіе продолжались всего только 4 мѣсяца. То, чего не сдѣлали всѣ происки враговъ, чего не сдѣлали всѣ прежнія ошибки и злоупотребленія свѣтлѣйшаго князя, то сдѣлалъ капризъ 12-ти лѣтняго мальчика, сидѣвшаго на престолѣ Петра Великаго.

ГЛАВА VII.

Меншиковъ — генералиссимусъ и нареченный тесть императора. — Его самовластіе. — Интриги враговъ. — Неосторожность и безпечность Меншикова. — Болѣзнь его. — Его паденіе. — Меншиковъ въ Раненбургѣ. — Его богатства. — Новыя обвиненія. — Подметное письмо. — Ссылка въ Березовъ. — Меншиковъ — плотникъ. — Смерть Меншикова. — Судьба его семейства.

По завѣщанію Екатерины, до совершеннолѣтія императора управлять государствомъ долженъ былъ верховный тайный совѣтъ при участіи цесаревенъ. „Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, и никто одинъ повелѣвать не можетъ“. Но это мнимое завѣщаніе должно было остаться мертвой буквой. Еще при составленіи его Меншиковъ объявилъ Бассевичу, что герцогъ долженъ будетъ уѣхать, потому что ему, какъ шведу, не довѣряютъ. Герцогъ и самъ понималъ, что теперь ему нечего разсчитывать на какую-нибудь выдающуюся роль въ Россіи, и, получивъ обѣщанный за Анной Петровной милліонъ (изъ котораго свѣтлѣйшій князь заранѣе выговорилъ себѣ „за труды“ 80 тыс. руб.), уѣхалъ въ свое герцогство. Со стороны 17-лѣтней Елизаветы Петровны, думавшей только о забавахъ, также нечего было опасаться вмѣшательства въ дѣла. Оставался одинъ верховный тайный совѣтъ, но тотъ и при Екатеринѣ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Теперь послѣдній еще менѣе сталъ церемониться съ своими коллегами. Обыкновенно въ совѣтѣ присутствовали только трое—Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, причемъ вся ихъ дѣятельность заключалась въ томъ, чтобы подписываться подъ приказами Меншикова. Самъ онъ являлся въ совѣтъ очень рѣдко; Остерманъ, назначенный воспитателемъ юнаго императора, также—къ нимъ обо-

имъ дѣла носили на домъ для полученія ихъ мнѣнія, которое со стороны князя обыкновенно было равносильно приказу. Весьма часто въ важныхъ дѣлахъ никто и не зналъ о цѣли его оффиціальныхъ распоряженій. Вотъ случай, ярко иллюстрирующій самовластіе князя. Въ іюнѣ 1727 г. Петръ Михайловичъ Бестужевъ, управлявшій дворомъ Анны Іоанновны, указомъ верховнаго тайнаго совѣта вызванъ былъ изъ Митавы въ Петербургъ: „приказано пріѣхать немедленно". Бестужевъ прискакалъ, сломя голову. Но свѣтлѣйшій князь въ то время былъ боленъ, доступъ къ нему невозможенъ. И что-же? Никто не могъ объяснить Бестужеву, зачѣмъ его вызвали въ Петербургъ *по указу верховнаго тайнаго совѣта.*

Такимъ образомъ, единственнымъ регентомъ, управлявшимъ государствомъ съ неограниченной властью, остался Меншиковъ, и повидимому были приняты всѣ мѣры для упроченія этой власти. Чтобы не дать императору подпасть чужому вліянію, князь немедленно перевезъ его въ свой домъ на островѣ и окружилъ надежными людьми, а 25-го мая устроилъ торжественное обрученіе его съ своей старшей дочерью, 16-лѣтней княжной Марьей Александровной, которую послѣ этого стали поминать въ церквахъ великой княжной и нареченной невѣстой императора; 34 тыс. руб. ежегодно назначено было на содержаніе ея особаго двора. Еще раньше, 13 мая, Меншиковъ получилъ отъ императора давно желанное званіе генералиссимуса. Такимъ образомъ, имѣя подъ своею властью всѣ сухопутныя и морскія силы государства, подчинивъ своему вліянію юнаго государя, котораго онъ въ скоромъ времени надѣялся привязать къ себѣ неразрывными узами, Меншиковъ могъ, наконецъ, считать себя въ полной безопасности отъ всякихъ интригъ и ударовъ судьбы.

Да и откуда было явиться новой опасности? Всѣ враги, всѣ подозрительные люди удалены, сосланы, сдѣланы безвредными, а тѣ, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться, обласканы, осыпаны милостями и повидимому превратились въ лучшихъ друзей свѣтлѣйшаго князя. Остерманъ, единственный способный человѣкъ, который могъ-бы замѣнить Меншикова, не опасенъ; у него нѣтъ связей, знать смотритъ на него свысока, онъ не можетъ слѣдовательно разсчитывать на первую роль, не можетъ обойтись безъ опоры, а кто-же можетъ служить ему лучшей опорой, какъ не Меншиковъ, которому онъ такъ много обязанъ, который довѣрилъ ему такое важное и отвѣтственное дѣло, какъ воспитаніе императора? Ужъ на Остермана-то, очевидно, онъ можетъ разсчитывать. Знать также, повидимому, перестала относиться къ нему враждебно съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на сторону великаго

князя. И Меншиковъ дѣлаетъ все, чтобы окончательно привязать ее къ себѣ. Голицыны и Долгорукіе получаютъ важныя должности; одинъ изъ послѣднихъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, назначенъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ—мѣсто очень важное по тому вліянію, какое великая княжна имѣла на брата; сынъ этого Долгорукаго, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ, пострадавшій за участіе въ кружкѣ Девьера, снова приближенъ ко двору и назначенъ гофъ-юнкеромъ императора. Это-ли не заслуживаетъ благодарности?

Меншиковъ ошибался. Люди, которыми онъ окружилъ императора, которыхъ онъ осыпалъ, по его мнѣнію, милостями, не могли быть его друзьями. Слишкомъ еще свѣжи были въ памяти его прежнія обиды, слишкомъ хорошо знали всѣ его высокомѣріе и завистливость, не допускавшія въ другихъ и тѣни самостоятельности. Да и самыя милости его, выскочки, человѣка, котораго они считали гораздо хуже себя, только раздражали. Ему льстятъ, передъ нимъ разсыпаются въ изъявленіяхъ благодарности и преданности, но его ненавидятъ по прежнему, даже больше, если это только возможно. И при первой возможности свернуть это ненавистное иго, всѣ эти новые друзья конечно не замедлятъ превратиться въ неумолимыхъ враговъ.

Эта возможность скоро явилась. Постоянная удача сдѣлала этого „баловня счастья“ безпечнымъ; безпечность была причиною цѣлаго ряда промаховъ, приведшихъ къ роковой, хотя, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ и неизбѣжной развязкѣ.

Этотъ умный и ловкій человѣкъ, любимецъ двухъ государей, съумѣвшій сохранить ихъ любовь и довѣріе, не смотря на всѣ свои провинности, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи совершенно не подумалъ о томъ, чтобы заслужить такую-же любовь и довѣріе со стороны новаго императора. Бывшій пирожникъ мало по малу разучился гнуть спину передъ кѣмъ-бы то ни было. Для его повелительнаго, деспотическаго нрава не было теперь никакой сдерживающей узды. Въ юномъ императорѣ Меншиковъ видѣлъ только 12 лѣтняго мальчика, которому онъ, въ качествѣ будущаго тестя, служитъ опекуномъ и отъ котораго поэтому вправѣ требовать повиновенія. Нужно отдать ему справедливость, онъ настоящимъ образомъ понялъ свои обязанности по отношенію къ императору, понялъ, что послѣднему надо долго и много учиться, чтобы стать достойнымъ преемникомъ своего великаго дѣда. Понималъ это и Остерманъ, въ лицѣ котораго князь далъ Петру прекраснаго воспитателя. Но Остерманъ

не менѣе хорошо понималъ свои собственныя выгоды. Этотъ мягкій, обходительный, всѣмъ улыбающійся человѣкъ скрывалъ подъ своею безпритязательною внѣшностью величайшее честолюбіе. Чтобы достигнуть своей цѣли, ему надо было прежде всего пріобрѣсти любовь своего питомца, а для этого достаточно было только выказывать снисходительность, не налегать съ ученіемъ и сваливать всю вину стѣснительныхъ мѣръ на свѣтлѣйшаго князя. Совершенно иначе поступалъ послѣдній. Онъ разыгрывалъ роль строгаго ментора, не потакалъ стремленію мальчика къ удовольствіямъ, требовалъ отчета во всѣхъ поступкахъ...

Первое время мальчикъ покорно подчинялся этому контролю. При жизни Петра I и Екатерины онъ находился въ тѣни; за нимъ не ухаживали придворные, не баловали его лестью. Въ Меншиковѣ онъ привыкъ видѣть человѣка, передъ которымъ всѣ преклоняются. Наконецъ, онъ былъ увѣренъ, что обязанъ ему возведеніемъ на престолъ... Но теперь положеніе его сразу и совершенно измѣнилось, и скоро онъ начинаетъ смотрѣть на вещи иными глазами. Ему такъ часто, такъ краснорѣчиво напоминаютъ, что онъ самодержавный императоръ, что онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно... Все, что угодно... Но вѣдь это злая насмѣшка... Онъ вовсе не хочетъ учиться, онъ любитъ ѣзду верхомъ, любитъ псовую охоту, а между тѣмъ во всемъ надо спрашиваться у князя и чаще всего получать отказъ. Баронъ Остерманъ, правда, также стоитъ за ученье, но онъ гораздо снисходительнѣе и, наконецъ, онъ также подчиняется требованіямъ свѣтлѣйшаго князя. И въ душѣ мальчика все сильнѣе и сильнѣе разростается недовольство строгимъ опекуномъ.

Невѣста ему также не нравится. Разсказываютъ, что бѣдная княжна, очень любившая своего перваго жениха Сапѣгу, упала въ обморокъ, когда отецъ впервые сообщилъ ей объ ожидающемъ ее счастьи. Шестнадцатилѣтняя вполнѣ развитая красавица конечно не могла питать никакого чувства къ своему мальчику-жениху. Въ его обществѣ ей было не по себѣ; она неохотно принимала участіе въ его забавахъ и казалась мальчику скучной и противной. То-ли дѣло тетя Елизавета Петровна! Та, несмотря на свои 17 лѣтъ, была ему совсѣмъ подъ пару по живости характера, по страсти къ увеселеніямъ и прогулкамъ, къ шуму и движенію. И она также не любила князя, разлучившаго ее съ сестрой. Не любила его и великая княжна Наталья Алексѣевна, имѣвшая на брата большое вліяніе.

Все это не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ придворныхъ, и вотъ всѣ потихоньку, но систематически начинаютъ раздувать это недо-

вольство, а больше всѣхъ обласканные княземъ Долгорукіе. Петру нашептываютъ, что онъ ничѣмъ не обязанъ Меншикову, что онъ взошелъ-бы на престолъ и безъ его содѣйствія, указываютъ на безпредѣльное честолюбіе князя, напоминаютъ объ участи несчастнаго Алексѣя... Но еще сильнѣе, чѣмъ эти нашептыванія, дѣйствуетъ неосторожное поведеніе самого Меншикова.

По какому-то случаю цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору въ подарокъ 9 тысячъ червонцевъ, а тотъ, желая порадовать сестру, отправилъ къ ней деньги съ однимъ изъ придворныхъ. Но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, замѣтилъ: „Государь еще очень молодъ и не знаетъ, на что слѣдуетъ употреблять деньги; отнесите ихъ ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ“. На другое утро великая княжна Наталья по обыкновенію пришла навѣстить брата. Узнавъ, что она не получила подарка и что его отнялъ у посланнаго Меншиковъ, Петръ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ немедленно послалъ за княземъ и съ необыкновенной запальчивостью закричалъ на него, какъ смѣлъ онъ помѣшать исполненію его приказанія? Не привыкшій къ такому обращенію, князь былъ пораженъ, какъ громомъ. Однако онъ быстро оправился и отвѣчалъ, что въ виду извѣстнаго недостатка въ деньгахъ въ государствѣ и истощенія казны, онъ намѣревался сегодня-же представить проектъ болѣе полезнаго употребленія этихъ денегъ. Но мальчика, понятно, такой отвѣтъ не успокоилъ. Топнувъ ногой, онъ вскричалъ: „Я научу тебя, что я императоръ и что мнѣ надо повиноваться!“ И съ этими словами повернулся къ князю спиной и ушелъ. Меншиковъ пошелъ за нимъ и такъ долго упрашивалъ его, что Петръ, еще не привыкшій къ подобнымъ выходкамъ, наконецъ, смягчился и простилъ его.

Но первый шагъ къ освобожденію уже сдѣланъ. Юный императоръ окончательно почувствовалъ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати онъ будетъ слушаться человѣка, который испугался одного его окрика, съ какой стати онъ слушался его до сихъ поръ? Онъ дѣйствительно покажетъ всѣмъ, что императоръ онъ, а не этотъ выскочка.

Къ несчастью для Меншикова, послѣдній скоро послѣ этого опасно заболѣлъ. Старая болѣзнь—чахотка разыгралась съ особенной силой; у него появилось сильнѣйшее кровохарканье, лихорадка. Готовясь къ смерти, онъ написалъ императору прекрасное наставительное письмо, въ которомъ указывалъ ему на его обязанности относительно Россіи, „этой недостроенной машины“, увѣщевалъ слушаться

Остермана и министровъ; написалъ и къ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, поручая имъ свою семью.

Меншиковъ оправился, но болѣзнь уже сдѣлала свое дѣло. Петръ, очутившись на свободѣ, окончательно вышелъ изъ-подъ его вліянія. Пользуясь этой свободой, никѣмъ не удерживаемый, онъ по цѣлымъ днямъ предавался своимъ любимымъ развлеченіямъ въ компаніи Долгорукихъ. Между тѣмъ Меншиковъ, выздоровѣвъ, опять принялся школить его, читать нотаціи. Онъ запрещаетъ царскому камердинеру расходовать деньги безъ своего разрѣшенія, не велитъ исполнять приказанія императора или сестры его безъ предварительнаго себѣ доклада. Императоръ выпрашиваетъ у него 500 червонцевъ и даритъ ихъ сестрѣ. Меншиковъ велитъ отнять ихъ у великой княжны. Такія мелкія стѣсненія особенно чувствительны: тѣмъ болѣе они обидны и невыносимы теперь, когда мальчикъ успѣлъ уже вкусить свободы.

Но Меншиковъ, повидимому, совсѣмъ не сознаетъ своей неосторожности, не замѣчаетъ надвигающейся грозы. Увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ своемъ неотразимомъ вліяніи на императора, до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои вспышки, наружно смирявшагося передъ нимъ, онъ спокойно и беззаботно оставляетъ его на рукахъ своихъ враговъ въ Петергофѣ, а самъ съ семействомъ уѣзжаетъ отдохнуть послѣ болѣзни въ любимый свой Ораніенбаумъ. Онъ все еще довѣряетъ хитрому Остерману, который, будучи обязанъ давать ему отчетъ въ поведеніи своего воспитанника, не забываетъ въ каждомъ письмѣ увѣрять его „высококняжескую свѣтлость“ въ своей преданности и неизмѣнномъ расположеніи императора. Послѣдній, уже наученный своими любимцами, Долгорукими и Остерманомъ, скрывать свои чувства и замыслы, приписываетъ по прежнему „любительные поклоны“.

Только 26-го августа, въ день именинъ великой княжны Натальи, Меншиковъ начинаетъ прозрѣвать опасность. Онъ видитъ, что Остерманъ обманывалъ его, обнадеживая насчетъ чувствъ императора. Какъ только князь начиналъ говорить съ нимъ, Петръ поворачивался къ нему спиной, не обращалъ никакого вниманія на его поклоны и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его. „Смотрите, сказалъ онъ одному изъ придворныхъ, развѣ я не начинаю вразумлять его?“ На невѣсту онъ также не обращалъ никакого вниманія.

Меншиковъ внутренно бѣсится, но еще не сознаетъ, какъ велика опасность. Придворные по прежнему раболѣпствуютъ передъ нимъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ его слово равняется закону; не се-

годня-завтра онъ надѣется вернуть и утраченную милость императора. Въ Ораніенбаумѣ 3-го сентября назначено освященіе новой его церкви; на это торжество приглашенъ и императоръ. Но враги боятся, чтобы между нимъ и княземъ не произошло примиренія, и въ послѣднюю минуту уговариваютъ Петра не ѣхать подъ предлогомъ нездоровья. Меншиковъ при этомъ случаѣ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, совершаетъ новую неосторожность: во время церемоніи онъ садится на мѣсто, приготовленное для императора. Объ этомъ конечно доносится, куда слѣдуетъ, съ приличными комментаріями.

Развязка быстро приближается.

На другой день Меншиковъ пріѣзжаетъ въ Петергофъ, но ему едва удается видѣть императора; 5-го онъ совсѣмъ его не видитъ. Петръ съ утра уѣзжаетъ на охоту; великая княжна, чтобы не встрѣтиться съ ненавистнымъ княземъ, выпрыгиваетъ въ окно и отправляется за братомъ. Меншиковъ внѣ себя. Онъ набрасывается на Остермана, обвиняетъ его въ двоедушіи, обвиняетъ въ томъ, что онъ старается отвратить императора отъ православія, и угрожаетъ колесованіемъ. Остерманъ отвѣчаетъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который дѣйствительно заслужилъ этого.

Война объявлена. Меншиковъ очнулся изъ своей безпечности, спѣшитъ въ Петербургъ и начинаетъ дѣйствовать. Надо отдѣлаться отъ Долгорукихъ, удалить Остермана. Противъ первыхъ онъ вызываетъ Голицыныхъ, которымъ конечно должно быть нежелательно возвышеніе Долгорукихъ; Остермана онъ хочетъ замѣнить прежнимъ учителемъ великаго князя, Зейкинымъ, которому раньше, по желанію Остермана, приказано было оставить Россію. Въ догонку Зейкину, не успѣвшему еще уѣхать, посланъ указъ вернуться. Но время уже упущено. Враги также отбросили прежнія предосторожности и дѣйствуютъ рѣшительно. На другой день по отъѣздѣ Меншикова въ Петербургъ, государь именнымъ указомъ объявилъ верховному тайному совѣту, что онъ намѣренъ вернуться въ столицу и жить въ Лѣтнемъ дворцѣ, который и приказано немедленно приготовить; верховному совѣту также велѣно перебраться туда. До сихъ поръ совѣтъ собирался въ домѣ Меншикова, гдѣ жилъ самъ императоръ. Переѣздъ послѣдняго являлся такимъ образомъ явнымъ знакомъ опалы. Меншиковъ, вѣроятно, узналъ объ этомъ, и въ надеждѣ видѣть государя, спѣшитъ въ совѣтъ, но прождавъ тамъ напрасно $1^1/_2$ часа, возвращается домой.

До сихъ поръ высшія должностныя лица, не посвященныя въ интригу, продолжали еще толпиться въ передникъ всемогущаго правителя. Но теперь его опала уже извѣстна всѣмъ. 7 сентября, читаемъ мы въ поденныхъ запискахъ князя *), Меншиковъ всталъ по обыкновенію въ 6-мъ часу утра, вышелъ въ орѣховую залу и просидѣлъ въ ней безъ всякаго дѣла до 9 часовъ одинъ, неодѣтый. Въ 9 часовъ поѣхалъ въ верховный тайный совѣтъ, но засѣданія не было. Въ этотъ день онъ не отдыхалъ послѣ обѣда.

Въ этихъ немногихъ строкахъ поденныхъ записокъ, по обыкновенію сухо, безъ всякихъ комментаріевъ, излагающихъ порядокъ дня свѣтлѣйшаго князя, заключается цѣлая потрясающая драма. Что долженъ былъ передумать и перечувствовать этотъ гордый вельможа, этотъ баловень счастья, привыкшій къ общему поклоненію, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей великолѣпной залѣ, обыкновенно переполненной раболѣпной толпой, ожидая какого-нибудь посѣтителя и въ то же время сознавая, что никого не дождется, что пѣсенка его спѣта и что ему нечего разсчитывать на преданность людей, которыми онъ самъ пользовался всегда, лишь какъ орудіями для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Въ такіе моменты обыкновенно переживаютъ цѣлую жизнь...

Въ тотъ-же день императоръ пріѣхалъ въ Петербургъ и ночевалъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, а на другой день, 8 сент., къ Меншикову явился генералъ-лейтенантъ Салтыковъ и объявилъ ему арестъ, „чтобы съ двора своего никуда не ѣзжалъ“. При полученіи этого приказа, Меншиковъ лишился чувствъ, и ему пустили кровь. Жена его, вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою, Варварой Арсеньевой, поспѣшила во дворецъ, гдѣ на колѣняхъ молила императора о помилованіи. Но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы княгини. Такъ-же напрасны были ея мольбы, обращенныя къ Елизаветѣ и Натальѣ. Даже къ Остерману бросилась было несчастная женщина. Все было кончено...

На другой день, по докладной запискѣ Остермана, верховный совѣтъ опредѣлилъ сослать Меншикова въ его нижегородскія деревни, гдѣ ему жить безвыѣздно, чиновъ и кавалеріи его лишить, а имѣнію быть при немъ. По просьбѣ князя, переданной Салтыковымъ, указъ о ссылкѣ въ тотъ-же день измѣненъ императоромъ, и мѣстомъ ссылки назначенъ городъ Раненбургъ.

* * *

*) Эти поденныя записки начинаются съ 1716 г. и продолжаются до 8 сент. 1727 г., т. е. до того дня, когда Меншиковъ былъ арестованъ.

11-го сентября, Меншиковъ, конвоируемый капитаномъ Пырскимъ съ отрядомъ въ 120 чел., отправился на мѣсто назначенія. Но выѣздъ его изъ Петербурга ничѣмъ не напоминалъ о постигшей его опалѣ. Это былъ великолѣпный поѣздъ богатаго вельможи, отправляющагося въ свои имѣнія. Впереди этого поѣзда, состоявшаго изъ 127 чел. прислуги и множества колясокъ, берлиновъ и фургоновъ съ разнымъ добромъ, ѣхали 4 кареты шестерней, въ которыхъ помѣщались самъ князь съ женой, свояченицей и дѣтьми. За бывшей невѣстой императора слѣдовалъ ея прежній штатъ: гофмейстеръ, пажъ, 4 конюха. Всѣ служители были вооружены ружьями и пистолетами. Народъ толпами собирался по пути и съ удивленіемъ глядѣлъ на великолѣпную процессію.

Это была послѣдняя дань, которую гордый временщикъ принесъ своему тщеславію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это была большая неосторожность. Враги его легко могли представить государю, что онъ смѣется надъ властью, его низвергшей, что ему недостаточно испытаннаго униженія.

И дѣйствительно, самое горькое было еще впереди. Съ каждымъ днемъ Меншикову придумываютъ новыя наказанія; нарочные одинъ за другимъ посылаются въ догонку къ Пырскому съ разнородными приказаніями—то снять съ дѣтей князя ордена, то отобрать у него царскихъ лошадей и экипажи, то лишить ордена Арсеньева, добровольно послѣдовавшаго за княжной въ должности гофмейстера, то, наконецъ, отправить Варвару Арсеньеву въ Александровскій монастырь. Эта свояченица князя особенно тревожила его враговъ. Некрасивая, горбатая, но одаренная рѣдкимъ умомъ, пріятнымъ и занимательнымъ разговоромъ, она пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны Петра I и Екатерины. Меншиковъ охотно совѣтовался съ ней въ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, находя въ ней полное сочувствіе своимъ честолюбивымъ планамъ. Враги постарались разлучить его съ этой совѣтчицей.

Тѣмъ не менѣе, Меншиковъ первое время по прибытіи въ Раненбургъ еще надѣялся на то, что его оставятъ тутъ въ покоѣ. Въ своемъ несчастіи онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что можетъ наконецъ отдохнуть послѣ всѣхъ тяжкихъ трудовъ, послѣ заботъ и треволненій придворной жизни, наслаждаясь своими несмѣтными богатствами. Не зная, что всѣ его письма перехватываются и отсылаются въ верховный совѣтъ, онъ то и дѣло посылалъ приказы управляющимъ своихъ многочисленныхъ имѣній, требовалъ высылки разныхъ припасовъ, указывалъ, какъ употреблять доходы.

Но эти мечты о спокойной жизни скоро разсѣялись.

Ссылка Меншикова произошла безъ всякаго суда, по одному лишь приказу 12-ти-лѣтняго императора. Враги прежде всего спѣшили выпроводить опаснаго человѣка изъ Петербурга. Теперь надо было все-таки найти оправданіе своему образу дѣйствій, надо было заклеймить его открыто, всенародно, чтобы никакой возвратъ къ прошлому не былъ возможенъ.

Въ отвѣтъ на разосланные указы о доставленіи свѣдѣній о дѣйствіяхъ опальнаго князя, посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія. Казенныя учрежденія, частныя лица представили жалобы о захватѣ казенной собственности, денежныя претензіи.

Это дало верховному совѣту предлогъ описать всю движимость Меншикова въ петербургскихъ и московскихъ его домахъ, въ приморскихъ дачахъ, деревняхъ и заводахъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на подробномъ перечисленіи колоссальныхъ, чисто сказочныхъ богатствъ князя, которыя были обнаружены этой описью. Скажемъ только, что у него было конфисковано 90 тыс. душъ крестьянъ, города Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, Почепъ и Батуринъ, 4 мил. тогдашнихъ рублей наличной монетой, капиталовъ въ лондонскомъ и амстердамскомъ банкахъ на 9 мил. р.; брилліантовъ и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей на 1 мил.; три перемѣны, по 24 дюжины каждая, серебряныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пудовъ золотой посуды. Но это было еще не все: кромѣ имѣній въ Россіи, у князя были еще значительныя земли въ Ингріи, Ливоніи и Польшѣ, король прусскій пожаловалъ ему помѣстье Рѣчекъ, а императоръ германскій — герцогство Козельское. Что же касается домовъ, отличавшихся самой роскошной меблировкой, драгоцѣнной домашней утвари, одежды, усыпанной драгоцѣнными каменьями—то этому добру и счета не было. Одна опись вещей, взятыхъ Меншиковымъ съ собой въ Раненбургъ, продолжалась 3 дня.

Всего этого колоссальнаго богатства, нажитаго цѣною столькихъ неправдъ, пришлось князю лишиться. Ему оставлены только самыя необходимыя вещи. Но это были мелочи. Вслѣдъ за жалобами, вызвавшими конфискацію, послѣдовало обвиненіе болѣе важное. 3 ноября 1727 г. графъ Головинъ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, прислалъ въ совѣтъ секретную депешу, въ которой сообщалъ со словъ какого-то надежнаго пріятеля, что при покойной императрицѣ, когда союзники Швеціи угрожали намъ войной, Меншиковъ обнадеживалъ шведское правительство, что онъ не допуститъ Россію до войны, потому что власть надъ войскомъ находится въ его рукахъ, что тотъ-

же Меншиковъ при многихъ случаяхъ сообщалъ барону Цедеркрейцу, шведскому посланнику въ Петербургѣ, о положеніи дѣлъ при нашемъ дворѣ, за что получилъ отъ него 5 тысячъ червонцевъ. При этомъ Головинъ выражалъ увѣренность, что въ бумагахъ Меншикова найдутся какіе-нибудь слѣды этой преступной корреспонденціи.

Справедливо ли было это обвиненіе или нѣтъ — трудно рѣшить. Въ бумагахъ Меншикова ничего подозрительнаго, оправдывающаго это обвиненіе не было найдено. Что отвѣтилъ онъ самъ посланнымъ для допроса лицамъ—также неизвѣстно, такъ какъ ни донесенія этихъ лицъ, ни отвѣты Меншикова не сохранились при дѣлахъ совѣта. Во всякомъ случаѣ, благодаря этому обвиненію, враги получили возможность придать ссылкѣ князя совсѣмъ другой характеръ. До сихъ поръ она имѣла видъ опалы; теперь съ опальнымъ стали обращаться, какъ съ государственнымъ преступникомъ. Посланный на мѣсто Пырскаго капитанъ Мельгуновъ получилъ инструкцію держать князя подъ самымъ строгимъ присмотромъ. Его окружили крѣпкимъ карауломъ; самого князя съ женою и сыномъ заключили въ одной комнатѣ и къ дверямъ приставили часовыхъ; княжны отдѣлены въ особую комнату и также при часовомъ. Мельгунова безпокоило даже то, что княжны могутъ ходить въ спальню къ отцу и говорить съ нимъ—„и намъ въ ономъ не безъ сумнѣнія“, писалъ онъ въ верховный совѣтъ.

Но и теперь Меншиковъ казался еще опаснымъ тѣмъ лицамъ, которыя заняли его мѣсто. Раненбургъ, по мнѣнію Долгорукихъ, былъ слишкомъ близокъ къ Москвѣ. Подъ вліяніемъ Остермана, императоръ рѣшилъ отправить князя куда-нибудь подальше — напримѣръ, въ Вятку, Архангельскъ и т. п., пожитки его взять, а княжнѣ и другимъ дѣтямъ оставить по 10 тыс. на каждаго, да нѣсколько деревень. Но совѣтъ не торопился исполненіемъ этого приказанія; въ то время дворъ находился въ Москвѣ, всѣ заняты были предстоящей коронаціей, а между тѣмъ подвернулось одно, повидимому, ничтожное обстоятельство, которое сразу измѣнило судьбу князя. 24 марта у Спасскихъ воротъ найдено было подметное письмо въ пользу Меншикова; въ этомъ письмѣ, по словамъ современниковъ, оправдывалось поведеніе князя, восхвалялись его высокій умъ и способности и, кромѣ того, возбуждалось недовѣріе императора къ его новымъ фаворитамъ.

Этого было достаточно. Самое строгое слѣдствіе не открыло автора письма, въ которомъ подозрѣвали свояченицу князя, но тѣмъ не менѣе Варвара Арсеньева была пострижена въ монастырь, а 8 апрѣля подписанъ императоромъ указъ о ссылкѣ князя съ женой, сыномъ и дочерьми въ Березовъ.

* *
*

Меншиковъ въ Сибири уже не принадлежитъ исторіи. Его историческая роль кончилась. Но для психолога этотъ послѣдній непродолжительный періодъ жизни бывшаго баловня счастья, быть можетъ, самый интересный. Если постоянная удача, могущество кружатъ многимъ головы, даютъ возможность развернуться ихъ дурнымъ инстинктамъ, то несчастье обнаруживаетъ ихъ истинную природу. Это своего рода горнило, изъ котораго натуры болѣе благородныя выходятъ очищенными, тогда какъ натуры мелкія, слабыя, погибаютъ окончательно.

На берегу р. Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, среди дремучихъ тайгъ и пустынныхъ тундръ, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Трудно представить себѣ что-нибудь пустыннѣе, непривѣтливѣе этого заброшеннаго уголка. Но не одно удаленіе отъ людей служило наказаніемъ для ссылаемыхъ въ этотъ край. Климатъ Березова увеличивалъ страданія. Лѣтомъ, при 27° жара, болотистыя испаренія поднимаются надъ городомъ, воздухъ невыносимо душенъ. Зимою жестокіе морозы доходятъ иногда до 45°. Земля втеченіе 8 мѣсяцевъ окутана въ снѣжный саванъ. Ночи продолжительны и мрачны. Холодъ захватываетъ дыханіе и мгновенно превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, стѣны домовъ щелкаютъ, земля и ледъ растрескиваются.

Въ эту-то ледяную пустыню въ августѣ 1728 г. привезли Меншикова съ дѣтьми и помѣстили въ острогъ, построенный въ 1724 г. для государственныхъ преступниковъ. Это было длинное деревянное зданіе съ узкими закругленными окнами; внутренность была раздѣлена на 4 комнаты. Одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ 13-лѣтнимъ сыномъ Александромъ, другую княжны Марья (16 лѣтъ) и Александра (14 лѣтъ), третью прислуга, а въ четвертой помѣщались съѣстные припасы.

Княгини Дарьи Михайловны уже не было въ живыхъ. Меншиковъ лишился своей вѣрной подруги жизни еще въ дорогѣ. Бѣдная женщина, ослѣпшая отъ слезъ, выѣхала изъ Раненбурга уже больной; ѣзда на телѣгѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствіе медицинской помощи привели ее къ смерти. Въ 12 верстахъ отъ Казани, 10 мая, караванъ ссыльныхъ долженъ былъ остановиться; больную внесли въ крестьянскую избу и здѣсь, окруженная солдатами, она умерла на рукахъ своего семейства.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ самомъ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, алчный во времена своего величія, онъ сдѣлался теперь смиреннымъ, истинно благочестивымъ и переносилъ свое несчастіе съ замѣчательной твердостью. Жители Бе-

резова смотрѣли на него, какъ на праведника. Изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 руб. ассигнаціями въ сутки) онъ скопилъ небольшую сумму, на которую построилъ деревянную церковь. Онъ самъ работалъ съ плотниками, своими руками копалъ землю, рубилъ бревна и устраивалъ внутреннія украшенія. Когда постройка была окончена, онъ принялъ на себя должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ, звонилъ въ колокола, говорилъ прихожанамъ назидательныя поученія. „Благо мнѣ, Господи, говорилъ онъ безпрестанно въ молитвахъ, что смирилъ мя еси“. Возвратясь домой, онъ заставлялъ дѣтей читать священныя книги или диктовалъ имъ замѣчательныя происшествія изъ своей жизни. Къ сожалѣнію, эта драгоцѣнная рукопись до насъ не дошла.

Но при всемъ своемъ смиреніи и покорности Провидѣнію Меншиковъ не могъ не сокрушаться надъ участью дѣтей. Мысль, что онъ своими ошибками погубилъ ихъ, терзала его сердце и сокращала дни. Онъ умеръ 12 ноября 1729 г., 56 лѣтъ отъ роду, и былъ похороненъ близъ алтаря построенной имъ церкви.

Такъ кончилъ свои дни знаменитый государственный дѣятель, втеченіе четверти столѣтія оказывавшій огромное вліяніе на судьбы Россіи. Какого-бы мы ни были мнѣнія о пользѣ этой дѣятельности, но важность и значеніе ея не подлежатъ сомнѣнію. О недостаткахъ Меншикова мы достаточно говорили; указывали и на своекорыстную подкладку всѣхъ его дѣйствій; но эти недостатки были ему общи съ большинствомъ современниковъ. Соперники его, кричавшіе о его злоупотребленіяхъ и чудовищномъ властолюбіи, еще менѣе его заботились о благѣ отечества, и воспользовались его паденіемъ лишь для того, чтобы пойти по его-же стопамъ. Примѣръ его, постигшая его участь никого не отрезвили. Многочисленные временщики, наполняющіе собою слѣдующія два царствованія, такъ-же усердно взбирались по лѣстницѣ почестей и, не достигши той высоты, которой достигъ ихъ первообразъ, падали въ ту-же пропасть. Но къ чести этого временщика необходимо сказать, что между многими, послѣдовавшими его примѣру и испытавшими одинаковую съ нимъ участь, не много было людей съ такими обширными и разносторонними способностями, съ такой энергіей, какъ у любимца Петра Великаго; мало было такихъ, которые оказали-бы Россіи столько услугъ подъ руководствомъ этого государя и послѣ него, и еще меньше такихъ, которые-бы съ подобнымъ мужествомъ переносили послѣдній жестокій ударъ судьбы.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ участи семей-

ства Меншикова. Старшая его дочь, бывшая невѣста императора, ненадолго пережила отца и скончалась 28 декабря того же года. Но вторая дочь и сынъ въ 1730 г. были возвращены изъ ссылки императрицей Анной Ивановной.

Трагическая судьба этого семейства, въ особенности старшей княжны Марьи Александровны, послужила темою для многихъ романовъ и драматическихъ произведеній.

У березовскихъ жителей сохранилось слѣдующее преданіе о княжнѣ Марьѣ Александровнѣ. Въ 1728 г. вслѣдъ за Меншиковымъ пріѣхалъ въ Березовъ князь Ѳедоръ Долгорукій (какъ полагаютъ, сынъ дипломата Василія Лукича). Онъ давно уже былъ влюбленъ въ княжну и, узнавъ о ея ссылкѣ, выпросился ѣхать за границу, а самъ подъ чужимъ именемъ явился въ мѣсто заточенія своей возлюбленной. Они были тайно обвѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ. Въ лѣтнее время жители Березова часто видѣли князя Ѳедора и его жену, прогуливающихся по берегу Сосвы. Черезъ годъ послѣ этого брака княгиня Долгорукая скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми близъ Спасской церкви.

Раскопки, производившіяся въ 1825 г. тобольскимъ губернаторомъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, съ цѣлью найти могилу князя Меншикова, повидимому подтверждаютъ это преданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла нѣкогда Спасская церковь, найденъ былъ гробъ, а въ немъ довольно сохранившійся трупъ, повидимому женщины, съ двумя дѣтскими гробиками по сторонамъ.

Какъ бы то ни было, для романистовъ это преданіе находка. Написанный на эту тему чувствительный романъ Лафонтена въ свое время былъ переведенъ на всѣ языки.

Популярно-научныя книги.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли*. Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи *Коллинса*. Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Гигіена въ прим. къ обыден. жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье*. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Уходъ за больн. дѣтьми. Д-ра *Перье*. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера*. Ц. 50 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо*. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева*. Со мног. рис. Ц. 1 р.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Усталость. Бесѣды проф. *А. Моссо*. Перев. *Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Д-ра Мигулы*. Съ нѣмецк. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ франц. Популяр. излож. ученія Дарвина. 2 изд. Ц. 60 к.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гекели, Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ портр. Дарвина Ц. 75 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. Ц. 1 р. 25 к.

Фабричная гигіена. *Святловскаго*. 153 рис. 4 р.

Ручной трудъ. Составихъ *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона*. Перев. съ французскаго. Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Предсказаніе погоды *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Свѣтъ Божій. Популярн. очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., значител. исправл., Съ 65 рис. Ц. 30 к.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды. *Предтеченскаго*. Со мн. рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. Перев. съ франц. Съ 100 рис. 3-е изд. 80 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Популярн. руководство для провѣрки часовъ и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Эйфелева башня. *Г. Тисандье*. 34 рис. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари*. Съ французскаго. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде*. Перевелъ *Головч*. Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье*. Переведъ *Головч*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколева*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумул. *Сэломенса*. 81 рис. Ц. 1 р. 25 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Со множ. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніи). *Капна*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Бетона*. Со свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Сочиненіе *Майера* и *Присса*. Перев. *Д. Головч*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *Секки*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рисунк. Ц. 1 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. *Рельяра*. Переводъ *Эл. Зауеръ*. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.

Психологія великихъ людей. *Жоли*. 3-е изд. 50 к.

Современные психопаты. *Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и рисунк. 2-е изд. Ц. 1 р.

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Ц. 1 р.

Физіологія души. *А. Герцена*, проф. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Физіологическая психологія. *Дигена*. Перев. подъ редакціей проф. *В. Чижа*. Ц. 75 коп.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и дополн. *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. Ц. 2 р. 50 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Дополненіе къ его сочин. „Жизнь животныхъ". Со многими рис. Ц. 2 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. Барона *Н. Корфа* Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73-мя рис. Изд. 2-е. Цѣна 60 к.

Школьный садоводъ. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.

Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Два тома. Цѣна каждаго 50 к.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима*. Ц. 75 к.

Учебныя руководства и пособія.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 80 рис. 14-е изданіе. Ц. **20 к.**

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“ *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. **15 к.**

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., съ 200 рис. Ц. **5 к.**

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., 100 рис. Ц. **1 к.**

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) **Къ „Родному слову“** Ушинскаго (400 рис.). 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова“** (460 рис.). 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ“** Паульсона (430 рис.). 4) **„Общія наглядноозвуковыя прописи“** (къ другимъ азбукамъ) (644 рис.) Цѣна каждой книжки **8 к**

Церковно-славянскій букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. **5 к.**

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю“. *Т. Лубенца.* Ц. **15 к.**

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. **20 к.** „Замѣтки для учителя“, обучающаго по этой книжкѣ. Ц. **10 к.**

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца.* Ц. **30 к.**, 2-я кн. Ц. **40 к.**

Руководство къ „Зернышку“. *Т. Лубенца.* Ц. **50 к.**

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. **15 к.**

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфъ.* 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. **75 к.**

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Н. А. Корфа.* 2-е изд. Ц. **15 к.**

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. **12 к.**

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. **50 к.**

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. **60 к.**

Начальная русская грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. **30 к.**

Элементарная грамматика русскаго языка. *Чудинова.* Ц. **50 к.**

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правопис. словъ. Ц. **50 к.** 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. **50 к.** 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. **35 к.** 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. **35 к.**

Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низшихъ учебн. заведеній и младш. классовъ гимназій. Съ 80 рис. 4-е изд. Ц. **60 к.**

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. **40 к.** Тотъ же „Сборникъ“ по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. **30 к.**

Стѣнная таблица мѣръ. *Т. Лубенца.* Ц. **10 к.**

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* Цѣна **25 к.**

Методика ариѳмет. *Житкова.* 3-е изд. Ц. **75 к**

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики“. *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. **40 к.**

Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* Ц. **40 к.**

Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Ц. **60 к**

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. **75 к**

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. **2 р. 50 к.**

Сборникъ алгебр. задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. **40 к.**

Курсъ начальной механики *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. **1 р. 50 к.**

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* 96 рис. Ц. **50 к.**

Полный курсъ физики. *А. Гано* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. **4 р.**

Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А Лачинова.* 122 рис. и 6 карт. Ц. **2 р.**

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Со 100 рисунк. 3-е изд. Ц. **1 р.**

Учебникъ химіи. *Альмединґена.* 96 рис. **140** задачъ. Ц. **2 р.**

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. **1 р 50 к**

Крат. курсъ ботаники. *Сѣлзова.* 118 рис. Ц. **50 к.**

Первыя понятія о зоологіи. *Полл Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд., съ портрет. автора Ц. **1 р.** Въ папкѣ **1 р. 20 к.** Въ перепл. **1 р. 50 к.**

Нач. курсъ географіи. *Корнелл.* 11-е изд., 10-ю раскраш. картъ и 82 рис. Ц. **1 р. 25 к.**

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. **30 к.**

Географія. *Плетенева.* Ц. **30 к.**

Эпизодическій всеобщій курсъ исторіи. *Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна **1 р.**

Очерки новѣйшей исторіи. *Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портрет. Ц. **2р.**, въ перен. **2р. 75 к.**

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Климa.* Ц. **75 к.**

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакиссаня.* 120 рис. и 6 акв. Ц. **1 р. 50 к.**

Безплатно высылается всѣмъ желающимъ полный каталогъ изданій Ф. Павленкова. Обращаться письменно.

Спб. Малая Итальянская, домъ № 6. ***Ф. Ѳ. Павленкову***

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп. До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№ книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Сунъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. Съ 3 рис. (10 коп.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 коп.).
8. Анна-Лизбета. Съ 10 рис. (5 коп.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 коп.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 коп.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. Съ 3 рис. (8 коп.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 коп.).
13. Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 коп.),
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 коп.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 коп.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 коп.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 коп.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 коп.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 коп.).
20. Морская царевна. Должна-же быть разница. Съ 10 рис. (10 коп.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 коп.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 коп.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 коп.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 коп.).
25. Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 коп.).
26. Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).

№№ книжекъ

27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. С ре ряная монетка. Съ 13 рис. (8 коп.).
28. Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 коп.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 коп.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 коп.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис.. портретомъ и біографіей Гауфа (18 коп.).
33. Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
32. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 коп.).
34. Карликъ-носъ. Съ 10 рис. (12 коп.).
35. Приключеніе Саида. Съ 11 рис. (15 коп.).
36. Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 коп.).

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 р., портретомъ и біографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугай и жавороночекъ. Съ 12 рис. (10 коп.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ пани. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 коп.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 р., портретомъ и біографіею Жоржъ-Зандъ (18 к.).
43. Розовое облако. Съ 5 рис. (12 коп.).
44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 коп.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 коп.).

№№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждаго номера—10 коп.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы, сказки Асбьернсена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к. —**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к —**Цыганы.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.— **Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц 2 к.—**Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт , ц. 2 к.—**Пѣсни Западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт.,ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт. ц. 3 к —**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к. — **Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Метель** Съ. 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драматич. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к. —**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами. лицъ, которымъ писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. **6** к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. **10** к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. **3** к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. **4** к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—11) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—13) **Черкесы.** Съ 3 рис. Ц. **2** к—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. **4** к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. **25** к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. **8** к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. **3** к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. **12** к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. **2** к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. **3** к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. **10** к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. **10** к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. **2** к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія Съ5 рис. Ц. **8** к.—27) **Странный человѣкъ.** Драма. Съ 5 рис. Ц. **8** к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. **5** к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. **5** к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц **7** к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. **1** р. **50** к. 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. **40** к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюлльера.* Ц. **1** р. **50** к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. **1** р. **25** к.; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1** р.; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. **1** р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60** к.; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. **1** р ; 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. **1** р.; 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. **1** р. **50** к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд Ц. **1** р ; 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. **1** р.; 14) **Гигіена семьи** *Гебера.* Ц. **50** к.; 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р ; 16) **Наука о жизни.** Попул. физіологія человѣка. *И. Луккевича,* съ 92 рис. Ц. **1** р. 17) **Электричество въ природѣ.** *Ж Дари.* Съ 192 рис. Ц. 1 р. **25** к. 18) **Усталость.** *Моссо.* Съ 80 рис. Ц 1 р. 25 к. 19) **Гигіена женщины.** женщины-врача *Тило.* **40** к.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графинь.* **Домашнія занятія ремеслами.** Съ франц. 400 рис. Ц. **1** р. **50** к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. **1** р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. **1** р. **5**0 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмединген.* Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой **50 коп.** 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген.* Ц. **60** к. 7) **Дѣтскій докторъ.** Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра *Варіо.* Съ франц. подъ редакціей профес. *Пономарева.* Ц. **1** р. 8) **Гигіена дѣтства.** *Э. Перье.* Ц. **50** к. 9) **Уходъ за больными въ семьѣ.** *Энцлера.* Ц. **50** к. 10) **Уходъ за больными дѣтьми** *Э. Перье.* Ц. **50** к.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 картинками. Перев. *Б. Порозовской*. Ц. каждаго тома 60 к., въ пап. 75 к., въ изящномъ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Ц. каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ перев. *Л. Шелгуновой*. 1) Веверлей 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтровѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгантлетъ, 23) Робертъ графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскія воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ 2 р. 80 к.

Сочиненія Виктора Гюго. Два тома. Сокращенный переводъ *С. А. Брагинской*. Ц. 2 р 50 к.

Къ свѣту! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *В. В. Огаркова*. Съ 29 рис. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к. въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова*. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *П. Азбелева*. Съ 16 р. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной*. Со многр. рис. Ц. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к. Въ пер. 1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ *В. Буша*. Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова* Съ пред. И. С. Тургенева. 62 рис. Ц. 2р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради*. Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякида*. Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бострома*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 135 рис. 2-е изд. Цѣна каждаго 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Цѣна 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева*. Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса*. Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап. 60 к., въ перепл. 90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова*. 10 листовъ. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ: на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ каждое—Ц. 5 к.

Математич. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2\times2=5$ и т. п. *Обремова*. Ц. 40 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса*. Переводъ съ франц. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обремова*. Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *С. Воровсфера*. Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *С. Воровсфера*. Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Сказочная страна. *С. Воровсфера*. Съ иллюстраціями Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Воровсфера*. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова*. Съ 55 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова*. Съ 70 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Научныя развлеченія *Г. Тисандье*. Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова*. Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. *В. Галузпева*. Со многр. рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Рыжій графъ Неразлучники. Дочь угольщика. *Засодимскаго*. Съ рис. Цѣна каждой книжки по 35 к

Живыя картинки. *Смирнова*. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова*. Съ 6 рисунками. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Круглова*. Сборн. разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. *Э. Кандеза*. Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. въ перепл. 2 р.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій*. Съ 20 портретами. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза*. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери*. 3-е изд. 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

До 1 октября 1895 г. вышли отдѣльными книжками 170 біографій слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, *Аксаковыхъ*, Андерсена, Аристотеля, Бальзака, Баха, Байрона, Бентама и Беккаріа, Берне, Бэкона, *Бѣлинскаго* (2 изд.), *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, Бисмарка, *Богдана Хмельницкаго*, Боккачіо, Бокля, Бомарше, *Боткина*, Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи *Волкова* (основателя русскаго театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля. Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя* (2 изд.), *Гончарова*, Гракховъ, *Грибоѣдова*, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго (2 изд.), Дагерра и Ніэпса, Даламбера, Данте, Дарвина (2 изд.), *Дашковой*, Декарта, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Добролюбова*, *Достоевскаго*, Жоржъ-Зандъ, *Жуковскаго*, Золя, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Канкрина*, Канта, *Кантемира*, *Карамзина* (основателя харьков. университета), *Карамзина*, Карлейля, Кеплера, Кетлэ, *Ковалевской*, Колумба, *Кольцова*, Кондорсэ, Конта, Конфуція, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, Кромвеля, *Крылова*, Кювье (2 изд.), Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, *Лобачевскаго*, Лойолы (2 изд.), Локка, *Ломоносова*, Ляйэлля, Маколея, Мальтуса, *Меншикова*, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева* (2 изд.), *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Рембрандта, Ришелье, Ротшильдовъ, Руссо, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, Сенеки, *Сенковскаго*, Сервантеса, *Скобелева*, Вальтеръ-Скотта, Адама Смита, *С. Соловьева*, *Сперанскаго*, Спинозы, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэпли, *Сырова*, Теккерея, *Льва Толстого*, Торквемады, *Тургенева*, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли, *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра (2 изд.), Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джоржъ-Эліота, Юма, *Ѳедотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, *Екатерины II*, Лютера, Магомета, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Ренана, Сократа и Платона, *Суворова*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Шекспира, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2).

Объявленія дозволены цензурою, С.-Петербургъ, 28 Августа 1895 года.